This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HL 1RJF A

A7
Drill, D.
Prestypnut'i

Rd. Dec. 1931

HARVARD LAW LIBRARY

Received JUL 2 1931

Юридическая Библіотека.

№ 5.

ПРЕСТУПНОСТЬ
И
ПРЕСТУПНИКИ.

(УГОЛОВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ).

Dmitrii Andreevich Dril'
Дмитрія Дриль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе **Я. Канторовича.**
1895.

JUL 2 1931

Центральная Типо-Лит. М. Я. Минкова. Лиговская, 35.

231

ПРЕСТУПНОСТЬ и ПРЕСТУПНИКИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Явленія человѣческой преступности и причины ихъ пораждающія въ наше время постепенно все болѣе сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе какъ ученыхъ, такъ и общества. Въ послѣднія два десятилѣтія въ наукѣ уголовнаго права совершается настоящая революція: измѣняются объектъ и пріемы изученія и значительно расширяются предѣлы послѣдняго. Возникаетъ новая научная школа—уголовно-антропологическая. Она оставляетъ старый невѣрный путь—путь произвольныхъ логическихъ построеній, обращается къ помощи естествознанія, прибѣгаетъ къ наблюденію и опыту—единственно надежнымъ научнымъ пріемамъ, и, взамѣнъ мертвыхъ отвлеченныхъ формулъ, дѣлаетъ объектомъ своего изученія разновидности дѣйствительнаго живаго преступника со всѣми ихъ многообразными особенностями, проявляющимися въ совершаемыхъ преступленіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она направляетъ свое изученіе и на причины преступности, какъ близкія, такъ и болѣе отдаленныя, кроющіяся иногда не только въ глуби личнаго, но и наслѣдственнаго прошлаго дѣятелей преступленія. При этомъ она сосредоточиваетъ свое вниманіе въ равной мѣрѣ какъ на причинахъ субъективныхъ—психофизическихъ особенностяхъ преступника, такъ и на причинахъ объективныхъ—окружающихъ условіяхъ общественной жизни, которыя съ одной

стороны способствуютъ развитію предрасполагающихъ къ преступленію особенностей личности, а съ другой—при неблагопріятныхъ условіяхъ обстановки, наталкиваютъ уже предрасположеныя натуры на совершеніе преступленій.

Уголовно-антропологическая школа ставитъ основною цѣлью своего изученія изысканіе дѣйствительныхъ средствъ для возможно большаго огражденія общества отъ зла преступленія и притомъ съ возможно большею пощадою виновника преступнаго дѣянія, въ которомъ, не смотря на его большее или меньшее развращеніе, она видитъ человѣка и члена человѣческаго общества, хотя и прегрѣшившаго. Главнѣйшими средствами огражденія общества она считаетъ мѣры предупрежденія противъ порчи и паденія, а средствами второстепенными—наказаніе, цѣль котораго исправленіе. Новая школа отказывается поэтому отъ исканія произвольныхъ уровненій несоизмѣримыхъ въ ихъ существѣ зла преступленія и зла наказанія и задается по отношенію къ преступнику только разумно-утилитарными цѣлями, которыя вполнѣ совпадаютъ и съ цѣлями нравственными.

Это новое направленіе въ наукѣ уголовнаго права было вызвано къ жизни многими могущественно дѣйствовавшими причинами. Съ одной стороны, значительно подвинувшееся впередъ въ настоящемъ столѣтіи развитіе физіологической и патологической психологіи, по самой связи явленій, принудительно подчинило новымъ взглядамъ и науку уголовнаго права и сдѣлало невозможнымъ сохраненіе взглядовъ прежнихъ, завѣщанныхъ глубокой стариной и формами древнихъ отношеній.

Съ другой стороны, удивительное развитіе техники послѣдняго времени и все усиливающееся вторженіе по-

стоянно совершенствуемыхъ машинъ почти во всѣ отрасли производства создаютъ коренной переворотъ во всемъ строѣ отношеній, постепенно выбрасываютъ на рынокъ все новыя количества незанятыхъ рукъ, тоскливо ожидающихъ труда и занятій, и создаютъ особый разрядъ лицъ, къ которымъ самими фактами жизни примѣняется страшное названіе «людей лишнихъ». На ряду съ этимъ идетъ все увеличивающееся сгущеніе населеній въ громадныхъ городскихъ центрахъ и усиленіе пульса общественной жизни, вызываемое ходомъ ускореннаго развитія, въ которомъ каждое послѣдующее непреложно обусловлено всею суммою своихъ предшествующихъ.

Все это и многое другое принудительно выдвигаютъ на первый планъ общественные вопросы, въ ряду которыхъ вопросы преступности, съ одной стороны, и обездоленности съ другой, съ соотвѣтствующими имъ вопросами репрессіи и общественнаго призрѣнія—занимаютъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ, какъ вопросы о болѣзняхъ и убожествахъ общественнаго организма. Спросъ же всегда порождаетъ предложеніе, а потребность вызываетъ изученіе средствъ къ ея удовлетворенію—въ данномъ случаѣ—изученіе явленій преступности и средствъ къ ея предупрежденію и леченію, чѣмъ и занялась уголовная антропологія.

Автору настоящихъ этюдовъ пришлось принять посильное участіе въ дѣлѣ развитія новыхъ взглядовъ въ области, уголовнаго права и, въ теченіи сравнительно долгаго уже періода занятій, помимо большихъ сочиненій, напечатать въ различныхъ журналахъ довольно значительное число отдѣльныхъ статей. Единство предмета, единство направленія и взглядовъ, сохранившихъ

свои особенности на пространствѣ многихъ лѣтъ работы, даютъ ему возможность отвѣтить согласіемъ на сдѣланное ему предложеніе и соединить нѣкоторыя изъ его статей въ одно органическое цѣлое съ небольшими лишь ихъ измѣненіями, обусловливаемыми самимъ процессомъ и цѣлью объединенія. Будучи убѣжденъ, что содержаніе соединяемыхъ статей нисколько не утратило того значенія, какое оно имѣло во время ихъ первоначальнаго печатанія, авторъ позволяетъ себѣ надѣяться, что выпускаемая имъ книга принесетъ посильную пользу дѣлу распространенія въ обществѣ тѣхъ взглядовъ, въ вѣрности основы которыхъ онъ глубоко убѣжденъ.

Петербургъ,
19 мая 1895 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческій ходъ развитія новыхъ ученій въ уголовной антропологіи.

Въ 1808 г. въ Парижъ прибылъ нѣмецкій медикъ Gall. Его сильный, ясный умъ, его знанія и блестящее изложеніе очень скоро обратили на него всеобщее вниманіе и стали привлекать къ нему многочисленныхъ слушателей, восторгавшихся чтеніями великаго учителя. «Я всегда буду помнить» — говоритъ знаменитый натуралистъ Geoffroy Saint-Hilaire, — «наше удивленіе, наши чувства и нашъ энтузіазмъ въ то время, когда докторъ Gall излагалъ намъ въ первый разъ въ королевскомъ саду свои анатомическіе факты». Въ аудиторію Gall'я стекались не только медики, но и сенаторы, генералы, государственные сановники и лица различныхъ профессій, чтобы слушать его увлекательное изложеніе «системы природы», какъ онъ самъ называлъ свое ученіе. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока однажды на вечерѣ Наполеонъ I не высказалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній о доктринѣ Gall'я. На другой же день высокопоставленныя лица покинули аудиторію знаменитаго профессора, перемѣнили тонъ и вооружились противъ его ученія. За ними выступили журналисты, и тогда сарказмъ и иронія стали безпощадно преслѣдовать творца френологіи, который вынужденъ былъ удалиться въ Англію.

Съ 1810 по 1819 г. начала появлятся знаменитая и

составляющая эпоху работа Gall'я и его извѣстнаго и талантливаго ученика Spurzheim'a—«*Anatomie et physiologie du système nerveux en général et du cerveau en particulier*». Въ предисловіи къ ней Gall разсказываетъ, что еще въ юности, живя въ своей многочисленной семьѣ и среди своихъ многочисленныхъ товарищей, онъ началъ подмѣчать, что каждый человѣкъ имѣетъ какую-либо свою рѣзко выраженную психическую особенность, которая отличаетъ его отъ всѣхъ прочихъ людей и опредѣляетъ характеръ его отношеній къ нимъ. Еще тогда же онъ началъ наблюдать и отмѣчать постоянныя связи такихъ особенностей съ физическими особенностями организма.

Надо замѣтить, что въ то время, вслѣдствіе всего хода постепенно подвигавшихся впередъ наблюденій природы, мысль о подобныхъ устойчивыхъ связяхъ была далеко не нова; она ожидала лишь болѣе прочнаго научнаго обоснованія. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія она послужила, наприм., знаменитому I. Lavater'у для построенія полной и всесторонней системы «физіогномики» или науки искусства «понимать своеобразную рѣчь природы, написанную на лицѣ человѣка и во всей его внѣшности» и «узнавать его внутреннее по его внѣшнему» («*Essai sur la physiognomonie destiné à faire connaître l'Homme et à le faire aimer*». Zurich, 1781). «Нельзя слишкомъ часто повторять», замѣчаетъ Lavater—«что приписываніе всего произвольнымъ причинамъ, слѣпому случаю, не подчиняющемуся ни правиламъ, ни закону,—это философія безумцевъ, это смерть истинной науки, истинной философіи и истинной религіи. Уничтожать это заблужденіе и бороться съ нимъ повсюду, гдѣ оно встрѣтится,—долгъ каждаго истиннаго ученаго, философа и теолога».

Въ основу своего труда Lavater положилъ плодотворную

мысль *о постепенномъ развитіи, совершающемся подъ вліяніемъ повторяющихся упражненій и опытовъ.* «Одно и то же состояніе духа»,—такъ выясняетъ и обосновываетъ онъ свой взглядъ,—«порождаетъ во всѣхъ частяхъ лица, въ соотвѣтствіи съ болѣе или менѣе частымъ повтореніемъ, постоянный пріятный или непріятный отпечатокъ. Опредѣленныя состоянія духа, часто повторяющіяся, порождаютъ наклонности; наклонности становятся привычками, а изъ привычекъ рождаются страсти».

«Красота и безобразіе лица находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ нравственною стороною человѣка». «Всякая безпорядочность болѣе или менѣе вліяетъ на физическую сторону, портитъ, ослабляетъ и деградируетъ ее. Напротивъ, нравственная энергія и дѣятельность предупреждаютъ эту деградацію, располагаютъ ко всему, что честно и прекрасно, и вслѣдствіе того, порождаютъ выраженія красоты». Безобразія—это слѣдствія болѣзней и хилости; добродѣтели же способствуютъ поддержанію и развитію здоровья и постепенно вырабатываютъ хорошую органическую конституцію. «Пройдите по госпиталю, по смирительному дому, обитатели которыхъ образуютъ собраніе порочныхъ, лѣнивыхъ и развратныхъ людей, предающихся пьянству и покрытыхъ лохмотьями, и сравните ихъ съ обществомъ моравскихъ братьевъ, менонитовъ или только съ обществомъ трудолюбивыхъ рабочихъ, и вы убѣдитесь въ справедливости моего утвержденія».

Но если человѣкъ способенъ къ паденію, то онъ способенъ и къ подъему, и, притомъ, на ступень высшую той, на которой онъ стоялъ прежде. Средствомъ подъема служитъ вліяніе воспитанія, закрѣпляемаго браками. Воспитаніе въ теченіе одного поколѣнія далеко не всемогуще. Необходимо еще считаться съ наслѣдственностью. «Черты и формы переда-

ются рожденіемъ; нравственныя наклонности передаются тѣмъ же путемъ». «Кто можетъ отрицать», — говоритъ Lavater, — «что при извѣстныхъ формахъ головы, при извѣстныхъ сложеніяхъ, люди прирожденно бываютъ способны или неспособны къ испытыванію опредѣленныхъ чувствъ, къ пріобрѣтенію опредѣленныхъ талантовъ и къ опредѣленнымъ родамъ дѣятельности?» «Желать принудить человѣка думать и чувствовать такъ, какъ мы думаемъ и чувствуемъ, равносильно требованію, чтобы его лобъ и носъ приняли формы нашихъ». Только *нарощающееся* вліяніе воспитанія, закрѣпляемаго соотвѣтствующими браками, открываетъ «другу человѣчества перспективы счастія» и пробуждаетъ въ немъ надежду на «утѣшительное будущее».

Интересно, что Lavater хорошо знаетъ и неодолимыя влеченія. Онъ приводитъ два случая подобныхъ влеченій къ воровству и замѣчаетъ о страдавшихъ ими, что «такихъ людей надо болѣе жалѣть, нежели презирать».

Но вернемся къ Gall'ю, которому въ то время, когда мы его покинули, предстояло научно обосновать его пока еще поверхностныя наблюденія. Для этого онъ занялся медициной.

«Мнѣ много говорили о функціяхъ мускуловъ внутренностей и т. д.»,—такъ разсказываетъ онъ о своихъ занятіяхъ,—«но мнѣ ничего не говорили о функціяхъ мозга и его различныхъ частей». И вотъ онъ самъ не замедлилъ пополнить пробѣлъ. «Я предполагалъ сначала, и это не замедлилъ потомъ возвести въ достовѣрность, что различія въ формѣ череповъ вызываются различіями въ формѣ мозговъ»,— говоритъ онъ.

«Не было ли очень естественно надѣяться тогда, что, открывъ и констатировавъ у людей, одаренныхъ замѣчатель-

ными талантами, внѣшніе признаки ихъ качествъ, мнѣ удастся при помощи этого придти къ познанію функцій мозга и его частей»?

Онъ бодро принялся за настойчивую работу, которая, по его собственнымъ словамъ, представляла громадныя трудности, потому что на каждомъ шагу ему приходилось сталкиваться съ распространенными общепризнанными ученіями. Положеніе было тяжелое. Великій человѣкъ, однако, не падалъ духомъ и твердо шелъ къ намѣченной цѣли. «Сколько разъ я испытывалъ свою совѣсть», — говоритъ онъ, — «чтобы узнать, не руководился ли я въ моихъ изысканіяхъ какимъ-либо порочнымъ мотивомъ». Но совѣсть оставалась спокойна и не произносила жгучаго слова осужденія. И послѣдующее показало, что она была вполнѣ права: Gall закладывалъ фундаментъ зданія, которое теперь отдѣлывается.

«Говорятъ, что истина часто бываетъ опасна», — замѣчаетъ онъ. «Но развѣ ложь и заблужденіе не опасны въ неизмѣримо большей степени? Сколько разъ исторія открытій доказывала нелѣпость этого мнѣнія, основаннаго на недостаточномъ знаніи связи явленій. Впрочемъ, мы слышали разсказы объ опасности истины только отъ людей, которые лишь изъ тщеславія желаютъ казаться просвѣщенными, но умъ которыхъ въ дѣйствительности затемненъ предразсудками».

Исходя изъ такихъ побужденій и основъ въ своей работѣ, Gall, послѣ долгаго и упорнаго труда, выступилъ на новую дорогу. «Онъ почувствовалъ», — говоритъ Broussais, — «что для человѣка недостаточно наблюдать самого себя, а необходимо приложить всѣ способности къ изученію другихъ людей». «Мысль о систематизаціи явилась у него лишь послѣ долгихъ наблюденій». «Когда онъ собралъ достаточно большое число фактовъ, тогда только онъ задумалъ координировать и создать

изъ нихъ систему». Этимъ путемъ Gall пришелъ къ построенію своей извѣстной френологической доктрины. Въ ея основу была заложена мысль, что мозгъ есть органъ всѣхъ психическихъ явленій, но что, въ то же время, онъ не представляетъ собою одного нераздѣльнаго органа, а собраніе органовъ, каждый изъ которыхъ есть центръ опредѣленной способности души. «Особенности способностей души и ума»,— говорятъ Gall и Spurzheim,—«врожденны и ихъ проявленія обусловливаются организаціей». При этомъ они оговариваются, что разсматриваютъ способности души лишь постольку, «поскольку онѣ становятся явленіями при посредствѣ матеріальныхъ органовъ», и вовсе не изслѣдуютъ ихъ въ самихъ себѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, не изслѣдуютъ и природы души и тѣла.

«Мозгъ есть органъ всѣхъ склонностей, всѣхъ чувствованій и всѣхъ способностей»,—говорятъ Gall и Spurzheim. «Онъ слагается изъ столькихъ особыхъ органовъ, сколько существуетъ склонностей, чувствованій и способностей, существенно различныхъ другъ отъ друга». Нравственно-умственныя качества проявляются, увеличиваются и уменьшаются, или бываютъ несовершенны и уклоняются въ своемъ развитіи, соотвѣтственно развитію, укрѣпленію или ослабленію и уклоненіямъ въ ходѣ развитія ихъ мозговыхъ органовъ. Прирожденность способностей души обусловливается ихъ наслѣдственностью. «Когда физическая конституція передается отъ родителей къ дѣтямъ, тогда послѣднія въ той же мѣрѣ походятъ на нихъ и въ способностяхъ нравственныхъ и умственныхъ». «Конечно, необходимо признать»,—замѣчаетъ Spurzheim въ другомъ своемъ сочиненіи 1812 г.: «*Observations sur la folie*»,—что въ моментъ зачатія конституція обоихъ родителей, а въ теченіи беременности состояніе матери имѣютъ

большое вліяніе на будущность ихъ дѣтей и могутъ сообщить имъ различныя склонности».

Прирожденная организація не остается, однако, неизмѣнною. На нее вліяетъ окружающая среда и своими воздѣйствіями измѣняетъ ее, хотя она и не можетъ дать вновь или уничтожить совершенно опредѣленныя склонности и качества. Неупражненіе того или другаго органа можетъ задержать его развитіе, а упражненіе, напротивъ, можетъ усилить его дѣятельность. Эта возможность развитія или ослабленія, при посредствѣ упражненій или неупражненій, и даетъ основаніе для воспитанія. Значеніе послѣдняго по достоинству было оцѣнено Gall'емъ и его учениками. Въ сочиненіи Spurzheim'а отъ 1822 г.: «*Essai sur les principes élementaires de l'éducation*», которое читается съ весьма большимъ интересомъ, мы находимъ вполнѣ вѣрные взгляды на правильное воспитаніе. «Первый и наиболѣе важный предметъ антропологіи или ученія о человѣкѣ»,—говоритъ онъ,—«это познаніе его природы; второе—это направленіе его воспитанія наиболѣе благопріятнымъ образомъ». «Воспитаніе не можетъ создать ничего; оно ограничивается развитіемъ того, что естественно существуетъ въ человѣкѣ, и только сообщаетъ благотворное направленіе его первоначальнымъ способностямъ». «Великая задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы привести въ гармонію всѣ способности и поддерживать эту гармонію. Для достиженія такой цѣли необходимо, чтобы тѣ, которые занимаются направленіемъ дѣтей и взрослыхъ обращали побольше вниманія на различія степеней дѣятельности врожденныхъ наклонностей». «Припомнимъ также»,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—«что всякая способность упражняется единственно дѣятельностью своихъ функцій. Поступая такимъ образомъ, увидятъ, что человѣкъ научается

быть мужественнымъ, осмотрительнымъ, честолюбивымъ, благожелательнымъ и справедливымъ такъ же, какъ онъ научается пѣть, считать, строить, говорить и думать». Воспитаніе физическое должно предшествовать воспитанію интеллектуальному и всегда должно идти въ согласіи съ нимъ, чтобы ни одна изъ способностей не культивировалась въ ущербъ другой. Здоровье есть основаніе, а образованіе есть украшеніе воспитанія. Между тѣмъ, «многіе родители торопятся культивировать умственныя способности своихъ дѣтей и пренебрегаютъ укрѣпленіемъ ихъ конституціи. Они полагаютъ, что они никогда не могутъ достаточно рано научить ихъ читать и писать»

Въ числѣ прочихъ общественныхъ вопросовъ Gall коснулся и вопросовъ о преступности и первый заложилъ основы его научной постановки и изученія.

Только небольшая часть людей, по мнѣнію Gall'я, представляетъ собою очень счастливыя организаціи, дающія имъ возможность отыскивать въ самихъ себѣ необходимую силу, чтобы создавать себѣ законъ и дѣйствовать согласно съ требованіями наиболѣе благородныхъ особенностей человѣка. Другая же часть, напротивъ, представляетъ собою несчастныя организаціи и становится ихъ жертвой. Остальные же люди, не принадлежащіе къ этимъ крайнимъ категоріямъ, въ значительной мѣрѣ опредѣляются къ дѣятельности въ зависимости отъ окружающихъ условій. Поэтому внѣшнія вліянія могутъ оказывать воздѣйствія на ихъ поступки и могутъ отклонять ихъ отъ преступленій. Правда, и самыя совершенныя учрежденія не могутъ уничтожить всѣхъ преступленій, тѣмъ не менѣе, хорошее воспитаніе народовъ можетъ произвести значительное уменьшеніе нравственнаго зла.

Gall указываетъ на невѣрность постановки вопроса о пре-

ступленіи въ уголовныхъ кодексахъ, которые соразмѣряютъ ныказаніе исключительно съ преступнымъ дѣяніемъ, почти не принимая во вниманіе самаго дѣятеля и его особенностей. «Но преступленія не совершаются сами собой, а потому и не могутъ быть разсматриваемы, какъ какія то отвлеченныя существа». «Преступленія—это суть результаты дѣятельности опредѣленныхъ индивидуумовъ».

«Всякое разумное законодательство должно отказаться отъ притязанія отправлять правосудіе. Оно должно ставить себѣ цѣль, которую возможно достигнуть и достиженіе которой обезпечиваетъ благо всего общества и отдѣльныхъ гражданъ въ частности. Эта цѣль—насколько то допускаетъ природа человѣка—предупреждать преступленія, исправлять преступниковъ и обезпечивать общество отъ тѣхъ изъ нихъ, которые неисправимы. Это все, что разумно можно требовать отъ учрежденій человѣческихъ».

Высказывая свои взгляды съ твердою увѣренностью, Gall, однако, ясно сознавалъ, что они еще не по-плечу времени. «Я съ грустью предвижу»,—замѣчаетъ онъ,—«что пройдетъ еще много лѣтъ, пока моя доктрина о природѣ человѣка получитъ достаточно общее признаніе. И когда этотъ моментъ уже настанетъ для физіологовъ, воспитателей и философовъ, то юрисконсульты еще надолго отстанутъ въ ея примѣненіи къ законодательству».

Gall и Spurzheim ясно формулировали и доктрину неудержимыхъ влеченій въ примѣненіи къ преступленію. «Въ человѣкѣ существуетъ наклонность»,—говорятъ они,—«которая отъ простаго равнодушія при видѣ страданій животныхъ и отъ простаго удовольствія при видѣ ихъ убиванія доходитъ постепенными градаціями до наиболѣе повелительнаго желанія убивать. Чувствительность отвергаетъ эту доктрину, но она есть

не болѣе, какъ дѣйствительность». «Человѣкъ, будучи жертвою этой ужасной склонности, иногда еще сохраняетъ способность побѣдить ее или дать ей невредное направленіе. Но власть побѣждать ее ослабляется въ такомъ человѣкѣ пропорціонально степени недостатковъ воспитанія и меньшему развитію органовъ способностей высшаго порядка»,

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ общественно-психологическая доктрина, развитая Gall'емъ [1]). Самъ Gall

[1]) Говоря о Gall'ѣ, нельзя пройти молчаніемъ знаменитаго медика-философа—Cabanis'a. Gall и Cabanis въ основныхъ своихъ научныхъ взглядахъ, въ сущности, поправляютъ и дополняютъ другъ друга. Послѣдній не касался вопроса о преступности, но его воззрѣнія на соотношенія физической и нравственной сторонъ природы человѣка вообще оказали могущественное вліяніе и указали путь и къ изученію преступника не только съ психической стороны, но также и со стороны физической, во всей сложной цѣлостности послѣдней и въ ея тѣсной связи съ первою. Относящіяся сюда воззрѣнія Cabanis'a изложены въ его извѣстномъ трудѣ «Rapports du physique et du moral de l'Homme», состоящемъ изъ 12 мемуаровъ, которые впервые соединены вмѣстѣ въ 1802 г.; шесть изъ нихъ были прочитаны въ академіи въ 1796 и 1797 г. Подобно Condillac'у, Cabanis исходитъ отъ чувствованій, какъ основы психической жизни, съ тою лишь разницею, что Condillac и его школа пріурочиваютъ источникъ идей и понятій къ внѣшнимъ чувствованіямъ, тогда какъ Cabanis съ поразительнаго для того времени ясностью взгляда, ставитъ ихъ въ связь также съ внутренними или системными чувствованіями. Въ противоположность Gall'ю, Cabanis усматриваетъ центръ тяжести психической жизни не въ особыхъ условіяхъ развитія и возбужденія различныхъ частей центральной нервной системы—мозга, состоящаго изъ специфическихъ органовъ, а въ возбужденіи различныхъ органическихъ системъ, которое лежитъ въ основѣ разнообразныхъ чувствованій. Одинъ ищетъ начальные стимулы въ мозгу и его различныхъ частяхъ, а другой—въ органическихъ системахъ. Cabanis изучаетъ весь организмъ, всѣ его системы и ихъ общее и частное участіе въ чрезвычайно сложной психофизической жизни человѣка. Каждая органическая система и каждый изъ составляющихъ ее органовъ имѣютъ свои особыя, только имъ свойственныя функціи, изъ которыхъ слагается физіологи-

хорошо зналъ цѣну своего ученія и твердо вѣрилъ въ истину своихъ доктринъ. «Анатомія и физіологія мозга нѣмецкаго доктора»,—говоритъ онъ съ благородною гордостью,—«остаются и останутся, не смотря на усилія Наполеона и его подражателей, а также и на усилія толпы его помощниковъ». «Эти ученія о качествахъ и способностяхъ человѣка не носятъ на себѣ отпечатка вѣка, въ который возникли, а потому и не состарѣются вмѣстѣ съ нимъ. Они являются плодомъ безчисленныхъ наблюденій и останутся непоколебимы и вѣчны, какъ и сами наблюдавшіеся факты и какъ основныя силы, существованіе которыхъ эти факты заставляютъ насъ признать».

Вначалѣ френологическая доктрина Gall'я имѣла весьма большой успѣхъ, и ея изученіе быстро распространилось во Франціи, Англіи, Швеціи, Даніи, Америкѣ и другихъ странахъ. Въ числѣ многочисленныхъ послѣдователей Gall'я нельзя не упомянуть знаменитаго французскаго профессора Broussais, который совмѣстилъ его воззрѣнія съ воззрѣніями Cabanis'а. Блестящія чтенія Broussais привлекали столь громадныя массы слушателей, что онѣ не могли вмѣститься въ

ческая жизнь организма и которыя, при посредствѣ свойственныхъ имъ специфическихъ чувствительностей, имѣютъ свою долю участія и въ жизни психической. Cabanis изучаетъ эту сложную жизнь въ ея многообразныхъ измѣненіяхъ по поламъ, возрастамъ, темпераментамъ и временнымъ состояніямъ и т. д.

Сочиненіе Cabanis'а было первою серьезною попыткою созданія физіологической психологіи, въ точномъ смыслѣ этого слова. Cabanis, конечно, не разрѣшилъ вопроса, потому что достаточныя научныя данныя и развитые методы научнаго изслѣдованія въ то время почти отсутствовали, но онъ правильно поставилъ сложный вопросъ и намѣтилъ вѣрные пути къ его уясненію, вслѣдствіе чего его работа является какъ бы исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ трудовъ въ томъ же направленіи, которые понемногу и начинаютъ выполняться въ наше время.

амфитеатрѣ медицинскаго факультета Парижа. Тогда сами ученики предоставили своему учителю другой, болѣе обширный, въ которомъ онъ и читалъ свой памятный курсъ 1836 г., увѣковѣченный выбитіемъ золотой медали съ его портретомъ и съ надписью: «Знаменитому автору физіологической медицины и курсовъ френологіи его благодарные ученики. 1836».

Между тѣмъ, неизбѣжные для уровня научнаго развитія того времени промахи и ошибки въ доктринѣ Gall'я подвергли ее жестокимъ ударамъ критики. Въ 1842 г. противъ нея выступилъ, между прочимъ, могучій противникъ, знаменитый физіологъ Flourens, въ своемъ сочиненіи: «*Examen de la phrénologie*». «Я видѣлъ»,—говоритъ онъ,—«успѣхи френологіи и я написалъ эту книгу. Каждый вѣкъ зависитъ отъ своей философіи. XVII вѣкъ зависѣлъ отъ философіи Descart'a, XVIII—отъ философіи Lock'a и Condillac'a; долженъ ли XIX вѣкъ зависѣть отъ философіи Gall'я?» Признавъ заслуги его, Flourens, тѣмъ не менѣе, отрицательно отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Его примѣру послѣдовали и другіе.

Въ обоснованномъ на фактахъ стройно-величественномъ ученіи Gall'я, не смотря на всѣ его ошибки, было слишкомъ много вѣрнаго, чтобъ это вѣрное могло безслѣдно погибнуть. Факты природы громко говорили за Gall'я. Вскорѣ же послѣ, казалось бы, безповоротнаго пораженія зерно его доктрины должно уже было снова взойти для новой, болѣе мощной научной жизни. Съ открытія Broc'a въ 1861 г. и съ открытія Fritsh'a и Hiazig'a въ 1870 г. она, повидимому, стала на прочное научное основаніе. Еще въ 1860 г. доктрина Gall'я нашла себѣ защитника въ лицѣ Virchow'a. Съ тѣхъ поръ зерно его ученія продолжало и продолжаетъ развиваться въ своей анатомо-физіологической части, будучи поддерживаемо многочисленными и тщательными работами и

наблюденіями. Впрочемъ, дальнѣйшаго хода его развитія я больше касаться не стану и перейду къ писателямъ, непосредственно занимавшимся изученіемъ преступности.

Въ 1868 г. появилось сочиненіе Prosper'a Despine— «*Psychologie naturelle*». Его начало посвящено нормальной психологіи; затѣмъ слѣдуетъ психологія душевныхъ аномалій вообще и преступности въ частности. Та и другая обоснованы на громадномъ фактическомъ матеріалѣ, на многочисленныхъ экспериментахъ и наблюденіяхъ. Основаніемъ для психологіи преступности послужили, напримѣръ, уголовные процессы, отчеты о которыхъ печатались съ 1825 г. въ «*Gazette de Tribunaux*».

Въ названномъ своемъ трудѣ Despine выдвинулъ на первый планъ преобладающее вліяніе на дѣятельность человѣка темныхъ системныхъ чувствъ и организовавшихся и наслѣдственно передаваемыхъ жизненныхъ опытовъ восходящихъ,—однимъ словомъ, того, что онъ называетъ инстинктивною природой человѣка, въ противоположность его интеллектуальной природѣ, которая, по мнѣнію автора, оказываетъ значительно меньшее вліяніе какъ на нравственныя качества, такъ и на дѣятельность человѣка. Особенности этой инстинктивной природы вполнѣ зависятъ отъ особенностей организаціи. Дурными особенностями инстинктивной природы обусловливается и преступность. Она представляетъ сродство съ явленіями душевнаго разстройства, хотя и не есть болѣзнь. «Наблюденіе, показывающее, что преступники имѣютъ часто душевно-больныхъ въ числѣ своихъ восходящихъ, доказываетъ несомнѣнное родство, существующее между порочностями мозга, образующими преступниковъ, и патологическими состояніями этого органа, порождающими душевно-больныхъ». Тяжкіе преступники, какъ показываютъ многочисленные процессы, лишены нравственнаго

чувства, и эта аномалія ихъ инстинктивной природы дѣлаетъ ихъ нравственно несвободными, какъ бы нравственными идіотами, лишаетъ ихъ возможности противустоять ихъ извращеннымъ влеченіямъ и легко наталкиваетъ ихъ на самыя страшныя преступленія, не сопровождаемыя угрызеніями совѣсти и раскаяніемъ. По отношенію къ наиболѣе тяжкимъ преступникамъ Despine рекомендуетъ нравственное перевоспитаніе, сроки котораго, какъ и леченія, не могутъ быть опредѣляемы напередъ.

Къ сожалѣнію, я не могу останавливаться въ подробностяхъ на прекрасномъ и поучительномъ трудѣ Despine. Замѣчу лишь, что ему принадлежатъ заслуга обстоятельной разработки вопроса о вліяніи особенностей инстинктивной стороны существа человѣка на его преступность и заслуга провозглашенія сродства, но отнюдь не тождества, этой послѣдней съ явленіями душевнаго разстройства, что новѣйшими работами подтверждается все болѣе и болѣе.

Сочиненіе Despine послужило толчкомъ для изслѣдованій врача пертской тюрьмы Thomson'а. Основываясь на своихъ личныхъ наблюденіяхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, послѣдній пришелъ въ своихъ работахъ: «*The Hereditary Nature of Crime*» и *The psychologie of criminals*» 1870 и 1871 г.— къ выводамъ, сходнымъ съ выводами Despine, причемъ онъ особенно подчеркнулъ, и выставилъ на видъ вліяніе наслѣдственности порочныхъ особенностей психофизической организаціи въ сферѣ преступленія,—порочностей, которыя предрасполагаютъ человѣка къ дурной и противозаконной дѣятельности. По мнѣнію Thomson'а, дѣти порочныхъ и преступныхъ родителей наслѣдуютъ склонность къ усиленной дѣятельности нѣкоторыхъ низшихъ способностей, тогда какъ высшія и направляющія способности и чувства у нихъ не развиты.

Стоя близко къ преступникамъ и ежедневно наблюдая и изучая ихъ, Thomson отмѣтилъ также существованіе и особаго преступнаго класса. Этотъ классъ представляетъ свои физическія и психическія особенности. Его представители принадлежатъ къ низшему человѣческому типу и являются продуктомъ вырожденія и регресса.

Другой англійскій изслѣдователь, тюремный врачъ Nicolson, въ своей работѣ 1874 и 1875 г.: «*The Morbid psychologie of criminals*», указалъ на распространенность между привычными преступниками различныхъ душевныхъ аномалій: слабоумія, душевныхъ разстройствъ, ложныхъ идей, напримѣръ, идей преслѣдованія, и вообще упадка въ нихъ достоинствъ и преимуществъ человѣческой природы.

На тотъ же нѣсколько болѣзненный характеръ природы преступности указалъ и итальянскій изслѣдователь, психіатръ и тюремный врачъ д-ръ Vergilio, въ своей прекрасной работѣ 1874 г.: «*Saggio di ricerche sulla natura morbosa del delitto*». Въ ней онъ пришелъ къ заключенію о «болѣзненной природѣ преступленія» и о его «аналогіи съ явленіями вырожденія человѣческаго типа, съ одной стороны, и съ явленіями душевныхъ болѣзней — съ другой». При этомъ онъ отмѣтилъ множество психическихъ аномалій у преступниковъ: ихъ пониженную чувствительность, ихъ эгоизмъ, отсутствіе въ нихъ нравственнаго чувства, замѣчаемую смѣну состояній экзальтаціи и подавленности, странность ихъ убѣжденій и взглядовъ и часто капризный и безцѣльный характеръ ихъ дѣйствій. Онъ указалъ также и на сходство преступныхъ влеченій съ эпилептическими приступами.

Болѣе полную и всестороннюю разработку вопросъ о преступности получилъ въ трудахъ итальянскаго психіатра и профессора судебной медицины, а теперь и тюремнаго вра-

ча C. Lombroso и его сотрудниковъ. Ему предстояло дать могучій толчокъ къ всестороннему изученію явленій преступности. Своими работами онъ перенесъ вопросъ объ этихъ явленіяхъ изъ области метафизическихъ теорій, создаваемыхъ в кабинетахъ ученыхъ юристовъ, въ область исключительно наблюденія и опыта и примѣнилъ къ изученію преступника точные методы естествознанія. Обоснованный теперь на психологіи, психіатріи и антропологіи вообще, вопросъ этотъ вышелъ изъ области произвольныхъ построеній и сталъ научною проблемой, допускающею научное рѣшеніе и такую же провѣрку.

Вотъ въ чемъ и заключается дѣйствительная и неоспоримая заслуга проф. Lombroso, которую, несмотря на сдѣланные имъ промахи и ошибки, за нимъ будетъ числить наука и могучее вліяніе которой отражается не только въ теоріи, но и на практикѣ, и, притомъ, на практикѣ, имѣющей дѣло съ обездоленными членами общества.

Знаменитое сочиненіе Lombroso «*L'uomo delinquente*» вышло многими постоянно исправляемыми и пополняемыми изданіями и появилось въ иностранныхъ переводахъ. Отъ этого сочиненія и можно считать начало новой эпохи въ наукѣ уголовнаго права, къ которой все предшествующее было лишь подготовительною стадіей.

Изученіе нѣкоторыхъ сомнительныхъ судебно-уголовныхъ случаевъ показало проф. Lombroso, что за рѣдкими исключеніями душевно-больные и преступники довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга и отъ нормальныхъ людей. Этотъ выводъ послужилъ ему исходнымъ пунктомъ для всесторонняго изученія преступника и естественной исторіи преступленія, при помощи опыта и наблюденія.

Сочиненіе Lombroso начало появляться съ 1871—1876 г. въ «*Atti dell Istituto Lombardo*». Отдѣльнымъ выпускомъ

оно вышло въ послѣднемъ году въ Миланѣ, а черезъ два года, т. е. въ 1878 году, оно уже появилось вторымъ переработаннымъ изданіемъ. Въ этихъ двухъ изданіяхъ, какъ и въ послѣдующихъ, проф. Lombroso подробно разсматриваетъ и изучаетъ преступника вообще, какъ во всѣхъ его наружныхъ признакахъ, такъ и во всѣхъ его психическихъ особенностяхъ, отъ элементарной чувствительности до религіи и литературы включительно. Онъ не ограничивается изученіемъ преступника, какъ готоваго результата, но изучаетъ его и въ его этіологіи и приходитъ къ выводу, что преступники представляютъ собою какъ бы особую касту или расу, особый типъ, отмѣченный опредѣленными органическими особенностями. По мнѣнію автора, эта каста или раса представляетъ собою результатъ атавизма. Животные инстинкты, ослабленные въ человѣкѣ воспитаніемъ, средою и страхомъ наказанія, въ преступникѣ снова воскресаютъ и пробиваются наружу. Въ первомъ изданіи своего труда проф. Lombroso замѣчаетъ, что тотъ, кто прочелъ его книгу, могъ убѣдиться, что многія особенности, которыя представляютъ цвѣтныя расы, присущи также и привычнымъ преступникамъ. Поэтому онъ разсматриваетъ преступленіе какъ явленіе естественное и необходимое, подобно рожденію, смерти и зачатію.

Принявъ въ конечномъ выводѣ теорію атавизма, проф. Lombroso не упустилъ, однако, отмѣтить, подобно своимъ предшественникамъ, и нѣкоторое сходство и сродство преступниковъ съ душевно-больными, что и послужило основаніемъ для послѣдующаго измѣненія его взглядовъ, подъ вліяніемъ подвигавшагося впередъ тщательнаго изученія явленій дѣйствительности.

Теорію атавизма въ сферѣ преступленія нельзя, какъ мнѣ кажется, признать удачной па основаніи всего извѣстнаго намъ о дикаряхъ, съ одной стороны, и о преступникахъ — съ другой. Но каковъ бы ни былъ выводъ, каково бы ни было объ-

ясненіе, они нисколько не умаляютъ достоинствъ самаго труда, въ которомъ впервые собрано и обработано множество предшествующихъ изслѣдованій и громадная масса фактическаго матеріала, наглядно доказывающаго, что преступникъ по многимъ своимъ психофизическимъ особенностямъ представляетъ собою въ значительной мѣрѣ особое существо.

Въ 1880 г. проф. Lombroso основалъ спеціальный журналъ: «*Archivio di psichiatria, antropologia criminale-e scienze penali*[1]), а въ 1886 г. подобный же журналъ— «*Archives d'anthropologie criminelle et de sciences pénales*»—основалъ во Франціи проф. Lacassagne. Около новаго итальянскаго журнала сгруппировались ученики и сотрудники проф. Lombroso и онъ сталъ органомъ новой италіанской школы уголовнаго права. Послѣдняя рѣшительно отказалась отъ метафизическихъ построеній и избрала девизомъ своего знамени тщательное и всестороннее изслѣдованіе дѣйствительнаго преступника, какимъ мы его встрѣчаемъ въ жизни, и, притомъ, изслѣдованіе при помощи всѣхъ точныхъ методовъ непосредственнаго наблюденія и опыта и при помощи всѣхъ сопредѣльныхъ положительныхъ наукъ. Этимъ въ полномъ смыслѣ слова совершена революція въ области науки уголовнаго права, занимающейся изученіемъ самыхъ темныхъ сторонъ общественной жизни, которыя до сихъ поръ сравнительно еще мало освѣщались во всѣхъ своихъ поучительныхъ детальныхъ особенностяхъ.

Между тѣмъ, Lombroso было указано его критиками, что существуетъ не преступникъ вообще, какъ одна какая-то низшая разновидность, а различныя категоріи преступниковъ, отличающіяся своими особенностями. Такихъ категорій про-

---

[1]) Спеціально юридическимъ органомъ италіянской школы служитъ основанный въ 1891 г. журналъ: „La scuola positiva".

фессоромъ Ferri установлено пять: 1) преступники сумасшедшіе, 2) преступники прирожденные (delinquenti nati) или неисправимые (incorreggibili), 3) преступники привычные, 4) преступники случайные и 5) преступники по страсти. Это дѣленіе, введенное италіанскою школой и признанное въ его «существенныхъ частяхъ», какъ формулировалъ проф. Benedict, первымъ уголовно-антропологическимъ конгрессомъ, нельзя, однако, признать вполнѣ удачнымъ. Кромѣ первой категоріи, вполнѣ опредѣленной, остальныя или не вполнѣ вѣрны, или образованы по недостаточно характернымъ и существеннымъ признакамъ. Тѣмъ не менѣе, самую мысль о дѣленіи преступниковъ на категоріи по присущимъ имъ психофизическимъ особенностямъ и о приведеніи въ соотвѣтствіе съ этими различіями и различій въ мѣрахъ противъ нихъ необходимо признать вполнѣ правильною и плодотворною, такъ какъ она кладетъ въ основу различія этихъ мѣръ не преступленіе, а преступность человѣка или ту особенность его психофизической организаціи, которая, при наличности извѣстныхъ условій, приводитъ его въ столкновенія съ уголовнымъ закономъ.

Въ 1884 г. появилось третье изданіе сочиненія Lombroso. Въ немъ авторъ ограничиваетъ свое изслѣдованіе только такъ называемыми прирожденными преступниками и, подъ вліяніемъ новыхъ изслѣдованій, значительно измѣняетъ свой взглядъ на природу преступности: изъ противника теоріи тождества нравственно-помѣшанныхъ (moral insanity) и прирожденныхъ преступниковъ онъ становится ея сторонникомъ. Но, въ то же время, онъ удерживаетъ и свою прежнюю точку зрѣнія и только соглашаетъ ее съ новою. По мнѣнію автора, его прирожденный преступникъ представляетъ собою не только результатъ болѣзненныхъ уклоненій, но, въ то же время, и результатъ атавизма. Прирожденый преступникъ — это «дикій че-

ловѣкъ и вмѣстѣ больной». Такое соединеніе обусловливается задержкой въ развитіи нѣкоторыхъ органовъ, дѣлающей изъ нихъ, съ одной стороны, locum minoris resistentiae, а съ другой—возвращающей ихъ къ типу низшаго развитія.

Такимъ образомъ, въ этомъ изданіи Lombroso внесъ серьезную поправку въ свою теорію и сдѣлалъ значительный шагъ въ сторону теоріи Morel'я о вырожденіи, но при этомъ призналъ тождество прирожденной преступности съ одною изъ формъ проявленія послѣдняго, съ такъ называемымъ нравственнымъ помѣшательствомъ.

Въ 1887 г. появилось четвертое изданіе, ограничивающееся, какъ и третье, изученіемъ такъ называемаго прирожденнаго преступника. Представляя болѣе тщательную и полную разработку вопроса, оно удерживаетъ конечные выводы третьяго, съ тою лишь разницей, что сближаетъ прирожденнаго преступника не только съ нравственно-помѣшаннымъ, но и съ эпилептикомъ. Такимъ образомъ, въ прирожденномъ преступникѣ Lombroso, по прежнему, видитъ дикаря съ одной стороны, и болѣзненнаго человѣка — съ другой, причемъ онъ, попрежнему, соглашаетъ эти два воззрѣнія при помощи теоріи частичной остановки въ развитіи. Въ этомъ послѣднемъ изданіи онъ, повидимому, еще болѣе склоняется въ сторону теоріи вырожденія. «Вообще, я не противъ этой теоріи»,— говоритъ онъ. «Только въ эпоху, когда наука постоянно стремится къ анализу, это понятіе (понятіе вырожденія) мнѣ кажется слишкомъ широкимъ». Совершенно вѣрное замѣчаніе, если остановиться только на этомъ общемъ понятіи. Но общее понятіе о вырожденіи, при ближайшемъ изученіи фактовъ живой дѣйствительности, разложится на свои составныя части,—на различныя формы вырожденія или на различныя разновидности порочностей и неуравновѣшенностей психофи-

зической организаціи, постепенно вырабатывающіяся подъ вліяніемъ различныхъ неблагопріятно дѣйствующихъ условій окружающей обстановки и постепенно закрѣпляющихся наслѣдственностью.

На основаніи собственныхъ тщательныхъ изслѣдованій тюремнаго населенія, къ сходнымъ результатамъ пришелъ и сотрудникъ Lomroso, психіатръ и тюремный врачъ, докторъ Marro, въ своемъ прекрасно обработанномъ сочиненіи 1887 года: «*I caratteri dei delinquenti*», которое представляетъ собою прекрасное дополненіе къ сочиненію Lombroso. Въ немъ д-ръ Marro склоняется въ сторону преобладанія вліянія «болѣзненной наслѣдственности въ этіологіи преступленія», а въ обстоятельно разработанномъ имъ вопросѣ о наслѣдственности физическихъ и психическихъ качествъ въ особенности прекрасно оттѣняетъ изученными фактами вліяніе возраста родителей въ моментъ зачатія ребенка. Каждому возрасту свойственны свои физическія и психическія особенности. Въ ранней молодости наблюдается необдуманность, порывистость, любовь къ шумнымъ удовольствіямъ, экзальтація чувствъ, преобладаніе слѣпыхъ страстей и импульсивность, а въ зрѣломъ возрастѣ и особенно подъ старость — холодная осмотрительность, недовѣрчивость, эгоизмъ, иногда подозрительный, холодный и жесткій, и большій или меньшій упадокъ соціальнаго чувства и т. д. И всѣ эти измѣненія характера не ограничиваются лишь претерпѣвающими ихъ, а, напротивъ, стремятся передаваться наслѣдственно и вліять на судьбы нисходящихъ поколѣній, а въ томъ числѣ и на ихъ наклонность къ преступленію.

Всѣхъ преступниковъ д-ръ Marro подраздѣляетъ на три категоріи: 1) преступники съ преобладаніемъ особенностей атавистическихъ, 2) съ преобладаніемъ особенностей атипическихъ или тератологическихъ и 3) съ преобладаніемъ болѣзненныхъ особенностей. При этомъ, изучая психофизиче-

скія особенности преступниковъ, онъ изучаетъ ихъ въ зависимости отъ совершенныхъ ими преступленій, потому что «органическія, физіологическія и психическія особенности различаются соотвѣтственно различнымъ родамъ ихъ преступленій», а затѣмъ распредѣляетъ различные виды совершителей по установленнымъ имъ тремъ группамъ, относя, наприм., убійцъ къ первой группѣ, поджигателей—ко второй, бездѣльныхъ бродягъ—къ третьей и т. д. Такой пріемъ изученія въ зависимости отъ различій рода совершонныхъ преступленій на первый взглядъ можетъ казаться стоящимъ въ противорѣчіи съ положеніями позитивной школы. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Выборъ при извѣстныхъ условіяхъ того или другаго вида преступленій въ значительной степени обусловливается особенностями психофизической организаціи дѣятеля, которыя въ свою очередь вырабатываются въ человѣкѣ подъ вліяніемъ особенностей и неблагопріятныхъ условій предшествующей жизни. Изслѣдователи и директора тюремъ обыкновенно утверждаютъ, согласно съ изслѣдованіями Магго, что каждый изъ видовъ преступниковъ представляетъ свою особую психологическую физіономію съ весьма характерными и своеобразными чертами.

Теперь бросимъ возможно болѣе бѣглый взглядъ на результаты другаго теченія,—теченія психіатрическаго, которое могущественно содѣйствовало и, конечно, еще болѣе будетъ содѣйствовать разработкѣ вопроса о преступности. Психіатріи, особенно въ ея такъ называемыхъ промежуточныхъ или пограничныхъ областяхъ, постоянно приходилось и приходится имѣть дѣло не только съ явленіями душевной болѣзни, но и съ явленіями человѣческой порочности, а также и преступности, а потому она очень рано и начала сталкиваться съ вопросами уголовноправоваго характера.

Въ IX году республики, по счисленію временъ великой французской революціи, появилось составляющее эпоху въ исторіи психіатріи сочиненіе знаменитаго французскаго психіатра Ph. Pinel'я: «*Traité medico-philosophique sur l'alienation mentale ou la manie*». Въ немъ этотъ крайне осторожный изслѣдователь, всегда совѣтовавшій и самъ неизмѣнно придерживавшійся наблюденія,—наблюденія и одного только наблюденія,—выступилъ съ ученіемъ объ особой формѣ душевнаго разстройства—маніи безъ бреда (manie sans délire), случаи которой были извѣстны и прежде въ госпиталяхъ. Исходя отъ почерпнутой изъ тѣхъ же личныхъ наблюденій мысли, что функціи воли абсолютно отличны отъ функцій разума, Pinel выдѣлилъ особую форму маніи, которая, какъ говоритъ онъ самъ, состоитъ исключительно въ разстройствахъ воли. «Никакого уловимаго разстройства въ функціяхъ пониманія, воспріятія, сужденія, воображенія, памяти и т. д., но извращеніе аффективныхъ функцій, слѣпые импульсы къ актамъ насилія или даже кровожадная ярость, причемъ нельзя подмѣтить накакой господствующей идеи, никакой иллюзіи воображенія, которая была бы опредѣляющею причиной этихъ пагубныхъ влеченій». Для демонстраціи Pinel привелъ нѣсколько наблюдавшихся имъ характерныхъ примѣровъ.

У послѣдующихъ авторовъ манія безъ бреда, ученіе о которой обосновывалось на доступныхъ наблюденію клиническихъ фактахъ, описывается вполнѣ сходно съ Pinel'емъ. Такъ, въ сочиненіи 1816 г.—«Nouvelles recherches sur les maladies de l'esprit»—André Matthey, говоря объ этой формѣ душевнаго разстройства, замѣчаетъ, что она характеризуется полнымъ отсутствіемъ бреда и что при ней «не обнаруживается никакихъ разстройствъ, никакого безпорядка въ идеяхъ и никакихъ су-

масбродныхъ уклоненій въ сферѣ воображенія; аффективная сторона, наклонности и воля однѣ только разстроены. Самое ужасное бѣшенство владѣетъ маніаками и инстинктъ кровожадности господствуетъ надъ ними». Matthey, между прочимъ, называетъ эту форму tigridomani'ей; онъ опредѣляетъ ее, какъ извращеніе «естественной склонности человѣка любить себѣ подобныхъ и дѣлать имъ добро». Эта склонность у такихъ маніаковъ замѣщается «инстинктомъ дикихъ животныхъ». Совершенно сходное описаніе даетъ и Foderé (Traité du delire» 1817). Въ числѣ болѣзненныхъ неудержимыхъ влеченій маніаковъ безъ бреда послѣдній авторъ называетъ влеченіе къ воровству, къ нанесенію оскорбленій, къ вызовамъ, а также и къ пролитію крови. Во время господства этихъ влеченій у маніаковъ, по словамъ Foderé, не наблюдается никакой другой идеи, кромѣ идеи о причиненіи зла.

Ученіе о маніи безъ бреда, перешедшее впослѣдствіи въ ученіе объ инстинктивныхъ мономаніяхъ, послужило отправною точкой для развитія ученія о folie lucide,—помѣшательствѣ съ яснымъ сознаніемъ,—и ученія о различныхъ формахъ душевныхъ растройствъ и аномалій у людей физически и психически вырождающихся.

Отъ Pinel'я ученіе о разстройствахъ воли перешло къ его геніальному ученику Esquirol'ю, который, «подчиняясь авторитету фактовъ», какъ выражается онъ самъ, развилъ знаменитое ученіе о мономаніяхъ. Въ своемъ трактатѣ о душевныхъ болѣзняхъ 1838 г.: «*Des maladies mentales ect*», который поражаетъ громадною массой собранныхъ въ немъ наблюденій и тонкостью наблюдательности автора, Esquirol даетъ вполнѣ законченное ученіе о мономаніяхъ или частичныхъ разстройствахъ различныхъ способностей души. Мономаніи онъ подраздѣляетъ на три вида: 1) monomanie intellectuelle, при

которой частично поражаются умственныя способности; 2) monomanie affective, при которой наблюдаются такія же частичныя извращенія характера и склонностей, и, наконецъ, 3) monomanie instinctive, ограничивающаяся разстройствами исключительно воли. При этой послѣдней формѣ «человѣкъ увлекается къ дѣйствіямъ, которыя разумъ и чувство не опредѣляютъ, совѣсть отвергаетъ, а воля не въ силахъ бываетъ удерживать; дѣйствія при этомъ невольны, инстинктивны и неодолимы».

Ученіе о мономаніяхъ нашло себѣ горячихъ защитниковъ въ лицѣ Leuret, Guislain и др., особенно Georget и Marc'a, которые развивали его въ примѣненіи къ судебно-медицинскимъ казусамъ. На время оно получило права нѣкотораго гражданства даже въ судахъ, случаи изъ практики которыхъ обыкновенно и вызывали особенно напряженный интересъ. Только впослѣдствіи ученіе о мономаніяхъ въ своемъ первоначальномъ видѣ подверглось рѣзкой критикѣ, особенно со стороны Falret отца и его ученика Morel'я. «По нашему мнѣнію», — говоритъ Falret, — «не существуетъ никакихъ мономаній». «Нѣтъ ничего болѣе ложнаго и болѣе противорѣчащаго наблюденію въ нормальномъ и въ болѣзненномъ состояніи, какъ это дробленіе человѣческой души на опредѣленное число особыхъ силъ, способныхъ дѣйствовать изолированно, а, слѣдовательно, способныхъ и раздѣльно поражаться: все взаимно обусловлено и неразрывно связано въ дѣятельности человѣческихъ способностей» (*«De la non-existance de la monomanie»*).

Между тѣмъ, еще въ 1835 г. англійскій врачъ Prichard обратилъ вниманіе на наблюдаемые иногда случаи рѣзко бросающагося въ глаза несоотвѣтствія между разстройствами разсудка и настроенія. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «*Treatise on insanity and other disorders offecting the*

mind», онъ выдѣлилъ ихъ въ особую группу, названную имъ нравственнымъ помѣшательствомъ (moral insanity), которое не сопровождается «никакимъ замѣтнымъ разстройствомъ и дефектами интеллекта или способности пониманія, а въ особенности никакими безумными иллюзіями и галлюцинаціями».

Надо замѣтить, что случаи психическихъ аномалій, охарактеризованные Prichard'омъ понятіемъ нравственнаго помѣшательства, еще ранѣе обратили на себя вниманіе, и въ 1819 г. нѣмецкій авторъ Grohmann указалъ на существованіе нравственнаго вырожденія, обусловленнаго органическими причинами, и назвалъ его Moralische Blödsinn. Но это, повидимому, не было извѣстно Prichard'у. Подчиняясь же «авторитету фактовъ», подобно Esquirol'ю, онъ тѣмъ не менѣе не положился на одинъ собственный опытъ и прежде, нежели описать подмѣченную имъ форму, объѣхалъ, какъ разсказываетъ онъ самъ («On the different forms of insanity»), многія заведенія для душевно больныхъ, чтобы провѣрить личныя наблюденія опытомъ завѣдывавшихъ ими врачей. Послѣдніе подтверждали ему, что подобные примѣры встрѣчались и въ ихъ практикѣ. Одинъ изъ нихъ, Д-ръ Hitch, писалъ ему въ 1838 г.: «Мы наблюдали его (нравственное помѣшательство) здѣсь въ теченіи долгаго времени и называемъ страдающихъ имъ *сумасшедшими въ поведеніи, а не въ мысляхъ*».

Многіе другіе авторы внесли свою долю участія въ разработку темнаго вопроса о странныхъ существахъ, которыя, повидимому, отличаются ясностью и логичностью мышленія, но, въ то же время, представляютъ крайнія странности, порочности и извращенность въ поступкахъ, влеченіяхъ, чувствахъ и характерѣ вообще. Такъ, напримѣръ, Scipion Pinel, въ своемъ сочиненіи 1844 г.: «*Traité de pathologie cérébrale*», говоритъ о маніи характера. «Я думаю»,—замѣ-

чаетъ онъ, — «что можно назвать маніей характера ту легкую извращенность инстинктовъ и чувствованій, которая дѣлаетъ изъ человѣка-бичъ для всѣхъ, безъ того, чтобы онъ былъ помѣшаннымъ. Такія лица — существа безпокойныя, неподчиняющіяся, легко предающіяся гнѣву и совершающія предосудительные поступки, которые они всегда готовы оправдывать хорошими основаніями. Для своихъ семей, близкихъ и друзей они представляютъ предметъ постоянныхъ безпокойствъ и огорченій: они причиняютъ зло отъ бездѣлья, ради шутки или по злостности, будучи неспособны къ труду и прилежанію».

Brierre de Boismont говоритъ о folie d'action или сумасшествіи въ дѣйствіяхъ (« *Traité des mal. ment. Bibliot. du-méd.-prat.* » 1849). «Существуетъ разновидность сумасшествія», — замѣчаетъ онъ, — «при которой интеллектъ представляется здравымъ, но поведеніе безпорядочно». Умственныя способности страдающихъ этою разновидностью «не кажутся ни въ чемъ разстроенными; они сравниваютъ, судятъ и воображаютъ, какъ и другіе люди». Но въ дѣйствіяхъ они представляются иными: «они приходятъ и уходятъ и не могутъ оставаться на мѣстѣ», «они раздражаютъ своихъ сотоварищей, возбуждаютъ ихъ другъ противъ друга своимъ злословіемъ и клеветою; они все перемѣщаютъ, все трогаютъ». «Извращенія характера нѣкоторыхъ изъ этихъ больныхъ дѣлаютъ ихъ бичомъ для ихъ семей и для тѣхъ, у кого они помѣщаются».

Сравнивая между собой всѣ эти ученія и слѣдя за ихъ постепеннымъ развитіемъ въ наукѣ, не трудно видѣть, что между изслѣдователями, въ занимающемъ насъ вопросѣ, существовали нѣкоторая рознь и различіе взглядовъ. Всѣ они вращались около одинаковыхъ явленій, сходно описывали ихъ и дѣлали попытки ихъ объясненія. Въ многочисленныхъ строго

провѣренныхъ и постоянно накоплявшихся фактовъ не было и не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія; каждый наблюдатель имѣлъ ихъ передъ глазами. Шать, рознь и колебанія существовали только въ объясненіяхъ загадочныхъ явленій. Странные факты невольно навязывались вниманію, какъ бы интриговали изслѣдователей и, въ тоже время, еще не поддавались выясненію въ своемъ механизмѣ.

Но вотъ, наконецъ, извѣстному французскому психіатру Morel'ю, труды котораго составляютъ эпоху въ наукѣ психіатріи, удалось свести въ геніальномъ синтезѣ всѣ эти явленія къ единству основанія—къ наслѣдственному прогрессирующему психо-физическому вырожденію породы и образованію болѣзненныхъ разновидностей. Въ цѣломъ рядѣ работъ онъ развилъ это понятіе, обосновавъ его на громадной массѣ тщательныхъ наблюденій.

На всѣ занимавшія насъ явленія душевныхъ аномалій Morel взглянулъ съ широкой философско-біологической точки зрѣнія положительнаго и отрицательнаго эволюціонизма, если можно такъ выразиться. На вопросъ, что такое вырожденіе, Morel отвѣчаетъ, что подъ вліяніемъ измѣненія внѣшнихъ окружающихъ условій въ человѣкѣ происходятъ приспособленія и наслѣдственно передающіяся уклоненія отъ первоначальнаго типа (надо замѣтить, что новѣйшее время отказалось отъ понятія о первоначальномъ типѣ, а, слѣдовательно, и объ уклоненіяхъ отъ него; оно разсматриваетъ явленія вырожденія, какъ явленія частичныхъ атрофій, какъ явленія органическихъ и функціональныхъ разстройствъ, передающіяся наслѣдственно и постепенно приводящія къ безплодію). Одни изъ этихъ уклоненій, выработавшіяся подъ дѣйствіемъ благопріятныхъ условій, образовали расы, способныя передаваться наслѣдственно съ своимъ типическимъ характеромъ, тогда какъ

другія, выработавшіяся подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, дали тѣ анормальныя состоянія, которыя обозначаются названіемъ вырожденій. Послѣднія носятъ на себѣ типическій отпечатокъ и образуютъ отличающіяся другъ отъ друга болѣзненныя разновидности. Вырожденія—это болѣзненныя уклоненія отъ первоначальнаго типа, дающія начало *дурнымъ и порочнымъ натурамъ* (natures vicieuses, organisations malheureuses), которыя въ самихъ себѣ, въ своихъ психо-физическихъ особенностяхъ носятъ основанія своихъ жизненныхъ незадачъ, своихъ пороковъ и преступленій. Нисходящіе вырождающихся представляютъ собою типы прогрессирующей деградаціи, которые постепенно все болѣе и болѣе становятся неспособны выполнять свои функціи въ человѣчествѣ.

«Эта неспособность (неспособность пріобрѣтать нравственныя понятія) не происходитъ ни отъ дурнаго воспитанія, ни отъ среды, ни отъ пагубныхъ примѣровъ, ни отъ идей, распространяемыхъ вредными книгами, какъ обыкновенно склонны думать. Она имѣетъ свой источникъ въ самой организаціи индивидуума, во вліяніи болѣзненной наслѣдственности, которое господствуетъ надъ положеніемъ и которое, при извѣстныхъ условіяхъ, роковымъ образомъ порождаетъ у своихъ жертвъ дурныя инстинктивныя склонности». (De l'hérédité morbide progressive»).

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ благопріятныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, организмъ развивается, прогрессируетъ и путемъ наслѣдственности даетъ все болѣе и болѣе совершенные психо-физическіе типы, тогда какъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ воздѣйствій онъ, напротивъ, регрессируетъ, портится и путемъ той же наслѣдственной передачи даетъ разнообразныя постоянно ухудшающіяся болѣзненныя разновидности, отличающіяся самыми дурными и по-

рочными влеченіями, склонностями и вкусами. Эти типы вырожденія не только не могутъ способствовать умственно-нравственному прогрессу человѣчества, но, напротивъ того, они представляютъ наибольшее препятствіе къ нему своими соприкосновеніями съ здоровою частью общества.

Morel не ограничился формулированіемъ этого взгляда; онъ развилъ и подкрѣпилъ его множествомъ собранныхъ имъ поразительныхъ фактовъ, въ которыхъ причинная связь явленій выступаетъ съ полною ясностью. Не трудно понять всю неизмѣримую важность такого широкаго и истинно-научнаго взгляда въ общественномъ отношеніи,—взгляда, который гуманенъ и плодотворенъ настолько же, насколько гуманна и плодотворна сама истинная наука, постепенно дающая возможность все понимать, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и все прощать, хотя и не оставаться бездѣятельнымъ въ отношеніи зла, но энергично бороться съ нимъ и разумно устранять его.

Изучая явленія нравственной деградаціи, убожествъ, различныхъ странностей, извращенныхъ влеченій и порочныхъ склонностей, Morel, конечно, не могъ не подмѣтить значительнаго сродства этихъ явленій съ явленіями преступности, потому что послѣднія, очевидно, являются не болѣе, какъ прямыми слѣдствіями первыхъ—ихъ неизбѣжнымъ общественнымъ выводомъ. Изучая явленія въ ихъ производящихъ причинахъ или факторахъ, онъ не могъ также не подмѣтить сродства явленій душевныхъ разстройствъ съ явленіями наслѣдственнаго вырожденія. Вотъ какими штрихами онъ очерчиваетъ, наприм., одну изъ вырождающихся разновидностей. «Вторая категорія», —говоритъ онъ,— «образуетъ очень многочисленный классъ деморализованныхъ и озвѣрѣлыхъ существъ, которыя часто отличаются очень раннимъ извращеніемъ ихъ инстинктовъ, затемнѣніемъ ихъ умственныхъ

способностей и дѣйствіями, оскорбляющими нравственность самымъ грубымъ образомъ. Лѣность и бродяжество являются главными аттрибутами характера этихъ несчастныхъ. По временамъ они представляются для судебнаго медика предметомъ трудно разрѣшимыхъ задачъ по отношенію къ оцѣнкѣ дѣйствій, признаваемыхъ преступными. Типы этого рода часто встрѣчаются въ большихъ городахъ, особенно въ промышленныхъ центрахъ. Они населяютъ арестные дома, нищенскія депо и тюрьмы и, въ концѣ концовъ, попадаютъ въ азили для душевно-больныхъ часто послѣ того, какъ они были долгое время для общества предметомъ безпрерывныхъ тревогъ, скандаловъ и опасностей».

По поводу ученія Morel'я о вырожденіяхъ нельзя не припомнить взгляда, высказывавшагося въ началѣ настоящаго столѣтія Hienroth'омъ, въ его сочиненіи 1818 г.: «*Lehrbuch der Störungen des Seelenlebens.*» Въ немъ онъ разсматривалъ душевныя разстройства, какъ грѣхи или, точнѣе, какъ слѣдствія грѣховъ, потому что грѣхи, повторяясь и дѣлаясь привычными, становятся пороками. Послѣдніе же нарушаютъ правильное теченіе жизни, уничтожаютъ свободу, «для которой рожденъ человѣкъ», и вызываютъ извращенія «внутренняго органическаго процесса, ведущаго къ развитію совершенной, т.-е. свободной жизни». Въ свою очередь эти извращенія даютъ намъ понятіе о «разстройствѣ душевной жизни или, короче, о душевномъ разстройствѣ». Такое воззрѣніе на первый взглядъ можетъ показаться крайне своеобразнымъ и вовсе не медицинскимъ. Но это лишь на первый взглядъ, потому что если мы будемъ разсматривать вмѣстѣ съ Morel'емъ явленія душевныхъ разстройствъ въ ихъ медленно производящихъ причинахъ, дѣйствующихъ наслѣдственно, то мы невольно должны будемъ признать вмѣстѣ съ Hienroth'омъ, что сами

производящія причины представляютъ собою болѣе или менѣе крупныя вольныя или невольныя прегрѣшенія противъ общественной справедливости и общественной нравственности.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ ученіе, развитое Morel'емъ. Съ его появленіемъ въ значительной мѣрѣ смолкли споры о природѣ загадочныхъ существъ, часто представляющихъ большія странности, порочности и извращенныя одержанія.

Изъ другихъ работъ, относящихся къ интересующему насъ вопросу, упомянемъ о работѣ д-ра Trélat: «*La folie lucide*» и о премированной работѣ д-ра Compagne: «*Traité de la manie raisonnante*», въ которыхъ мы находимъ нѣкоторую попытку классификаціи по особенностямъ характеровъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Нѣсколько дополнительныхъ и чрезвычайно важныхъ штриховъ въ ученіи о вырождающихся сдѣланы въ послѣдующее время чрезвычайно тонкимъ и проницательнымъ наблюдателемъ и глубокимъ умомъ—врачемъ госпиталя Sainte Ann'ы въ Парижѣ, д-ромъ Magnan, который развилъ свои взгляды въ цѣломъ рядѣ блестящихъ и своеобразныхъ лекцій, всегда сопровождающихся демонстраціями крайне удачно выбранныхъ и подробно изученныхъ случаевъ. (Leçons cliniques sur les mal. ment.).

Всѣ душевныя разстройства и аномаліи вообще развиваются на почвѣ наслѣдственности, но послѣдняя, по мнѣнію д-ра Magnan'а, отражается на нисходящихъ въ различныхъ степеняхъ. *Въ сферѣ дурной психо-физической наслѣдственности* существуютъ какъ бы наслѣдственники въ собственномъ смыслѣ; это и есть les dégénérés (вырождающіеся). Отъ самаго уже своего рожденія они носятъ на себѣ отпечатки своего злополучнаго происхожденія: физическія и психическія стигматы, которыя и отличаютъ ихъ среди всѣхъ прочихъ душевно-боль-

ныхъ. Съ самыхъ раннихъ поръ и, притомъ, часто прежде, нежели дурное воспитаніе успѣетъ повліять и измѣнить ихъ, эти юныя существа представляютъ уже различныя одержанія, импульсивности, явленія задержекъ, интеллектуальныя и нравственныя аномаліи, неровности, чрезмѣрное преобладаніе нѣкоторыхъ способностей, значительную неуравновѣшенность инстинктовъ и странности, которыя ихъ отличаютъ и образуютъ изъ нихъ особый классъ.

Разнообразныя мономаніи,—мономанія воровства или пироманія, мономанія убійства и самоубійства, мономанія пьянства или дипсоманія, мономаніи различныхъ сомнѣній и т. д., и т. д.,—вовсе не представляютъ собою устойчивыя обособленныя формы, какъ это принимали прежніе авторы; онѣ лишь эпизодическіе синдромы или истинныя психическія стигматы вырождающихся.

Д-ръ Magnan попытался дать и анатомо-физіологическую классификацію для явленій уклоненій въ сферѣ половаго чувства, которая имѣетъ, однако, болѣе общее значеніе по отношенію къ вырождающимся. Классификація эта представляетъ слѣдующія четыре группы: 1) Les spinaux. У лицъ этой категоріи мы имѣемъ дѣло съ простыми спинно-мозговыми рефлексами, вслѣдствіе чего получаются вполнѣ автоматическіе акты того или другаго рода, наблюдаемые у наиболѣе деградированныхъ идіотовъ. 2) Les spinaux-cérébraux postérieurs. У нихъ преобладаютъ рефлексы изъ заднихъ областей мозговой корки—мѣстонахожденія аппетитовъ и инстинктовъ. Чувственныя влеченія существуютъ, но нѣтъ разумныхъ двигателей и дѣйствія оттѣняются характеромъ инстинктивности и неодолимости; это уже вырождающіеся инстинктивные. 3) Les spinaux-cérébraux antérieurs. У этихъ рефлексы исходятъ изъ передней области мозговой корки, но при этомъ чувствованія и

влеченія извращены. Поэтому ихъ одержанія и импульсы сознательны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и инстинктивны, хотя путемъ обсужденія и размышленія они отчасти могутъ быть сдерживаемы. 4) Les cérébraux antérieurs ou psychiques. У лицъ, относящихся къ этой категоріи, спинно-мозговые и задне-мозговые центры аппетитовъ и инстинктовъ хранятъ молчаніе, а потому побужденія у нихъ представляютъ вполнѣ идеальный характеръ: желанія остаются въ области чистаго платонизма, какъ мы это видимъ у эротомановъ и экстатиковъ.

Всѣ эти изслѣдованія неминуемо должны были и дѣйствительно привели къ убѣжденію о тѣсной связи и сродствѣ всѣхъ явленій, вытекающихъ изъ психо-физическаго оскуденія организма,—нервныхъ и душевныхъ болѣзней, съ одной стороны, и явленій человѣческой преступности, являющейся, по мѣткому выраженію д-ра Dejerine, une façon d'être вырожденія—съ другой.

«Когда сравнятъ преступность съ вырожденіями, съ которыми она интимно связана»,—замѣчаетъ д-ръ Féré (*«Dégénérescence et criminalité»*),—«тогда поймутъ, что если 2,573 на 8,227 содержащихся въ пенитенціарныхъ колоніяхъ происходятъ отъ родителей, подвергшихся осужденіямъ, то, значитъ, преступность болѣе, нежели какое-либо другое вырожденіе, есть болѣзнь семьи. А если изслѣдуютъ ея ассоціаціи съ неврозами, съ болѣзнями растройствъ питанія и т. д., то увидятъ, что предположенія въ пользу наслѣдственности возростутъ въ неожиданной степени». «Одинъ положительный фактъ, который мы уже выяснили»,—продолжаетъ онъ далѣе,—«это сродство сумасшествія (folie) и вырожденія вообще» (см. также гл. III работы Féré—«La famille nevropathique»).

«Преступность и сумасшествіе подчинены въ ихъ разви-

тіи, повидимому, одинаковымъ общественнымъ условіямъ». Для удовлетворенія своихъ постоянно возростающихъ потребностей человѣкъ истощается въ борьбѣ съ элементами. При этомъ «каждое новое усиліе въ приспособленіи, всякій прогрессъ того, что мы называемъ цивилизаціей, есть новая причина истощенія, которая всегда проявляется съ наибольшею силой у индивидуумовъ, наиболѣе ослабѣлыхъ. Эти послѣдніе скоро становятся неспособны продолжать борьбу и погибаютъ или отъ общаго растройства питанія, или отъ вырожденій болѣе или менѣе локализованныхъ». «При существующихъ условіяхъ борьбы за существованіе, въ частности въ городахъ, тягости процесса приспособленія въ особенности несетъ на себѣ нервная система», которая одинаково истощается какъ значительными усиліями физическими, такъ и умственными. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и поражаются всего чаще нервныя функціи.

«Одно изъ главныхъ слѣдствій нервнаго истощенія—неспособность къ длящимся усиліямъ». У людей здоровыхъ и хорошо обставленныхъ чрезмѣрная работа вызываетъ только легко устранимое утомленіе; «но если къ чрезмѣрной работѣ присоединяются лишенія всякаго рода, тогда изъ этого проистекаетъ болѣе глубокое и длящееся истощеніе, которое способствуетъ не только индивидуальному упадку, но еще способствуетъ развитію болѣзненныхъ особенностей и у слѣдующаго поколѣнія».

«Изъ неспособности къ длящимся усиліямъ проистекаетъ лѣнь, столь свойственная вырождающимся всѣхъ категорій, нравственно-помѣшаннымъ, преступникамъ и т. д.»; изъ лѣни же, а потому и плохой способности производить, вытекаетъ стремленіе жить на счетъ другихъ хитростью или насиліемъ!

«Надорванные всѣхъ категорій стремятся бороться противъ стощенія различными возбудителями».

«Потребность въ возбужденіяхъ ростетъ по мѣрѣ того, какъ индавидуумъ или раса слабѣютъ. Всякое новое возбужденіе оставляетъ за собою пропорціональное истощеніе, такъ что, въ концѣ-концовъ, оно способствуетъ ускоренію вырожденія».

Съ истощеніемъ тѣсно связанъ пессимизмъ, который въ свою очередь часто проявляется въ самоубійствахъ. Увеличеніе послѣднихъ представляетъ собою фактъ, прочно установленный.

Число разводовъ и разъѣздовъ также увеличивается въ соотвѣтствіи съ самоубійствами и послѣдовательно за вырожденіями. Вырождающіеся всѣхъ категорій, осужденные на страданія порочностью ихъ организаціи, суть неизбѣжныя слѣдствія ихъ предшествующихъ и окружающей ихъ среды, которая способствуетъ развитію пессимизма и самоубійствъ. Поэтому нельзя удивляться, что условія, производящія личности неспособныя сносить свою собственную судьбу, порождаютъ и другія категоріи антисоціальныхъ существъ, неспособныхъ приспособляться къ какой бы то ни было ассоціаціи.

Для борьбы съ преступностью Férè рекомендуетъ, между прочимъ, слѣдующую систему: «Калѣки, вредоносные, преступники и деградированные всѣхъ категорій», — говоритъ онъ, — «должны быть разсматриваемы не какъ продукты общественнаго прогресса, а какъ отбросы процесса приспособленія, какъ инвалиды цивилизаціи. Они не заслуживаютъ ни ненависти, ни гнѣва, но общество, если оно не хочетъ видѣть ускореніе своего собственнаго паденія, должно безразлично предохранять себя отъ нихъ и ставить ихъ въ невозможность вредить». Общество, сверхъ того, имѣетъ своею безусловною задачей взаимную охрану личныхъ и имущественныхъ благъ

каждаго сочлена. Когда общественное правительство не предупредило вреда преступленія, тогда на обществѣ лежитъ обязанность вознаградить вполнѣ и рѣшительно за все невинно-потерпѣвшаго. Такое вознагражденіе было бы не только актомъ справедливости по отношенію къ послѣднему, но и лучшею мѣрой предупрежденія, потому что тяжесть преступленія чувствовалась бы тогда не индивидуально только его жертвою, а коллективно и солидарно всѣми гражданами, которые поэтому живо были бы заинтересованы предупреждать преступленія и главную ихъ причину — вырожденіе. Каждый, будучи вынужденъ уплачивать при посредствѣ общественныхъ кассъ свою долю вознагражденія за всѣ преступленія, лучше понялъ бы всю свою личную пользу способствовать въ размѣрѣ силъ своихъ предупрежденію вырожденій и предупрежденію потерь, причиняемыхъ преступленіями, проступками, лѣнью, бездѣліемъ и проч. Онъ могъ бы измѣрить, такимъ образомъ, степень своего личнаго интереса въ борьбѣ съ различными видами паденія расы. Поэтому наиболѣе надежное средство противъ преступности состояло бы въ томъ, чтобы широко раскрыть глаза теперь слѣпымъ зрителямъ и представить имъ подробный счетъ дѣйствительной стоимости содержанія вырождающихся; тогда всякій почувствовалъ бы себя непосредственно заинтересованнымъ въ споспѣшествованіи физической и нравственной гигіенѣ общества, въ охраненіи общественнаго здравія и силъ не изъ одного лишь сентиментализма, но и по сознанію важности затронутыхъ личныхъ интересовъ. А изъ этого общаго яснаго сознанія вытекли бы широкія мѣры дѣйствительнаго предупрежденія: мѣры противъ алкоголизма, дурныхъ жилищъ дурнаго и недостаточнаго питанія и проч., и проч.».

Нельзя, конечно, надѣяться, чтобы предложенный Féré планъ скоро осуществился; общество, повидимому, еще не доросло до

него въ своемъ развитіи. Но нельзя сомнѣваться, что проведеніе его основныхъ мыслей во многомъ ослабило бы неразумную, безпощадную и крайне зловредную въ общественномъ отношеніи эксплуатацію человѣка человѣкомъ и сдѣлало бы невозможными такія неприглядныя явленія, какія часто наблюдаются теперь.

Мы достигли конца почти вѣковыхъ упорныхъ усилій и тщательныхъ изысканій въ сферѣ явленій живой дѣйствительности со стороны множества талантливыхъ изслѣдователей — неустрашимыхъ борцовъ за истину, посвятившихъ свои силы уясненію одного изъ темнѣйшихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и важнѣйшихъ вопросовъ общественной жизни, — вопроса о различныхъ видахъ человѣческой обездоленности въ ея производящихъ причинахъ. Въ результатѣ этихъ изслѣдованій и эволюціи научной мысли мы получаемъ въ интересующемъ насъ вопросѣ полное сліяніе двухъ теченій, о которыхъ было упомянуто выше. Лежащіе въ основѣ безчисленные и тщательно собранные факты признаются всѣми; они бьютъ въ глаза. Нѣкоторые контраверсы и сравнительно незначительныя различія мнѣній существуютъ лишь въ объясненіяхъ и принимаются нѣкоторыми, въ томъ числѣ и въ нашей русской литературѣ, за какія-то другъ друга опровергающія противорѣчія. Но безъ такихъ кантраверсовъ, разъ дѣло идетъ объ изслѣдованіи и обобщеніи громаднаго количества сложныхъ явленій, невозможно движеніе впередъ никакого научнаго знанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Уголовно-антропологическіе вопросы на международныхъ конгрессахъ.

Изложивъ историческій ходъ развитія ученій уголовной антропологіи, обратимся теперь къ работамъ конгрессовъ, на которыхъ столкнулись различные оттѣнки воззрѣній на явленія человѣческой преступности. Первый изъ этихъ конгрессовъ имѣлъ мѣсто въ сентябрѣ 1885 г. въ Антверпенѣ; онъ затронулъ вопросъ о преступности только между прочимъ, въ числѣ другихъ вопросовъ. Три остальные,—международные уголовно-антропологическіе конгрессы, засѣдавшіе въ Римѣ, Парижѣ и Брюсселѣ въ 1885, 1889 и 1892 г.—были спеціально посвящены ученіямъ уголовно-антропологической школы.

Международные конгрессы, какъ и конгрессы вообще, не двигаютъ и не могутъ двигать теоретическую и прикладную науку впередъ. Двигаютъ ее отдѣльныя лица, любящія свое дѣло, горячо преданныя ему и носящія въ себѣ искру научнаго свѣта. Конгрессы же вообще и международные въ частности только сводятъ дѣятелей научной мысли, способствуютъ ихъ взаимному пониманію, устанавливаютъ между ними живыя личныя связи и общенія, которыя въ свою очередь способствуютъ болѣе плодотворной совмѣстной работѣ, направленной на исканіе истины и путей къ общему благу и пользѣ. Съ другой стороны, научные конгрессы вообще и международные въ частности оказываютъ значительное посредствующее

вліяніе на большую публику и, какъ болѣе импонирующія явленія, въ значительной мѣрѣ способствуютъ проведенію научныхъ взглядовъ въ жизнь и ихъ возможно полному разъясненію въ массахъ общества. Всѣми этими своими сторонами международные научные конгрессы призваны играть весьма важную роль въ умственно-нравственной жизни современныхъ образованныхъ человѣческихъ обществъ и способствовать привитію къ нимъ дѣятельныхъ и научно-обоснованныхъ идей братства, добра и правды.

Обсужденіе вопроса о соотношеніяхъ преступности и душевнаго разстройства открылось на антверпенскомъ конгрессѣ чтеніемъ доклада д-ра Semal. Его составленіе было поручено ему психіатрическимъ обществомъ.

Основываясь на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, д-ръ Semal какъ въ своемъ докладѣ, такъ и въ словесныхъ разъясненіяхъ къ нему, рѣшительно склонился въ сторону того взгляда, что преступники—«существа странныя и анормальныя»; они суть «индивидуальности, подчиняющіяся въ своихъ дѣйствіяхъ побужденіямъ, которыя не похожи на наши,—индивидуальности, руководствующіяся сужденіями, непонятными для большинства». Преступленіе и преступникъ—это результаты болѣзненнаго атавизма (atavisme morbide) и психо-физическаго вырожденія, которое объединяетъ въ одну родственную группу явленія душевнаго разстройства и явленія преступности. Исходя изъ послѣдняго положенія, д-ръ Semal склонился въ пользу возможности примѣненія извѣстной уже намъ классификаціи одной изъ группъ вырождающихся д-ра Magnan и къ преступникамъ.

«Сдѣлаемъ для преступниковъ то, что наши предшественники сдѣлали для душевно-больныхъ, по отношенію къ которымъ царствовали несправедливые и жестокіе предразсудки»,—

сказалъ д-ръ Semal, заканчивая свою рѣчь по поводу доклада. — «Они ихъ показали такими, какими истина заставляетъ ихъ видѣть: простыми больными или несчастными вырождающимися существами. Поставимъ подъ безпристрастную эгиду науки также и преступника и постараемся доказать тѣмъ, которыхъ еще охватываетъ духъ мщенія, что безполезно подчиняться подобнымъ чувствамъ по отношенію къ несчастнымъ, болѣзненныя уклоненія которыхъ скрываются за возмущающимъ душу развращеніемъ».

Въ заключеніе д-ръ Semal предложилъ назначить коммиссію для изслѣдованія вопроса о преступности въ тюрьмахъ въ виду того, что «новѣйшія изслѣдованія установили соотношеніе между преступностью и душевнымъ разстройствомъ». Всѣ предложенія докладчика были приняты конгрессомъ, формулировавшимъ свое постановленіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Конгрессъ, въ виду фактовъ анатомическихъ, физіологическихъ и клиническихъ, доказывающихъ полезность предпринять изслѣдованіе различныхъ категорій преступниковъ, высказываетъ мнѣніе» и т. д., а затѣмъ слѣдуетъ мнѣніе о необходимости назначенія коммиссіи.

Проф. Benedict въ свою очередь развилъ на конгрессѣ слѣдующія воззрѣнія на преступность.

«Я буду говорить объ основномъ элементѣ въ психологіи преступленія»,--сказалъ онъ,—«о невростеніи (нервное истощеніе, нервная слабость) физической, нравственной и интеллектуальной, прирожденной или пріобрѣтенной въ раннемъ дѣтствѣ».

«Невростенія характеризуется не столько абсолютною слабостью, сколько преждевременнымъ истощеніемъ, а, главное, *непріятнымъ чувствомъ слабости*». Если такое состояніе, вслѣдствіе особенностей нервной системы, возникаетъ при

начальномъ развитіи индивидуума, то оно оказываетъ громадное вліяніе на его психическое развитіе и «на всѣ его взгляды, мнѣнія и чувства». Когда чувства истощенія и непріятной слабости сопровождаетъ физическую дѣятельность, тогда мы имѣемъ передъ собою невростенію физическую. Истощеніе и слабость могутъ быть присущи и области нравственной. «Если индивидуумъ не обладаетъ съ дѣтства силою противустоять влеченіямъ минуты, ни силою слѣдовать благороднымъ побужденіямъ, особенно если эта нравственная борьба имѣетъ для него своимъ результатомъ чувство непріятности, онъ— нравственный невростеникъ. Какъ таковой, онъ будетъ избѣгать впослѣдствіи всякой нравственной борьбы и будетъ думать, чувствовать и дѣйствовать подъ вліяніемъ этой нравственной невростеніи. У него разовьется система философіи на основахъ отвращенія къ нравственной борьбѣ». У нравственныхъ невростениковъ дѣло идетъ не о нравственной невозможности, а о нравственной слабости. Что же касается интеллектуальной невростеніи, то она играетъ второстепенную роль въ вопросѣ.

Невростенія можетъ быть или постоянная, обычная или временная, «эпилептовидная», перемежающаяся съ большею или меньшею правильностью.

Такимъ образомъ, въ основѣ всего вопроса о профессіональной преступности, которой только и касался въ своемъ сообщеніи проф. Benedict, лежитъ, по его мнѣнію, органическая слабость и оскудѣніе, проявляющіяся въ сферѣ физической, нравственной и интеллектуальной. Между тѣмъ, жизнь есть борьба за пріятности и наслажденія, требующая труда и усилій. Невростеники, «какъ и всѣ прочіе люди, хотятъ пользоваться и наслаждаться жизнью, но ихъ физическая невростенія препятствуетъ имъ пріобрѣтать средства для достиженія

этой цѣли тѣмъ способомъ, примѣненія котораго отъ нихъ ожидаетъ общество, т.-е. трудомъ». Это и составляетъ главное органическое основаніе наклонности нѣкоторыхъ невростениковъ къ преступленію въ тѣхъ случаяхъ, когда благопріятное положеніе или другія особенности ихъ существованія не являются противовѣсомъ тому.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ сущность взгляда Benedict'a, который онъ развилъ далѣе въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и пояснилъ на отдѣльныхъ примѣрахъ.

Невростенія физическая, прирожденная или пріобрѣтенная, составляетъ, по его мнѣнію, высказанному какъ на конгрессѣ, такъ и въ докладѣ въ вѣнскомъ юридическомъ обществѣ въ 1886 г. (*Biologie und Kriminalistik*), основной элементъ наклонности къ бродяжеству. Если при этомъ бродяга не представляетъ другихъ осложненій со стороны своихъ органическихъ особенностей, то онъ и не наталкивается на другія преступленія. Напротивъ, если къ физической невростеніи присоединится еще усиленное влеченіе къ наслажденіямъ и невростенія нравственная, то такой невростеникъ не устоитъ и сдѣлается воромъ, поддѣлывателемъ, разбойникомъ и т. д., какъ только онъ не будетъ имѣть достаточныхъ средствъ, чтобы доставить себѣ предметъ своихъ вожделѣній. Если же у индивидуума существуетъ прирожденное ослабленіе чувствительности къ боли и страданіямъ Stumpfheit der Schmerzempfindungen), тогда у него совершенно естественно почти исчезаетъ состраданіе и жалость къ людямъ, мученія которыхъ для него непонятны и недоступны, какъ цвѣта для слѣпаго. Въ такихъ случаяхъ психологическое развитіе нарушается и извращается, и указанный органическій недостатокъ становится источникомъ жестокости и обусловливаемыхъ ею формъ преступленія. Къ этой особенности организма присоединяется иногда

еще и другая—уменьшенная его уязвимость (verminderte Vulnerabilität), вслѣдствіе которой даже серьезныя поврежденія переносятся сравнительно весьма легко и безъ большихъ страданій, какъ это имѣлъ случай наблюдать Benedict. Понятно, что у личностей, представляющихъ подобную особенность, не развивается боязнь принимать участіе въ опасныхъ предпріятіяхъ, и въ этомъ кроется одинъ лишній источникъ преступленій, совершаемыхъ при посредствѣ насилія. Сверхъ того, «грубый и сильный человѣкъ считаетъ себя героемъ и презираетъ людей чувствительныхъ и слабыхъ. Онъ находитъ несправедливымъ, когда послѣдніе имѣютъ средства наслаждаться, между тѣмъ какъ онъ лишенъ ихъ. Если при этомъ онъ страдаетъ и тою формой физической неврастеніи, которая дѣлаетъ его неспособнымъ къ длительной и правильной работѣ, если у него существуетъ еще и неврастенія нравственная, дѣлающая его неспособнымъ противустоять его очень энергичнымъ желаніямъ, тогда «разбойникъ выходитъ вполнѣ готовымъ изъ рукъ природы, какъ Паллада Аѳина изъ головы Юпитера».

Я опускаю нѣкоторыя другія подробности развитой Benedict'омъ теоріи психологіи преступниковъ, этихъ, по его выраженію, двоюродныхъ братьевъ душевно-больныхъ и эпилептиковъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ она была развита на конгрессѣ и въ докладѣ въ юридическомъ обществѣ, она представляетъ собою весьма краткій очеркъ наиболѣе основныхъ положеній. Но и въ этомъ своемъ видѣ она даетъ нѣкоторыя руководящія начала, очевидно, заимствованныя изъ наблюденія и тщательнаго изученія явленій живой дѣйствительности.

«Истинная наука»,—говорилъ проф. Benedict на антверпенскомъ конгрессѣ,—«должна отказаться отъ идей и отъ словъ: отвѣтственность, наказаніе и осужденіе. Она должна установить правила для распознаванія психическаго механизма въ

каждомъ данномъ случаѣ и выработать пріемы, пригодные для его исправленія».

«Для достиженія этого необходимо реформировать академическое образованіе судей, публичныхъ обвинителей и адвокатовъ-защитниковъ. Оно еще и до сихъ поръ аналогично образованію медиковъ до учрежденія клиникъ. Въ то время медики изучали въ школахъ мнѣнія и дефиниціи своихъ учителей и не наблюдали ни болѣзней, ни больныхъ».

«Классическая школа (уголовнаго права) схоластична»,— говорилъ онъ далѣе,—«потому что ея методы отстали на триста пятьдесятъ лѣтъ и она не дошла еще до методовъ Novum organum Бэкона Веруламскаго. Хотя въ свое время она знаменовала прогрессъ, но теперь она представляетъ собою анахронизмъ».

«Я дѣлаю слѣдующее предложеніе»,—такъ закончилъ свое сообщеніе Benedict на антверпенскомъ конгрессѣ: — «нужно учредить при тюрьмахъ преимущественно въ такихъ городахъ, гдѣ онѣ существуютъ, единовременно съ медицинскими и юридическими факультетами, криминалистическія клиники. Это значитъ, что необходимо учредить практическіе курсы по вопросу о преступности, при помощи психологическаго изученія преступниковъ».

«Я надѣюсь также,»—прибавилъ онъ,—«что вы присоедпитесь къ моему заключительному афоризму: Melius adhuc est judici, cognoscere corpus et animum hemanum, quam coguoscere corpus juris».

Здѣсь мы позволяемъ себѣ замѣтить, что для юриста одинаково необходимо знаніе того и другаго: необходимо собственно юридическое и широкое антропологическое образованіе, причемъ послѣднее должно лежать въ основѣ перваго. Вообще же съ мнѣніемъ проф. Benedict'а нельзя не согласиться. Если

можно и должно желать значительныхъ улучшеній въ нашемъ высшемъ и среднемъ образованіи вообще, то тѣмъ болѣе можно и должно желать этого спеціально по отношенію къ юридическому образованію, сосредоточивающемуся на изученіи наукъ общественныхъ. Познать окружающую природу и познать самого себя, и, притомъ, познать какъ съ точки зрѣнія общей, безотносительной, такъ и съ точки зрѣнія прикладной,—вотъ что должно бы составлять задачу всякаго образованія вообще и основу образованія общественнаго въ частности. Только при такомъ условіи стало бы возможно глубокое пониманіе и разумное направленіе общественныхъ явленій. Изучать же общественныя науки и вовсе не изучать слагающей общество единицы, т.-е. человѣка,—это какое-то странное и вредное недоразумѣніе и противорѣчіе.

Сообщеніе Benedict'a было покрыто долго не смолкавшими апплодисментами членовъ конгресса, который единогласно принялъ его предложеніе.

Римскій конгрессъ былъ всецѣло посвященъ вопросамъ уголовной антропологіи и какъ бы подводилъ краткіе научные итоги всего сдѣланнаго до него новою италіанскою школой уголовнаго права. Этотъ «конгрессъ показалъ»,—какъ выразился испанскій представитель Diaz,—«что уголовная антропологія болѣе не наука будущаго, но что она уже принадлежитъ настоящему». «Конгрессъ»,—по словамъ сенатора д-ра Roussel,»—былъ новымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ наукой, и, можетъ быть, началомъ новой эры для уголовнаго права». Его значеніе всего лучше характеризуется словами извѣстнаго проф. Holtzendorff'a, сказанными на конгрессѣ. «Что безспорно есть новаго въ итальянской школѣ уголовной антропологіи»,—замѣтилъ онъ,—«это тѣсная связь естественныхъ наукъ съ юриспруденціей. Благодаря этой связи, новая школа дѣйстви-

тельно является нововводительницей». «Будущій прогрессъ уголовнаго законодательства можетъ быть главнымъ образомъ обязанъ наукамъ естественнымъ», которымъ и «нашъ вѣкъ обязанъ своими лучшими открытіями». Поэтому «нельзя съ радостью не привѣтствовать ихъ вступленія въ область права чрезъ посредство судебной медицины». «Собраніе конгресса обѣщаетъ благіе результаты. Связь юриспруденціи и медицины будетъ плодотворна и счастливымъ предзнаменованіемъ служитъ также международное братство, проявляющееся въ изученіи человѣка». «Я надѣюсь», — сказалъ Benedict, — «что нашъ конгрессъ, если вы мнѣ позволите смѣлое сравненіе, будетъ тріумфальною аркой, подъ которой пройдетъ положительная наука, чтобы вступить въ святилище права».

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію конгресса, былъ вопросъ о сродствѣ такъ называемой прирожденной преступности, нравственнаго помѣшательства и эпилепсіи, поставленный Lombroso и Frigerio, которыя доказывали, что прирожденная преступность и нравственное помѣшательство суть «варіанты эпилепсіи».

По этому вопросу на конгрессѣ обнаружилось разногласіе, но въ общемъ конгрессъ склонялся отчасти въ пользу этого взгляда. Надо замѣтить при этомъ вообще, что хотя на конгрессѣ и обнаруживались иногда даже значительныя разногласія по отдѣльнымъ вопросамъ, но въ основныхъ принципахъ царило полное согласіе между членами. Поэтому проф. Ferri, исполняя порученіе конгресса, резюмировать его работы, могъ съ полнымъ основаніемъ сказать, при выраженіяхъ общаго одобренія, что занятія конгресса «доказали и подтвердили полное согласіе, которое царитъ между его членами въ основныхъ принципахъ, руководящихъ новою школой уголовной антропологіи и соціологіи». Касаясь идей послѣдней, онъ

вѣрно замѣтилъ: «еще вчера устрашающія, пренебрегаемыя и осмѣиваемыя, а сегодня серьезно обсуждаемыя, онѣ предназначены быть приняты завтра, и не только публикой, но также и законодателями.

Исходя изъ убѣжденія о необходимости самаго тщательнаго изученія дѣйствительнаго преступника, конгрессъ формулировалъ мнѣніе или пожеланіе, «чтобы тюремная администрація, принимая необходимыя предосторожности внутренней дисциплины, требуемыя общественною безопасностью и личною независимостью заключенныхъ-осужденныхъ, допускала къ уголовно-клиническому изученію профессоровъ и лицъ, занимающихся изслѣдованіями, касающимися уголовной науки, а также и студентовъ, занимающихся уголовнымъ правомъ, психіатріей и судебною медициной; этихъ послѣднихъ подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью ихъ профессоровъ и преимущественно въ качествѣ членовъ обществъ патроната заключенныхъ и освобожденныхъ изъ тюремъ». При этомъ проф. Lombroso и Ferri удостовѣрили, что такое допущеніе профессоровъ и студентовъ безъ всякихъ неудобствъ практикуется въ Италіи уже много лѣтъ.

Конгрессъ признавалъ также весьма желательнымъ, чтобы мѣры репрессіи, будучи различны по существу, находились въ соотвѣтствіи съ различными типами преступниковъ, иначе говоря, съ ихъ психо-физическими особенностями.

«Мы боремся»,—говорилъ проф. Ferri на конгрессѣ,—«противъ зла въ его разнообразныхъ формахъ: преступленія, душевной болѣзни, невѣжества и бѣдности». Вопросъ о преступномъ человѣкѣ—вопросъ, въ сущности, значительно болѣе широкій, нежели это можетъ казаться на первый взглядъ. Изучая основы человѣческой преступности въ ихъ факторахъ, мы, въ то же время, вслѣдствіе тѣсной связи явленій, изу-

чаемъ и основы человѣческой порочности и недостатковъ, которые въ свою очередь незамѣтно сливаются, путемъ неуловимыхъ переходовъ, съ человѣческими достоинствами. Нельзя сомнѣваться, что знаніе и ясное пониманіе непреложнаго и роковаго сцѣпленія причинъ и слѣдствій въ общественныхъ явленіяхъ и непреложной зависимости единичнаго преуспѣянія и блага каждаго отъ преуспѣянія и блага общаго постепенно приведетъ, благодаря усиліямъ науки, къ значительному упорядоченію теперь во многомъ безпорядочнаго общественнаго строя, къ ослабленію хищническихъ инстинктовъ и влеченій, къ устраненію могущественно дѣйствующихъ факторовъ физическаго и неразрывно съ нимъ связаннаго нравственнаго вырожденія породы, вызывающаго сумасшествія, самоубійства, пьянство, преступленія и всяческое развращеніе и къ принятію справедливыхъ мѣръ къ дѣйствительному устраненію обездоленія, захуданія и другихъ гнойныхъ язвъ человѣчества.

На парижескій конгрессъ почти всѣ образованныя страны прислали (оффиціально или неофиціально) своихъ ученыхъ представителей. Преобладали, конечно, медики, но много было и юристовъ теоретиковъ и практиковъ изъ среды университета, магистратуры и адвокатуры. Особенно много юристовъ прислала Италія. Были также представители и другихъ профессій, наприм. педагоги. Не мало было крупныхъ научныхъ именъ. Таковы имена Lombroso, Moleschott'a, Benedict'a, Magnan'a, Luys'a, Roussel'я, Brouardel'я, Lacassagn'я и др.

Отъ такого соединенія представителей различныхъ профессій полнота и широта воззрѣній, конечно, только выигрывали. Вопросъ о человѣческой преступности не есть вопросъ исключительно юридическій или антропологическій. Онъ представляетъ собою широкій и многосторонній общественный вопросъ, захватывающій всю исторію человѣческихъ учрежденій

и всю сферу нравственныхъ явленій. Поэтому для его всесторонняго изученія необходима совмѣстная работа различныхъ спеціалистовъ, изъ которыхъ каждый оттѣняетъ свою особую сторону. Парижскій конгрессъ своимъ составомъ въ значительной мѣрѣ удовлетворялъ этому требованію и привносилъ въ обсужденіе вопроса о человѣческой преступности разностороннія точки зрѣнія

Въ числѣ важнѣйшихъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію конгресса, былъ вопросъ о существованіи особаго «*преступнаго типа*», отмѣченнаго и особыми анатомическими признаками. По этому поводу въ одномъ изъ отчетовъ конгрессъ упрекали, зачѣмъ онъ не опредѣлилъ напередъ на «научномъ основаніи, что такое преступленіе» и «кого называть преступникомъ», результатомъ чего, будто бы, и были «путаница и недоразумѣнія». Странное обвиненіе! Отыскивать и давать указанное опредѣленіе не было рѣшительно никакой нужды: оно уже готово вполнѣ. Понятіе «преступникъ» есть понятіе юридическое и по своему характеру—условное. Преступникъ, это—тотъ, кто нарушилъ уголовный законъ. Иного опредѣленія нѣтъ и быть не можетъ, и его вполнѣ достаточно. Хотя и въ средѣ такъ называемыхъ честныхъ людей встрѣчаются люди, сходные по своимъ особенностямъ съ преступниками, но они не могутъ быть названы ими. Они могутъ быть названы людьми предрасположенными къ преступленію, людьми порочными, дурными и проч., но никакъ не преступниками. Какъ бы ни измѣнялось понятіе о преступленіи по временамъ, странамъ и народамъ,—на что указываетъ составитель отчета,—тѣмъ не менѣе, эти измѣненія не могутъ ни съузить, ни расширить понятія о преступникѣ для каждаго даннаго времени. Если измѣняются общественные «взгляды на преступленіе», вліяющіе на кодексъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо измѣняются

и условія совершенія того или другаго дѣйствія, ставшаго или переставшаго быть преступнымъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо измѣняются и качества, нужныя для его совершенія, измѣняются соединенныя съ этимъ совершеніемъ ощущенія и чувства дѣятеля, что и оставляетъ самое главное въ вопросѣ о преступности. Говоря это, я имѣю въ виду исключительно общій уголовный кодексъ и не касаюсь тѣхъ случаевъ, когда государство, въ противность существующимъ нравамъ и воззрѣніямъ, объявляетъ то или иное дѣйствіе преступнымъ. Но и тогда одно уже ставшее извѣстнымъ запрещеніе въ большей или меньшей мѣрѣ, но, всетаки, вліяетъ на измѣненіе общественнаго отношенія къ запрещенному дѣянію. Поэтому уголовная антропологія поступила вполнѣ правильно, оставивъ въ сторонѣ опредѣленія и, въ то же время, задавшись вопросомъ, почему только нарушители уголовнаго кодекса, въ противность всѣмъ остальнымъ, пренебрегаютъ запретами закона и, рискуя своимъ положеніемъ и судьбой, совершаютъ запретныя дѣянія, и не наталкиваютъ ли ихъ на этотъ крайне опасный для нихъ путь, въ числѣ прочихъ причинъ, также и какія-либо имъ свойственныя особенности ихъ психо-физической организаціи? При обсужденіи вопроса въ такой общей его формѣ конгрессъ, казалось, былъ вполнѣ единодушенъ и далъ только одно утвердительное рѣшеніе. Различіе мнѣній обнаруживалось лишь по отношенію къ вопросу о существованіи внѣшнихъ анатомическихъ признаковъ преступности и особаго, *обусловливаемаго ими,* «преступнаго типа».

Еще Gall, пытался отыскать и потомъ думалъ, что нашелъ между прочимъ, и внѣшніе анатомическіе признаки преступности, Изучевъ строеніе и функціи нервной системы и сосредоточивъ въ мозгу, какъ большой федераціи, всѣ органы психической жизни, что составляетъ одну изъ его величайшихъ заслугъ,

Gall сталъ отыскивать на поверхности мозга и его внѣшней оболочкѣ—черепѣ—отдѣльные органы для различныхъ весьма сложныхъ душевныхъ движеній и по ихъ большему или меньшему развитію заключать о степени развитія этихъ послѣднихъ. Основная мысль Gall'я сохранилась. Что же касается судьбы его ученія въ цѣломъ, то она достаточно извѣстна: его открытія не выдержали ударовъ критики и сошли со сцены. Едва ли я ошибусь, если скажу, что одной изъ причинъ его промаховъ было и то, что многократно наблюдавшееся имъ сосуществованіе тѣхъ или иныхъ психофизическихъ особенностей онъ принималъ за причинную связь между ними, не уяснивъ предварительно механизмъ ихъ возможнаго взаимодѣйствія.

Подобно Gall'ю, проф. Lombroso пытался и пытается найти и изучить внѣшніе анатомическіе признаки преступника. При этомъ онъ не слѣдуетъ примѣру своего ближайшаго предшественника, французскаго ученаго Despine, который изучалъ не преступника вообще, а различныя разновидности преступниковъ, и изучалъ ихъ преимущественно со стороны ихъ психики. Напротивъ, Lombroso съ самаго начала сталъ изучать преступника вообще, какъ особую разновидность человѣческаго рода, и подчинился при этомъ вліянію классическаго сочиненія *Parent-Duchatelet* «*De la prostitution dans la ville de Paris* которымъ онъ широко пользовался. Авторъ послѣдняго также изучалъ проститутокъ вообще. Но онъ имѣлъ передъ собою особую, однородную профессіональную группу, объединяемую единствомъ промысла, и, притомъ, промысла, выполняемаго при помощи одной изъ важнѣйшихъ органическихъ функцій, оказывающей самое рѣшительное вліяніе на всю душевную жизнь человѣка. Не то по отношенію къ преступникамъ, которые представляютъ значительныя различія во всѣхъ отношеніяхъ. Воръ, убійца, нищій-бродяга, изнаси-

лователь и пр.—это все различныя фигуры, представляющія собою и различные психологическіе типы. А они то и были смѣшаны въ одно общее цѣлое подъ именемъ преступнаго человѣка въ первыхъ изданіяхъ сочиненія проф. Lombroso. Какъ же поступалъ онъ при этомъ? Онъ искалъ и изучалъ послѣдовательно одну за другой различныя анатомическія и физіологическія особенности у различныхъ преступниковъ и выводилъ для каждой изъ нихъ процентное отношеніе. Затѣмъ дѣлалъ то же самое и по отношенію къ такъ называемымъ честнымъ людямъ, взятымъ безъ разбора, а потомъ сравнивалъ другъ съ другомъ соотвѣтствующія процентныя отношенія двухъ имъ установленныхъ противоположныхъ группъ. Оказывалось, что признаки анормальности и регресса значительно чаще встрѣчаются у преступниковъ, нежели у такъ называемыхъ честныхъ людей.

Таковъ начальный пріемъ. Но, очевидно, что, употребляя его, проф. Lombroso допускаетъ крупную погрѣшность въ самомъ основаніи. Въ первой группѣ—группѣ преступниковъ—онъ беретъ завѣдомо только однѣ болѣе или менѣе недостаточныя, порочныя и неуравновѣшанныя натуры жизненныхъ незадачниковъ, попавшихъ въ мѣсто заключенія, тогда какъ во второй—въ группѣ такъ называемыхъ честныхъ людей—имъ берутся преимущественно болѣе или менѣе сильныя и сравнительно хорошо организованныя натуры успѣвающихъ въ жизни людей, среди которыхъ, впрочемъ, встрѣчаются, какъ учитъ опытъ, и недостаточныя натуры, не впавшія, однако, въ преступленіе по тѣмъ или другимъ причинамъ. Эти послѣднія, очевидно, должны понижать качественную сторону второй группы. Онѣ-то, вѣроятно, главнымъ образомъ, и даютъ регрессивные признаки въ этой группѣ. А потому, если бы въ ней оставить только натуры послѣдней категоріи

и сравнить ихъ, какъ болѣе однородныя и соизмѣримыя, съ натурами первой группы,—группы преступниковъ, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, получились бы почти одинаковыя процентныя отношенія сходныхъ регрессивныхъ признаковъ. Тогда и оказалось бы, что обѣ группы, изъ которыхъ одна состоитъ изъ людей, преступившихъ уголовный законъ, а другая изъ людей, его никогда не нарушавшихъ, представляютъ почти въ равной мѣрѣ и сходные признаки регресса. А если такъ, то очевидно, что эти послѣдніе не суть признаки особаго преступнаго типа, а признаки чего-то другаго, именно различныхъ видовъ вырожденій и недостаточностей организаціи, которые при извѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей обстановки, иногда и наталкиваютъ человѣка на преступленіе и дѣлаютъ для него невозможной борьбу въ легальныхъ формахъ, въ которыхъ, при тѣхъ же условіяхъ, борятся другіе.

Все это вполнѣ подтверждается и собственными изслѣдованіями проф. Lombroso изъ которыхъ видно, что иногда и тяжкіе преступники не представляютъ сколько нибудь рѣзко выраженныхъ внѣшнихъ признаковъ преступности и, наоборотъ, люди, несовершившіе преступленій, представляютъ ихъ. Между тѣмъ, эти признаки, изъ которыхъ одни находились у однихъ преступниковъ, а другіе у другихъ, и дали основаніе для построенія особаго «преступнаго типа», при установленіи котораго Lombroso въ значительной мѣрѣ повторилъ и указанную уже мною ошибку Gall'я, которая и вызвала рядъ безполезныхъ работъ, явившихся, повидимому, скорѣе балластомъ въ наукѣ, вродѣ работъ о формѣ носовъ и цвѣтѣ волосъ у преступниковъ, по сравненію съ «честными людьми». Не спорю, можетъ, когда нибудь эти работы и окажутся имѣющими какое-либо значеніе, но только въ далекомъ

будущемъ. Теперь же онѣ скорѣе обремѣняютъ науку и загромождаютъ научный путь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая существованіе особаго преступнаго типа, Lombroso значительно съузилъ вопросъ о преступности. Если преступники представляютъ собою обособленный спеціальный типъ съ его наиболѣе рѣзкимъ выраженіемъ «прирожденнаго преступника», то и вопросъ о нарожденіи и условіяхъ развитія этого типа въ значительной мѣрѣ является вопросомъ частнымъ, не представляющимъ общаго захватывающаго интереса; тогда мы имѣемъ дѣло съ сравнительно незначительною группой людей, съ одной изъ неособенно многочисленныхъ разновидностей человѣческаго рода.

Въ иномъ видѣ, представляется тотъ же самый вопросъ въ постановкѣ геніальнаго Morel'я, которому, какъ психіатру, приходилось соприкасаться, въ числѣ другихъ вопросовъ, и съ вопросомъ о человѣческой преступности. Въ его сочиненіяхъ мы находимъ широкую, хотя и мрачную, картину «физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ вырожденій человѣческой породы» подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, каковы, напримѣръ, бѣдность, нищета, пьянство, дурныя условія труда, воспитаніе и проч. въ теченіе жизни поколѣній. Эти различныя вырожденія, закрѣпляемыя наслѣдственностью, и создаютъ самые различные психо-физическіе типы странныхъ, недостаточныхъ, порочныхъ и дурныхъ людей, которые, вслѣдствіе особенностей своей психофизической организаціи, предрасположены къ совершенію всевозможныхъ странностей, чудачествъ, а также и дурныхъ, порочныхъ и даже преступныхъ дѣйствій. Какъ болѣе или менѣе совершенныя организаціи, вслѣдствіе своего совершенства, на опредѣленныя внѣшнія воздѣйствія даютъ и болѣе или менѣе совершенныя реакціи, т. е. совершаютъ болѣе или

менѣе хорошіе поступки, такъ точно и недостаточныя психофизическія организаціи, вслѣдствіе своей недостаточности, на сходныя воздѣйствія отвѣчаютъ крайне дурными реакціями или, иначе говоря, дурными, порочными и преступными дѣяніями.

Въ этомъ видѣ вопросъ отличается широтою, ясностью соотношенія причинъ и слѣдствій и обосновывается на неизмѣримой массѣ повсюду наблюдаемыхъ фактовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пріобрѣтаетъ и захватывающій общій интересъ, представляя собою только другую сторону, сторону органическую или психофизическую надъ всѣми теперь тяготѣющаго и всѣхъ интересующаго великаго соціальнаго вопроса. Экономистъ изучаетъ его въ формѣ вопроса о крайне неравномѣрномъ распредѣленіи, объ экономической обездоленности и пр., а криминалистъ-антропологъ и психіатръ изучаютъ его въ формѣ вопроса о физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ вырожденіяхъ и порчахъ породы, передающихся по наслѣдству и проявляющихся во внѣ въ дурныхъ, антисоціальныхъ и преступныхъ дѣйствіяхъ. Теперь еще одно замѣчаніе. Наблюдая и изучая постепенное развитіе преступности, и, притомъ, въ производящихъ ее факторахъ, нельзя найти такія неблагопріятно вліяющія условія окружающей обстановки, которыя исключительно свойственны только жизни преступника и которыя могутъ способствовать образованію какого-то «особаго преступнаго типа», отмѣченнаго анатомическими признаками. Ничто въ этой жизни не спеціально настолько, не исключая самыхъ чувствъ, сопровождающихъ преступленіе, особенно если принять во вниманіе и наслѣдственное прошлое, среди котораго закладываются первые основы психической личности. Подъ вліяніемъ сходныхъ условій живетъ множество людей, живутъ даже цѣлые общественные

слои, обреченные на всякія жизненныя невзгоды: на непосильный трудъ, на дурное, недостаточное питаніе, на плохое дыханіе, на заброшенное, дурное воспитаніе и пр.,—однимъ словомъ, на условія жизни, способствующія не органическому расцвѣту и преуспѣянію, а, напротивъ, органической порчѣ и оскудѣнію, результатами котораго, въ числѣ прочихъ, является и преступленіе.

Должно, впрочемъ, замѣтить, что мысль объ особомъ типѣ ко времени начала работъ проф. Lombroso до нѣкоторой степени была высказана какъ въ уголовной антропологіи, еще не обособившейся тогда въ особую отрасль знанія, такъ и въ психіатріи. Въ первой она намѣчается еще въ сочиненіи Despine 1868 г., который основою тяжкой преступности считалъ дефекты въ образованіи мозга, обусловливающіе у преступниковъ атрофію нравственнаго чувства, какъ бы нравственный идіотизмъ. Болѣе ясно эта мысль высказана въ 1870 и 71 гг. въ работахъ врача пертской тюрьмы Thomson'а, который утверждалъ, основываясь на своихъ многолѣтнихъ наблюденіяхъ, что большая часть преступностей отличается наслѣдственнымъ характеромъ и что существуетъ особый преступный классъ, который по своимъ физическимъ качествамъ принадлежитъ къ низшему человѣческому типу и представляется неисправимымъ. Та же мысль высказана въ 1874 и 75 гг. и въ работѣ другого тюремнаго врача, д-ра Nicolson'а, по отношенію къ привычнымъ преступникамъ, а также и въ 1874 г. въ работѣ психіатра и тюремнаго врача д-ра Vergilio, который видѣлъ въ преступникахъ членовъ одной семьи или болѣзненной разновидности, представляющей собою уклоненія отъ нормальнаго человѣческаго типа.

Что же касается психіатріи, то въ ней мысль о формированіи типа въ средѣ болѣзненныхъ разновидностей была

разработана компетентнымъ изслѣдователемъ, д-мъ Morel'емъ, еще въ 1857 и 1864 гг. Morel утверждалъ, что индивидуумы, представляющіе отъ рожденія упадокъ физическій, умственный и нравственный, не походятъ ни на кого; они походятъ другъ на друга и представляютъ типы; они образуютъ расы и болѣзненныя разновидности въ породѣ.

Тѣ же воззрѣнія усвоены и, въ увлеченіи борьбы, чрезмѣрно развиты и проф. Lombroso. Обрати онъ большее вниманіе на причинную зависимость тѣхъ или другихъ уклоненій, передаваемыхъ и наслѣдственно, отъ *различныхъ факторовъ*, дѣйствующихъ въ общественной средѣ, онъ, конечно, избѣжалъ бы сдѣланнаго промаха и отнесъ бы преступниковъ къ различнымъ вырождающимся разновидностямъ, представители которыхъ, будучи часто предрасположены къ преступленію, тѣмъ не менѣе, поголовно не впадаютъ въ него.

Послѣ созданія *особаго* специфическаго типа надо было выяснить и причины его нарожденія. Нѣкоторыя подмѣченныя сходства навели Lombroso на мысль, что оно есть результатъ возврата къ низшему органическому типу, къ типу отдаленныхъ предковъ,— атавизмъ. Въ основѣ этого атавизма, какъ и въ основѣ наслѣдственно передаваемыхъ органическихъ аномалій, лежитъ задержка въ развитіи, въ свою очередь обусловливаемая разстройствами питанія. Преступникъ—это дикарь въ современномъ обществѣ; вслѣдствіе своего низшаго развитія, зависящаго отъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ жили его восходящіе и онъ самъ, онъ не можетъ приспособиться къ условіямъ современной жизни и потому впадаетъ въ преступленіе. Мысль, какъ видите, весьма соблазнительная въ качествѣ возможнаго объясненія и, притомъ, далеко не безусловно несостоятельная. Замѣните понятіе атавизма и уравненія съ дикарями, которые образуютъ здоровыя расы,

понятіемъ вырожденія, органической недостаточности, неуравновѣшанности и болѣзненныхъ разновидностей—и она, при этихъ поправкахъ, станетъ вѣрна. Къ сожалѣнію, Lombroso и его италіянскіе сотрудники и до сихъ поръ въ достаточной мѣрѣ не приняли ихъ.

Впрочемъ, проф. Lombroso, какъ уже было упомянуто выше, подъ вліяніемъ сдѣланныхъ ему возраженій и указаній, отказался впослѣдствіи отъ своего исключительнаго обобщенія и пріурочилъ сгруппированные имъ признаки типа только къ одной категоріи преступниковъ, которой онъ всецѣло и посвятилъ третье изданіе своего сочиненія и которую итальянская школа неудачно и неправильно назвала *прирожденными* и неисправимыми. Въ нихъ онъ сталъ видѣть не только результатъ атавизма, но еще и нравственнаго помѣшательства. При установленіи и этой поправки преобладающимъ пріемомъ, къ сожалѣнію, продолжалъ быть пріемъ массовыхъ изслѣдованій и процентныхъ отношеній. Всестороннее же изученіе каждаго отдѣльнаго случая, которое во всей полнотѣ воспроизводило бы передъ нами генезисъ и механизмъ преступности, напротивъ, отсутствовало. Нѣсколько позднѣе къ вліянію нравственнаго помѣшательства на созданіе особаго преступнаго типа вполнѣ неудачно было присоединено еще, путемъ сравнительнаго изученія, и вліяніе эпилепсіи, поводомъ къ чему, быть можетъ, послужило и сравненіе, сдѣланное д-мъ Vergilio. Такъ постепенно создался особый типъ такъ называемаго прирожденнаго преступника—прямого потомка и наслѣдника *единаго* Uomo delinquente, со всѣми его недостатками.

Къ убѣжденію о неисправимости прирожденнаго преступника Lombroso пришелъ, повидимому, двумя путями. Во-первыхъ, подъ вліяніемъ психіатрическихъ воззрѣній, по которымъ нѣкоторыя формы, и въ томъ числѣ нравственное по-

мѣшательство, отмѣчаются прирожденными и неустранимыми дефектами психо-физической организаціи. Во-вторыхъ, и по указаніямъ факта. Основываясь на статистическихъ данныхъ о значительномъ количествѣ рецидивистовъ, проф. Lombroso еще въ первыхъ своихъ работахъ пришелъ къ выводу, что число рецидивистовъ почти равняется числу выпускаемыхъ изъ тюремъ, что исправленія представляютъ собою исключенія, а рецидивъ—правило, и что, слѣдовательно, почти всѣ преступники неисправимы. Но при этомъ онъ упустилъ одно изъ вида и не задался вопросомъ, дѣйствительно ли все, сдѣланное для исправленія, сдѣлано хорошо и цѣлесообразно и дѣйствительно ли сдѣлано все, что можно и должно сдѣлать? Приглядись онъ поближе къ нашимъ, т.-е. общеевропейскимъ, тюремнымъ порядкамъ и къ условіямъ жизни выпущенныхъ по ихъ выходѣ на свободу, тогда, быть можетъ, онъ пришелъ бы къ другому выводу. Что существовали и существуютъ неисправленные, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но что существуютъ и дѣйствительно неисправимые въ смыслѣ уголовнаго исправленія, для такого утвержденія, по моему глубокому убѣжденію, у насъ по меньшей мѣрѣ нѣтъ достаточныхъ научныхъ данныхъ.

Замѣчу мимоходомъ, что споры о преступномъ типѣ подали поводъ къ провозглашенію существованія двухъ раздѣльныхъ и противуположныхъ школъ въ уголовной антропологіи: органической съ Lombroso во главѣ, совсѣмъ будто бы игнорирующей вліяніе общественныхъ условій, и соціальной, на-противъ, выдвигающей ихъ на первый планъ. Странное недоразумѣніе!

Человѣкъ, какъ и всѣ другія существа, постоянно находится подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, какими по отношенію къ нему являются условія общественныя. Подъ ихъ воздѣйствіемъ онъ постепенно болѣе или менѣе измѣнялся и из-

мѣняется, какъ въ теченіи жизни восходящихъ поколѣній, такъ и въ теченіи личной жизни, въ хорошую или дурную сторону. Внѣ вліяній общества мы не знаемъ человѣка и говорить о немъ не можемъ. Если неблагопріятны окружающія условія, но если они еще не успѣли выработать дурного и порочнаго характера, въ основѣ котораго лежатъ и соотвѣтствующія психо-физическія особенности, то нѣтъ и предрасположенія къ преступленію. Если же дурныя и порочныя особенности характера вліяніемъ общественнаго фактора уже выработались, то онѣ и являются ближайшею, а общественныя условія, ихъ выработавшія, болѣе отдаленною причиной преступности. При этомъ нѣкоторыя внѣшнія условія играютъ роль причинъ наталкивающихъ и побуждающихъ. А если такъ то мы не должны принимать однобокихъ теорій — исключительно соціальной или органической, а лишь одну соціально-органическую, въ которой отведено мѣсто обоимъ взаимодѣйствующимъ факторамъ.

Проф. Lombroso преимущественно занялся изученіемъ фактора органическаго, повидимому, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, ему, какъ психіатру, этотъ факторъ былъ болѣе доступенъ для изученія, и, быть можетъ, по той же причинѣ и болѣе интересовалъ его. Во-вторыхъ, факторъ этотъ представлялся наименѣе изученнымъ, хотя именно онъ, — особенно изслѣдуемый въ его производящихъ причинахъ, — и можетъ съ наибольшимъ успѣхомъ руководить насъ въ борьбѣ съ преступленіемъ.

Но, будучи психіатромъ по профессіи, проф. Lombroso, конечно, не могъ не знать и не могъ игнорировать и фактора соціальнаго, который представляетъ собою производящія причины фактора органическаго. И онъ, дѣйствительно, не игнорировалъ его. Только странное недоразумѣніе могло подска-

зать противуположное утвержденіе. Стоитъ развернуть отдѣлъ его работы, носящій названіе этіологіи преступленія, чтобы убѣдиться въ противномъ. Въ немъ въ числѣ условій, вліяющихъ па преступность, проф. Lombroso указываетъ на возростающую скученность въ большихъ городахъ, на количества и качества пищи, на дурное правленіе, на вліяніе бѣдности и пр. Вдумываясь во все сказанное въ этомъ отдѣлѣ, а также и въ отдѣлѣ, озаглавленномъ терапія преступленія, гдѣ въ числѣ средствъ борьбы съ преступленіемъ рекомендуется, между прочимъ, учрежденіе кооперативныхъ магазиновъ, дешевыхъ кухонь, школъ и банковъ для рабочихъ, пониженіе налоговъ, поражающихъ бѣдные классы, и пр.,— не трудно видѣть, что Lombroso признаетъ въ полной мѣрѣ вліяніе соціальныхъ причинъ, и, притомъ, признаетъ его какъ въ качествѣ вліянія, вырабатывающаго дурныя органическія особенности, такъ и въ качествѣ вліянія наталкивающаго на преступленіе уже предрасположенныя къ нему организаціи.

Въ работахъ проф. Lombroso, безспорно, мы находимъ весьма много промаховъ и ошибокъ, много неудовлетворительно обработаннаго, недостаточно продуманнаго и согласованнаго, много неудачно выраженнаго и выясненнаго, что естественно подаетъ поводъ къ ошибочнымъ толкованіямъ и невѣрному пониманію. Но справедливость заставляетъ насъ не забывать, что работы проф. Lombroso, будучи почти первымъ научнымъ шагомъ къ совершенно еще нетронутой области, представляютъ собою обширнѣйшее самостоятельное изслѣдованіе съ примѣненіемъ научныхъ методовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и сводку сдѣланнаго другими. Поэтому, не смотря на допущенные ошибки и промахи заслуга Lombroso въ исторіи человѣческаго знанія неоспорима. Онъ ярко освѣтилъ новымъ свѣтомъ вопросъ о человѣческой преступности, далъ сильный толчокъ

къ тщательному и всестороннему его изученію во всѣхъ странахъ и явился иниціаторомъ научныхъ конгрессовъ, которые, будучи дѣятельными факторами распространенія научныхъ взглядовъ на преступность въ средѣ большой публики, предназначены оказать значительное вліяніе на практику. Въ этой своей части дѣло Lombroso не умретъ. Вовсе не вопросъ о преступномъ типѣ составляетъ дѣйствительную сущность его. Эта сущность—признаніе неизмѣримой важности органическаго фактора въ вопросѣ о преступности и указаніе *на безусловную необходимость примѣненія* естественно-научныхъ методовъ изслѣдованія къ изученію преступника. Въ этомъ отношеніи работы проф. Lombroso представляютъ только необходимый этапъ въ ходѣ научнаго развитія. Не ошибается и не увлекается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ и кто идетъ избитымъ путемъ. Тотъ же, кто ищетъ новые пути, кто разрабатываетъ новый громадный матеріалъ и обосновываетъ новыя вѣтви науки, тотъ поневолѣ ошибается и часто дѣлаетъ поспѣшные выводы. Самъ проф. Lombroso призналъ на конгрессѣ, что онъ сдѣлалъ не мало ошибокъ и многое преувеличивалъ.

Однимъ изъ рѣшительныхъ противниковъ ученія объ особомъ «преступномъ типѣ» на парижскомъ конгрессѣ явился проф. Manouvrier, который коснулся только анатомической стороны вопроса. По его собственнымъ словамъ, его докладъ имѣлъ цѣлью подвергнуть критикѣ существующія работы и вызвать новыя изслѣдованія, въ которыхъ были бы избѣгнуты ошибки, совершенныя до сихъ поръ. Оговорившись въ началѣ доклада, что «тѣсное и неразрывное соотношеніе между физіологіей, включая психологію и анатомію, внѣ всякаго спора, если не говорить о невѣжественныхъ метафизикахъ», и что онъ, Manouvrier, вполнѣ согласенъ съ ученіемъ о за-

висимости характера отъ организаціи, проф. Manouvrier замѣтилъ, что между нимъ и Lombroso есть существенно различіе въ томъ, что онъ не придаетъ столь рѣшающаго значенія *анатомическимъ* признакамъ и полагаетъ, что люди, представляющіе признаки такъ называемаго преступнаго типа, подъ вліяніемъ хорошаго воспитанія, могутъ сдѣлаться хорошими людьми и наоборотъ. Слѣдомъ за тѣмъ онъ подвергъ довольно рѣзкой критикѣ точность и достоинство работъ, сдѣланныхъ съ цѣлью установленія внѣшнихъ анатомическихъ признаковъ этого типа. При этомъ онъ заявилъ, что пока можно сказать лишь одно: въ среднемъ у преступниковъ встрѣчается болѣе аномалій, нежели у такъ называемыхъ честныхъ людей.

Докладъ проф. Manouvrier распадается на двѣ части: одна посвящена критикѣ уже сдѣланныхъ работъ о преступномъ типѣ, а другая заключаетъ въ себѣ общія соображенія, которыя долженъ имѣть въ виду каждый изслѣдователь преступниковъ. Въ первой изъ нихъ много дѣйствительно мѣткихъ замѣчаній. Найденъ ли до сихъ поръ какой-либо анатомическій признакъ, могущій характеризовать *исключительно* преступниковъ или ту или другую категорію ихъ? На этотъ вопросъ проф. Мануврiе отвѣчаетъ отрицательно. «Можно считать»,—говоритъ онъ,—«болѣе или менѣе неблатопріятнымъ въ отношеніи наклонности къ преступленію существованіе такого то признака или такой то совокупности ихъ, но нельзя допускать, что эти признаки суть специфическіе для преступниковъ». Далѣе онъ совершенно справедливо указываетъ, что нельзя отыскать такихъ специфическихъ признаковъ уже вслѣдствіе того, что противуположная, столь смѣшанная группа такъ называемыхъ «честныхъ людей» включаетъ не мало людей вырождающихся, грубыхъ и порочныхъ.

«Многочисленны»—говоритъ онъ,—«честные люди, способные стать преступниками или нравственно не лучшіе самыхъ худшихъ каторжниковъ». Онъ указываетъ также на крайнюю недостаточность наблюденій въ произведенныхъ работахъ, на то, что измѣренія дѣлались различными изслѣдователями и, притомъ, различными и иногда весьма несовершенными способами, почему они часто и представляются несоизмѣримыми, и что, наконецъ, для образованія «преступнаго типа» брались и соединялись вмѣстѣ признаки, встрѣчаемые у различныхъ преступниковъ. Но такимъ ли способомъ,—спрашиваетъ онъ,—устанавливается типъ? По его мнѣнію, также не существуетъ одного общаго типа преступника, какъ не существуетъ и одного общаго типа уродливаго или «патологическаго» человѣка; существуютъ только различные типы уродствъ.

Не менѣе вѣрно и замѣчаніе Manouvrier, что при антропологическомъ изученіи преступника нѣтъ надобности вводить сложный соціальный элементъ—преступности и честности, а предварительно необходимо, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ анатомическимъ анализомъ, вести и психологическій анализъ достоинствъ а недостатковъ, болѣзненныхъ и нормальныхъ влеченій вообще и только уже затѣмъ указывать, какъ тѣ или другія неблагопріятныя особенности могли и должны были отражаться въ общественной дѣятельности человѣка.

Но если критическія замѣчанія Manouvrier вызываютъ полное согласіе, то нельзя сказать того же о его общихъ руководящихъ соображеніяхъ. Одна изъ его основныхъ мыслей слѣдующая. «Одинъ и тотъ же индивидуумъ»,—говоритъ онъ,—«можетъ дѣйствовать тысячею различныхъ способовъ, соотвѣтственно различію воздѣйствій, которымъ онъ подвергается, не измѣняясь вслѣдствіе того ни физіологически, ни анатомически и не переставая всегда дѣйствовать соотвѣтственно

своей конструкціи». Отсюда выводъ очевиденъ: преступникъ не долженъ представлять поэтому особыхъ физіологическихъ и анатомическихъ уклоненій. Но въ этой своей слишкомъ общей формѣ утвержденіе Manouvrier положительно невѣрно. Ничто въ мірѣ, а, слѣдовательно, и человѣческія дѣйствія, не проходитъ безслѣдно, а, напротивъ, заносится въ книгу жизни. Опытъ учитъ насъ, что каждый органъ, каждый мускулъ и части его отъ дѣятельности или бездѣлья болѣе или менѣе измѣняются въ своей конституціи. Эти измѣненія совершаются постепенно, незамѣтно, но на значительныхъ промежуткахъ времени они рѣзко бросаются въ глаза. Между тѣмъ, всѣ поступки человѣка представляютъ собою только различныя комбинаціи элементарныхъ дѣйствій, а потому и различія въ его дѣятельности неизбѣжно измѣняютъ его организмъ какъ анатомически, такъ и физіологически. Сверхъ того, повторяющіяся дѣятельности вызываютъ и повторяющіяся различныя комбинаціи простѣйшихъ дѣйствій и тѣмъ самимъ создаютъ устойчивыя ассоціаціи какъ игры различныхъ нервовъ и нервныхъ центровъ, такъ и мускуловъ, что представляетъ собою важныя конституціональныя измѣненія сложнаго механизма—организма человѣка. Въ психической сферѣ тѣ же дѣятельности отражаются въ формѣ различныхъ чувствованій, которыя, сопровождаясь, какъ мы видѣли, и матеріальными измѣненіями, не проходятъ безслѣдно для жизни души. Сохраняющіеся органическіе слѣды, различнымъ образомъ ассоціированные какъ другъ съ другомъ, такъ и съ душевными волненіями, при сходныхъ воздѣйствіяхъ сами собой, независимо отъ желанія и воли дѣятеля, пробуждаются, всплываютъ изъ органической глубины и являются важными факторами въ опредѣленіи дѣятельности. Особенно это нужно сказать о душевныхъ волненіяхъ. На этомъ и основывается непреложная власть прошлаго человѣка надъ его

настоящимъ. Поэтому мы можемъ сказать, что различныя жизненныя дѣятельности постоянно и постепенно измѣняютъ организмъ и сегодня онъ уже не тотъ, какимъ былъ еще вчера. Измѣненный организмъ въ свою очередь, какъ это всего лучше доказываетъ наслѣдственность настроенія, вызывающая между прочимъ и наслѣдственную склонность къ самоубійству, передается нисходящимъ поколѣніямъ, что и даетъ основаніе хорошо извѣстнымъ каждому семейнымъ типамъ. Правда, эти постепенно вырабатываемыя отличія не всегда поддаются анатомическому и физіологическому констатированію и описанію, но, тѣмъ не менѣе, они ясно проявляются въ психической области.

Такъ же мало можно согласиться и съ другимъ общимъ положеніемъ Manouvrier. «Нужно быть чрезмѣрнымъ оптимистомъ и поклонникомъ-энтузіастомъ нормальнаго человѣчества», — говоритъ онъ,—«чтобы думать, что анормально желать собственности другаго, а желая, стараться присвоить ее». «Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить»,—прибавляетъ онъ далѣе,—«что многія физіологическія особенности, смотря по обстоятельствамъ могутъ быть достоинствами или недостатками». Отсюда общіе выводы: 1) «не только преступленіе не соединяется необходимо съ анормальными или неблагопріятными физіологическими особенностями, но оно еще можетъ быть вызвано, при равныхъ прочихъ условіяхъ, дѣйствительными достоинствами и задерживаемо дѣйствительными недостатками, и 2) обыкновенныя преступленія вовсе не предполагаютъ съ необходимостью болѣзненныя физіологическія состоянія».

Здѣсь нельзя не замѣтить, что эти выводы обосновываются на нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ. Преступленія совершаются не при посредствѣ одной какой-либо особенности человѣка, а при посредствѣ всей совокупности ихъ: его настроенія, его чувства, мыслей и проч. Въ преступленіи весь человѣкъ, всѣ

стороны его принимаютъ участіе, и оно является результатомъ совмѣстной ихъ дѣятельности. Полное расчлененіе и выдѣленіе здѣсь невозможно. Поэтому если та или другая особенность, натолкнувшая человѣка на преступленіе, разсматриваемая отвлеченно и изолированно, и можетъ быть названа достоинствомъ, то въ соединеніи съ другими особенностями даннаго человѣка она является или порокомъ, или недостаткомъ, или только опасною и невыгодною способностью, наприм., смѣтливый умъ, но не просто смѣтливый умъ, а умъ являющійся на служеніе самымъ дурнымъ и антисоціальнымъ чувствамъ, питающійся ими и получающій изъ нихъ свое конкретное содержаніе.

Сверхъ того, нужно замѣтить, что совершеніе дѣяній, запрещенныхъ уголовнымъ закономъ, сопряжено съ такими неблагопріятными общественными послѣдствіями, что рѣшиться на послѣднія или игнорировать ихъ могутъ лишь въ томъ или другомъ отношеніи недостаточныя и порочныя натуры, вслѣдствіе того не имѣющія возможности бороться въ установленныхъ легальныхъ формахъ. Конечно, громадное большинство этихъ натуръ не суть больныя натуры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но несомнѣнно, что онѣ недостаточныя и порочныя натуры — продукты недостаточнаго органическаго развитія и органическаго регресса. Вѣдь, и идіоты, со всѣми ихъ умственными и нравственными недостатками, а также и различные нравственные выродки не суть больные въ строгомъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ, это дурные, неприспособленные механизмы или, по выраженію Мореля, несчастныя и порочныя организаціи.

Все это, повидимому, ясно понимало большинство говорившихъ по вопросу. Возражая противъ существованія особаго анатомически отмѣченнаго «преступнаго типа» и въ особен-

ности противъ возможности дѣлать напередъ какія-либо опредѣленія и предсказанія на основаніи указанныхъ италіанскою школою признаковъ или основывать на нихъ сужденія о виновности, всѣ они, въ то же время, признавали, что преступники, говоря вообще принадлежатъ къ низшимъ недостаточнымъ типамъ. Такъ, проф. Benedict, выступавшій противъ ученія объ «особыхъ анатомическихъ признакахъ преступности», признавалъ важною заслугой уголовной антропологіи то, что она изучаетъ преступленіе, какъ естественное явленіе, и видитъ въ преступникѣ низшее существо, а въ его преступленіи результатъ дурной организаціи, а не его свободной воли. Alphonse Bertillon, завѣдующій бюро антропометрическихъ измѣреній при префектурѣ полиціи и потому имѣющій случай ежегодно видѣть громадное количество преступниковъ, замѣтилъ во время своей конференціи, что у преступниковъ наблюдаются внѣшніе признаки, но они не представляютъ собою специфическіе признаки «преступнаго типа», а признаки вырожденія и низшаго развитія, которое препятствуетъ ихъ обладателямъ успѣшно бороться за свое существованіе. Точно также и проф. Locassagne утверждалъ на конгрессѣ, что у преступниковъ значительно чаще встрѣчаются признаки вырожденія и что они представляютъ собою низшія существа, большею частью выходящія изъ дурно-обставленныхъ классовъ общества. Послѣдніе, вслѣдствіе неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, въ значительной мѣрѣ вырождаются и потому отмѣчаются неблагопріятными органическими особенностями, наталкивающими предрасположенныя натуры на преступленія. «Имѣй я ренту»,—пояснялъ знаменитый Лемеръ на судѣ,—я бы, конечно, не былъ здѣсь».

Таковы были пренія по вопросу о существованіи особаго «преступнаго типа». Резюмируя ихъ, проф. Ферри справедливо замѣтилъ, что въ вопросѣ о преступленіи одни изъ говорив-

шихъ видѣли преимущественно органическую сторону, а другіе соціальную, и при этомъ всѣ были и правы, и неправы, потому что одну изъ сторонъ выдавали за цѣлое. Преступленіе есть явленіе сложное, обусловливаемое антропологическими, физическими и соціальными факторами, относительное значеніе которыхъ въ каждомъ преступленіи измѣняется.

Въ близкой связи съ вопросомъ о «преступномъ типѣ» стоялъ вопросъ, возбужденный докладомъ Garofalo объ опредѣленіи при помощи уголовной антропологіи того класса, къ которому принадлежитъ виновный. Въ немъ Garofalo замѣчаетъ, что анатомическіе признаки недостаточны и сами по себѣ могутъ давать лишь указанія, а потому ихъ необходимо дополнять имѣющими гораздо большее значеніе признаками психологическими, —нравственною фигурой преступника, которая знакомитъ насъ съ психическими аномаліями послѣдняго. Исходя изъ этого взгляда, онъ предлагаетъ установить различные классы преступниковъ на общемъ основаніи признаковъ антропологическихъ, наприм., физіогноміи, формы черепа и пр., и признаковъ психологическихъ, причемъ онъ признаетъ и существованіе преступниковъ прирожденныхъ и неисправимыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ настаиваетъ на необходимости опредѣленія законодательнымъ путемъ особыхъ способовъ воздѣйствія (traitement spéciale), особыхъ наказаній для каждаго изъ устанавливаемыхъ классовъ и, такимъ образомъ, ставитъ наказаніе въ зависимости отъ общей классификаціи преступниковъ. Нельзя не признать, что психологическіе признаки имѣютъ первенствующее значеніе. Пока еще это единственно доступные намъ признаки. Признаки же анатомическіе, какъ наприм., форма черепа, развитіе челюстей и проч., представляютъ собой только возможный матеріалъ для будущаго. Мы можемъ наблюдать, наприм., что тотъ или другой внѣшній признакъ

чаще встрѣчается у такихъ-то или иныхъ людей, но еще не можемъ установить яснаго причиннаго ихъ соотношенія съ различными психическими особенностями человѣка. А пока этого не сдѣлано, до тѣхъ поръ передъ нами одинъ голый фактъ, значеніе котораго еще неизвѣстно намъ. Единственно, на что эти признаки указываютъ—это на органическій регрессъ и низшій уровень органическаго развитія вообще.

Но хотя психическіе признаки и психическій обликъ человѣка имѣютъ преимущественное значеніе, тѣмъ не менѣе, устанавливаемые Garofalo на ихъ основаніи классы преступниковъ не могутъ и не должны служить основаніемъ для установленія законодательнымъ путемъ различій въ наказаніяхъ. Кладя въ основаніе качественнаго и количественнаго различія репрессивныхъ мѣръ не преступленіе, а самого преступника съ его нравственными особенностями, Garofalo, конечно, дѣлаетъ шагъ впередъ. Но онъ тутъ же и портитъ его и подпадаетъ подъ вліяніе отживающихъ традицій, которыя пріурочиваютъ особенности наказаній не къ индивидуальнымъ особенностямъ дѣятеля, а къ напередъ устанавливаемымъ категоріямъ. Общіе психо-физическіе типы преступнаго люда, основанные на тщательномъ изученіи явленій живой дѣйствительности, несомнѣнно могутъ и будутъ имѣть весьма важное значеніе для лицъ, близко соприкасающихся и воздѣйствующихъ на преступниковъ. Они могутъ и будутъ служить для нихъ, какъ научныя данныя, руководною нитью при изученіи ими порученныхъ имъ индивидуальныхъ преступниковъ и при выборѣ ими соотвѣтствующихъ средствъ воздѣйствія. Но они не должны служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какими-то напередъ опредѣленными карательными категоріями. Тѣмъ болѣе они не должны служить основаніемъ ни для какихъ предсказаній объ уголовной неисправимости, въ которую,

кстати сказать, лично я и не вѣрую. При этомъ я, разумѣется, вовсе не имѣю въ виду передѣлку взрослаго дурнаго человѣка въ человѣка хорошаго, а лишь улучшеніе преступника на сравнительно незначительную величину уголовнаго исправленія.

Въ близкомъ соотношеніи съ вопросомъ объ особомъ «преступномъ типѣ» стоялъ и другой вопросъ, обсуждавшійся конгрессомъ, докладчиками по которому былъ д-ръ Taverni и талантливый д-ръ Magnan. Это вопросъ о дѣтствѣ преступниковъ въ соотношеніи съ естественнымъ предрасположеніемъ къ преступленію.

Основываясь на личныхъ наблюденіяхъ, д-ръ Taverni указалъ, что у нѣкоторыхъ дѣтей существуетъ особаго рода прирожденный недостатокъ способности къ воспитанію, даваемому какъ семьей, такъ и государствомъ, что и составляетъ основаніе ихъ прирожденнаго предрасположенія къ преступленію. Эти натуры, къ счастью, не особенно часто встрѣчающіяся, онъ разсматриваетъ какъ натуры, находящіяся въ дисгармоніи съ нѣкоторыми требованіями современной цивилизаціи, вслѣдствіе ограниченности ихъ физической способности приспособляться къ нимъ. Наша современная цивилизація, по мнѣнію Taverni превосходитъ естественныя способности многихъ индивидуумовъ, которые поэтому и оказываются неприспособленными къ ней.

Д-ръ Taverni затронулъ, дѣйствительно, чрезвычайно важный вопросъ о minimum'ѣ необходимой приспособленности психо-физической личности къ условіямъ окружающаго ее общества, которымъ выясняется весьма многое въ генезисѣ преступленія. Minimum этотъ измѣняется по временамъ и народамъ, по классамъ общества, а также и по жизненнымъ по-

ложеніямъ, такъ что неприспособленный къ однимъ могъ бы оказаться вполнѣ приспособленнымъ къ другимъ. Сведемъ это на болѣе конкретный примѣръ и возьмемъ вялую, медлительную организацію, въ которой всѣ процессы, какъ физическіе, такъ и психическіе, совершаются крайне медленно. Такія оскудѣлыя организаціи встрѣчаются не особенно рѣдко и, конечно, не могутъ быть причислены къ больнымъ. Если подобно организованная личность явится на свѣтъ обезпеченной или воспитаніемъ будетъ приспособлена къ хорошо оплачиваемымъ отраслямъ труда, то она окажется достаточно приспособленной къ предстоящей ей жизненной борьбѣ и, вѣроятно, не будетъ натолкнута на путь преступленія. Напротивъ, предположимъ, что такая же личность, вслѣдствіе условій рожденія, явится на свѣтъ безъ всякихъ наслѣдственныхъ придатковъ и даннымъ ей воспитаніемъ будетъ приспособлена только къ крайне скудно оплачиваемымъ отраслямъ труда, которыя требуютъ большой быстроты производства для добыванія достаточныхъ средствъ для сколько-нибудь сноснаго существованія. Понятно, что такая вялая организація съ самаго начала будетъ поставлена въ крайне неблагопріятныя условія существованія, которыя будутъ способствовать ея дальнѣйшей порчѣ и оскудѣнію. Постоянная нужда, постоянные жизненные толчки и невзгоды, обусловливаемые органическими особенностями, неудовлетворенность въ потребностяхъ и влеченіяхъ, зависть при видѣ благосостоянія другихъ, непосильный для нея, а потому и раздражающій, трудъ, недостатокъ времени для умственнаго развитія, непріятныя настроенія, перспективы безпросвѣтнаго будущаго и т. д., — все это и многое другое скоро и легко подготовитъ почву, а если къ этому присоединятся еще, наприм., трудныя обязательства содержанія семьи, да ея невзгоды, то легко натолкнетъ и на преступленіе. Конечно, въ

этомъ послѣднемъ случаѣ могутъ проявиться и многія другія неблагопріятныя особенности человѣка, наприм., недостатокъ хорошихъ устойчивыхъ правилъ, недостаточная чувствительность къ общественному порицанію и проч., и проч. Но всѣ эти особенности вовсе не таковы, чтобы быть рѣшительно несовмѣстимыми съ положеніемъ непреступнаго человѣка и не имъ въ данномъ случаѣ принадлежитъ первенствующая роль. Онѣ только облегчили совершеніе преступленія, главные корни котораго кроются въ органической оскудѣлости и въ проистекающихъ отъ нея слѣдствіяхъ. Другая, болѣе одаренная и сильная организація, какъ мы это и видимъ постоянно въ дѣйствительности, и при этихъ условіяхъ могла бы продолжать борьбу въ узаконенныхъ формахъ и выйти изъ нея побѣдительницею. Но и сама органическая оскудѣлость не есть еще, какъ мы видѣли, обсолютная неприспособленность; она лишь неприспособленность, относительная, неприспособленность при данномъ жизненномъ положеніи, и въ рукахъ общества устранять такую неприспособленность путемъ улучшенія прекарныхъ жизненныхъ положеній, требующихъ большаго избытка силъ.

Второй докладчикъ, д-ръ Magnan, оттѣнилъ другую сторону вопроса. Свою конференцію въ госпиталѣ S-te Ann'ы онъ началъ слѣдующимъ обращеніемъ къ проф. Lombroso. «Съ тѣхъ поръ, какъ вы признали», — сказалъ онъ, — «что прирожденный преступникъ есть существо патологическое, вырождающееся, между нами существуетъ полное согласіе». Этими немногими словами онъ вполнѣ опредѣлилъ основной характеръ своихъ воззрѣній. Задавшись вопросомъ объ особенностяхъ дѣтства преступниковъ, Maynan рѣшительно отвергъ атавизмъ и уподобленіе преступника дикарю, запоздало явившемуся среди цивилизованнаго общества. По его мнѣнію, нор-

мальный человѣкъ по природѣ не предрасположенъ къ преступленію. Онъ становится случайнымъ или привычнымъ преступникомъ вслѣдствіе страсти или дурнаго воспитанія, вліяніе котораго очень замѣтно у дѣтей, особенно принадлежащихъ *къ категоріи дѣтей заброшенныхъ*. Это мнѣніе д-ра Magnan'а должно быть принято съ большими ограниченіями. Мы уже видѣли на только что приведенномъ примѣрѣ, на какіе элементы во многихъ случаяхъ разлагается понятіе предрасположенія къ преступленію,—на недостаточность и неблагопріятныя особенности психо-физической организаціи, которыя, не будучи болѣзнями въ тѣсномъ смыслѣ слова, тѣмъ не менѣе, съ полнымъ правомъ могутъ быть названы ея порочностями и которыя, при нѣкоторыхъ жизненныхъ положеніяхъ, дѣлаютъ для индивидуума крайне затруднительной борьбу за существованіе въ установленныхъ формахъ и тѣмъ самымъ предрасполагаютъ его къ преступленію. Можно сказать вообще, что если характеръ человѣка обусловливается особенностями психофизической организаціи, то и характеръ, приводящій его къ преступленію, обусловливается ими же.

На ряду съ первою категоріей лицъ, совершающихъ преступленія подъ вліяніемъ страсти или дурнаго воспитанія, существуетъ, по мнѣнію Magnan'а и другая: это—категорія людей, которые, вслѣдствіе вліянія закона наслѣдственности, приносятъ въ самихъ себѣ не естественное предрасположеніе къ преступленію, а патологическія тары и органическое вырожденіе. Послѣднее вноситъ разстройство въ ихъ мозговыя функціи, причемъ иногда направляющіе и задерживающіе нервные центры оказываются неспособными сдерживать чрезмѣрно-возбужденные аппетиты и инстинкты, а иногда сами эти центры ослабляются и потому не могутъ вносить болѣе должнаго равновѣсія.

Вырождающіеся наслѣдственники уже являются на свѣтъ

съ печатью ихъ происхожденія. Психическія клеймы проявляются у нихъ съ началомъ ихъ психической жизни. Съ 4 или 5 лѣтъ у нихъ иногда наблюдаются одержанія, импульсивности, нравственныя и интеллектуальныя аномаліи и извращенія инстинктовъ. Соотвѣтственно различіямъ въ локализаціи функціональныхъ разстройствъ, они представляютъ самые разнообразные типы, которые образуютъ рядъ неуловимыхъ переходовъ отъ различныхъ идіотовъ — существъ вполнѣ рефлекторныхъ и вежетативныхъ—до различно одаренныхъ высшихъ вырождающихся. Послѣдніе часто проявляютъ выдающіеся таланты, но, на ряду съ ними, проявляютъ и крайнюю неуравновѣшенность инстинктовъ, аппетитовъ и нравственныхъ качествъ. И замѣчательно, что иногда такія нравственныя уродства сопровождаются едва лишь уловимыми измѣненіями во внѣшнихъ формахъ тѣла, а иногда не наблюдается даже и вовсе никакихъ слѣдовъ физическихъ стигматъ.

Свое изложеніе какъ въ докладѣ, такъ и на конференціи Magnan иллюстрировалъ многими чрезвычайно интересными клиническими наблюденіями. Вотъ одно изъ нихъ. Нѣкто Жоржета И... дѣвочка 12 лѣтъ. Она происходитъ отъ отца пьяницы и человѣка буйнаго; ея мать слабоумна. Сама она представляетъ собою типъ нравственно помѣшанной (moral insanity) съ многочисленными нравственными извращеніями: извращенія половыя, влеченія къ самоубійству и убійству, влеченіе къ кражамъ и пьянству. Внѣшняя же ея наружность имѣетъ пріятное выраженіе и не представляетъ стигматъ. Въ школѣ она не подчинялась никакой дисциплинѣ и съ трудомъ выучилась читать и писать. Съ 5-ти лѣтняго возраста она стала предаваться взаимному онанизму съ своими сотоварищами, а впослѣдствіи заманивала мужчинъ, давала имъ деньги и подчинялась всѣмъ ихъ фантазіямъ. Даже ея мать не была обез-

печена отъ ея сладострастія и она дѣлала ей самыя дурныя предложенія.

Изъ числа вопросовъ практическаго характера, обсуждавшихся на конгрессѣ, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ былъ вопросъ, затронутый вторымъ докладомъ проф. Monouvrier—о мѣстѣ уголовной антропологіи. По его мнѣнію, уголовная антропологія представляетъ собою одну изъ вѣтвей естественной исторіи человѣка. Она должна разрабатываться въ примѣненіи къ уголовному праву и должна служить ему свѣточемъ. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, она была еще только въ зачаточномъ состояніи, а потому и издаваемый ею свѣтъ былъ пока сравнительно не великъ.

Но преступный человѣкъ,—замѣтилъ докладчикъ,—не представляетъ собою большаго интереса, нежели человѣкъ, не совершавшій преступленій, а потому, если существуетъ уголовная антропологія, то тѣмъ болѣе должна существовать юридическая антропологія вообще, одну изъ вѣтвей которой и составляетъ первая. Съ другой стороны, на ряду съ юридическою антропологіей должны разрабатываться и другія отрасли прикладной антропологіи, какъ-то: антропологія нравственности, антропологія воспитанія, а впослѣдствіи и антропологія политическая.

Таковы главныя положенія доклада проф. Monouvrier. Нельзя не признать,—думуется мнѣ,—что въ немъ проводится и развивается весьма плодотворная и важная мысль,—мысль о необходимости болѣе правильной постановки преподаванія общественныхъ наукъ вообще и юридическихъ въ частности. Всѣ эти науки имѣютъ въ основѣ своей человѣка въ различныхъ проявленіяхъ его физической и умственно-нравственной дѣятельности. Возьмемъ для примѣра уголовное право, которое не представляетъ собою въ этомъ от-

ношеніи никакого исключенія въ ряду другихъ юридическихъ наукъ. Какъ наука прикладная, оно изучаетъ наилучшія средства для низведенія числа преступленій до возможнаго minimum'а. Но въ преступленіи и его генезисѣ весь человѣкъ со всѣми особенностями его духовной жизни. Очевидно, поэтому, что точное изученіе дѣйствительнаго преступника во всемъ разнообразіи его разновидностей, и, притомъ, въ примѣненіи къ задачамъ уголовнаго права, должно лежать въ основѣ этого послѣдняго. Только при такомъ условіи и могутъ получиться плодотворные результаты.

То же нужно сказать и о другихъ общественно-юридическихъ наукахъ, объектомъ которыхъ является все тотъ же человѣкъ, только изучаемый съ другихъ сторонъ своей *дѣятельности*. Этимъ вполнѣ оправдывается мысль проф. Manouvrier, что необходимо существованіе и преподаваніе различныхъ отдѣловъ антропологіи и что необходима разработка ея въ примѣненіи къ различнымъ жизненнымъ цѣлямъ, иначе говоря, необходима разработка прикладныхъ антропологій. А между тѣмъ, что мы видимъ въ дѣйствительности? Общественно-юридическія науки разрабатываются и преподаются независимо отъ ихъ основы — науки о человѣкѣ. Послѣдняя какъ бы предполагается извѣстной всѣмъ изучающимъ эти науки. Но такъ ли это? Возьмемъ фактъ дѣйствительности. Обратимся опять къ уголовному праву и спросимъ, что знаетъ занимающійся уголовнымъ правомъ, въ его теперешней классической формѣ, о генезисѣ преступленія и о дѣйствительныхъ преступникахъ — объектахъ его изученія? Что знаетъ онъ о тѣхъ болѣе или менѣе устойчивыхъ или преходящихъ особенностяхъ психофизической организаціи, которыя, при данныхъ уловіяхъ общественной жизни и создаваемыхъ ими жизненныхъ положеніяхъ, предрасполагаютъ къ преступленію вообще и различ-

нымъ его видамъ въ частности? О нихъ изъ уголовнаго права, какъ изучается оно теперь, онъ не узнаетъ ровно ничего. Ничего не узнаетъ онъ и изъ его какихъ-либо вспомогательныхъ отдѣловъ. Теперешнее уголовное право, трактующее, между тѣмъ, о субъективной сторонѣ преступленія, не знаетъ дѣйствительнаго преступника въ условіяхъ его постепенной подготовки и развитія. На основаніи его данныхъ всѣ преступники представляются какими то отвлеченными, всегда другъ другу и самимъ себѣ равными величинами, всегда вполнѣ похожими и на всѣхъ прочихъ людей, о которыхъ поэтому легко судить по своему внутреннему опыту. Крупная ошибка. Тщательное наблюденіе и опытъ, напротивъ, учатъ насъ, что дѣйствительные преступники представляютъ, во первыхъ, крайнее психическое разнообразіе, а, во вторыхъ, что многіе изъ нихъ въ своихъ психическихъ особенностяхъ значительно отличаются даже отъ обыкновенныхъ среднихъ людей и что поэтому объ особенностяхъ большинства изъ нихъ вовсе нельзя судить на основаніи собственнаго внутренняго міра изслѣдователя. Для примѣра остановимся хотя бы на одной только психической особенности.

Исходя отъ своего внутренняго опыта, занимающійся изученіемъ уголовнаго права въ его классической формѣ представляетъ себѣ каждаго преступника, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не идетъ о преступленіи, совершенномъ вполнѣ опрометчиво или подъ вліяніемъ аффекта, какъ человѣка, у котораго сначала появился такъ называмый «злой умыселъ», сопровождавшійся оцѣнкой и предвѣдѣніемъ послѣдствій и даже отвѣтственности. Затѣмъ этотъ умыселъ, усиливаясь болѣе или менѣе быстро, дошелъ до степени рѣшимости и, наконецъ, перешелъ въ актъ «злой воли»—данное преступное дѣяніе. И дѣйствительно, будь этимъ совершителемъ самъ занимающійся

уголовнымъ правомъ, то процессъ у него, можетъ быть, и пошелъ бы именно этимъ путемъ и, слѣдовательно, его внутренній опытъ не обманулъ бы его анализомъ. Но такъ ли бываетъ всегда? Тщательное изученіе показываетъ намъ, что даже основная способность мышленія, а, слѣдовательно, и умственной жизни,—быстрота воспроизведенія представленій, быстрота ихъ хода чрезвычайно разнится какъ по различію временныхъ органическихъ состояній у одного и того же лица, такъ и по отдѣльнымъ индивидуумамъ,—разнится на столько, что дѣлаетъ почти несоизмѣримой умственную жизнь послѣднихъ. Въ то время, какъ у однихъ въ минуту появляется до 140, а, можетъ быть, и болѣе представленій, у другихъ не появляется ихъ и 15. Какъ низко падаетъ этотъ minimum, мы еще точно не знаемъ, потому что наиболѣе интересныя въ этомъ отношеніи оскудѣлыя разновидности хорошо еще не изслѣдованы. Мы знаемъ только, что вмѣстѣ съ истощеніемъ организма какъ временнымъ, такъ и болѣе постояннымъ, идетъ и паденіе быстроты воспроизведенія представленій, которая, какъ показываютъ клиническіе случаи, можетъ доходить иногда до полнаго прекращенія возможности всякаго мышленія. Посмотримъ же теперь, каковы послѣдствія варіацій только одной этой основной способности мышленія, на которую, однако, при оцѣнкѣ преступленія не обращаютъ обыкновенно почти ни малѣйшаго вниманія. Послѣдствія эти представить не трудно. У одного, при появленіи по тому или другому поводу первичной мысли о совершеніи какого-либо преступленія, въ очень короткій періодъ времени воспроизводится много ассоціированныхъ представленій о различныхъ дурныхъ и непріятныхъ нравственныхъ и юридическихъ слѣдствіяхъ задумываемаго дѣянія,—представленій, всегда связанныхъ съ различными чувствова-

ніями и волненіями. Такимъ образомъ, у него въ короткій промежутокъ времени совершится многосторонняя работа и будетъ произведена болѣе или менѣе полная оцѣнка, многіе элементы которой могутъ и дѣйствительно вліяютъ задерживающимъ и подавляющимъ образомъ на приливы возбужденія, обыкновенно соединяющагося съ представленіемъ о пріятности, напримѣръ, того или другаго обладанія. Не то наблюдается у оскудѣлыхъ и дряблыхъ организацій. Мыслительная дѣятельность, придающая осмысленность и разумность послѣдующимъ поступкамъ, у нихъ совершается иначе. Вслѣдствіе медлительнаго теченія представленій, въ большинствѣ случаевъ, они бываютъ органически не въ состояніи руководствоваться сколько-нибудь широкимъ предвѣдѣніемъ будущихъ слѣдствій своихъ дѣяній, ихъ всесторонпею оцѣнкой съ ея задерживающими вліяніями. Вслѣдствіе этого, ихъ кругозоръ каждаго даннаго времени представляется крайне бѣднымъ и узкимъ, и ихъ дѣятельность въ значительной мѣрѣ пріобрѣтаетъ инстинктивный характеръ и вовсе не сопровождается тѣмъ сколько-нибудь сложнымъ внутреннимъ процессомъ, который между тѣмъ, часто предполагается у нихъ, при обсужденіи ихъ поступковъ. Прежде, нежели успѣваютъ возникнуть у нихъ задерживающія контрастирующія представленія и связанныя съ ними чувствованія, возбужденіе, соединенное съ представленіемъ о различныхъ пріятныхъ обладаніяхъ, успѣваетъ уже достигнуть сравнительно значительной степени и безъ разсужденія, какъ бы машинально, опредѣляетъ ихъ къ дѣятельности.

Я привелъ въ примѣръ одну изъ элементарныхъ психофизическихъ особенностей, но то же нужно сказать и о всѣхъ остальныхъ какъ основныхъ, такъ и второстепенныхъ. Понятно поэтому, насколько важно чтобы въ основѣ общественныхъ наукъ вообще и юридическихъ въ частности, поскольку

въ нихъ дѣло касается особенностей человѣка и вліянія послѣднихъ, лежало не самонаблюденіе и внутренній опытъ авторовъ, а тщательное изученіе дѣйствительнаго человѣка въ его многочисленныхъ разновидностяхъ и въ многоразличныхъ дѣйствительныхъ условіяхъ его развитія. Понятно также, насколько важно, между прочимъ, и значительное измѣненіе въ преподаваніи на юридическихъ факультетахъ, обсужденіемъ котораго, по почину доклада проф. Manouvrier, и занялся конгрессъ. При этомъ проф. Lacassagne совершенно справедливо замѣтилъ, что юристы и медики, сходясь на однихъ и тѣхъ же вопросахъ, обыкновенно плохо понимаютъ другъ друга, потому что привычные пріемы мышленія у нихъ различны: одни дѣйствуютъ преимущественно дедукціей, а другіе индукціей; одни исходятъ отъ опыта и наблюденія, а другіе отъ непровѣренныхъ общихъ положеній. У медиковъ есть аудиторіи, лабораторіи, аппараты, инструменты и клиники, тогда какъ у юристовъ только аудиторіи и библіотеки. Вредное неравенство, влекущее за собой неблагопріятныя обще-очевидныя слѣдствія, для устраненія которыхъ необходимо, чтобы и на юридическихъ факультетахъ было введено преподаваніе нѣкоторыхъ наукъ, принадлежащихъ къ отдѣлу естествовѣдѣнія, въ объемѣ и въ примѣненіи къ потребностямъ обществовѣдѣнія. Желательно, чтобы и студентовъ-юристовъ профессоръ могъ вести въ азили для душевно-больныхъ и въ тюрьмы и тамъ знакомить ихъ съ явленіями дѣйствительности и съ точными способами ихъ изслѣдованія, отъ чего правосудіе, конечно, выиграло бы.

Замѣчательно, что мысль о необходимости измѣненій въ преподаваніи на юридическихъ факультетахъ и о введеніи въ него преподаванія антропологіи была настолько обща всѣмъ членамъ конгресса, что противъ нея не послышалось ни одного

возраженія. Даже говорившіе юристы, напримѣръ, Tarde вполнѣ присоединились къ ней. Поэтому конгрессъ безъ труда вотировалъ мнѣніе о необходимости преподаванія на юридическихъ факультетахъ судебной медицины, а также и антропологіи съ ея отдѣлами, которая, сверхъ того, должна преподаваться, по мнѣнію конгресса, и на всѣхъ остальныхъ факультетахъ.

Другимъ чрезвычайно важнымъ вопросомъ практическаго характера, обсуждавшимся на конгрессѣ былъ вопросъ, возбужденный крайне интереснымъ докладомъ д-ра Semal'я объ условномъ осужденіи и условномъ освобожденіи.

До сихъ поръ общество въ своей борьбѣ съ преступленіемъ руководилось, по словамъ доклада, преимущественно идеями отмщенія и устрашенія и имѣло въ виду только преступное дѣяніе, а личность самого преступника оставляло въ тѣни. Поэтому оно и удовлетворялось примѣненіемъ напередъ строго опредѣленныхъ постановленій уголовнаго кодекса. Въ настоящее время совершается переворотъ. На первый планъ выступаетъ личность самого преступника, и преступленіе изучается какъ естественное явленіе, которое можно предупреждать, изучая его въ его соціальныхъ и индивидуальныхъ факторахъ. Отсюда вытекаютъ два положенія: 1) если наказаніе не составляетъ главнаго объекта репрессивной системы, то для чего продолжать его, когда оно перестаетъ способствовать исправленію преступника? На этой мысли основывается условное освобожденіе; 2) если карательный режимъ направленъ къ возбужденію въ сердцѣ преступника чувствъ, временно заглохшихъ, или къ порожденію ихъ вновь, то зачѣмъ примѣненіе наказанія, когда нравственное вліяніе достигнуто однимъ фактомъ осужденія? На этой мысли основывается условное осужденіе. Эти два на видъ весьма не важныя положенія на самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ за-

датки радикальной реформы, которая стремится дать первенство суду надъ личностью передъ судомъ надъ ея дѣйствіями.

Можно предвидѣть ходъ развитія болѣзни, когда она изслѣдована, можно предвидѣть вліяніе лекарствъ, но нельзя опредѣлить напередъ часъ выздоровленія ранѣе того, какъ этотъ часъ насталъ. Тоже нужно сказать и о наказаніи. На какихъ, въ самомъ дѣлѣ, твердыхъ основаніяхъ можно опредѣлить напередъ, что данный преступникъ долженъ быть наказанъ именно столькими-то годами заключенія? Напротивъ, наказаніе всегда должно быть соразмѣряемо съ природою преступника, со степенью его развращенія и должно быть продолжаемо до его достаточнаго измѣненія, для чего, очевидно, необходимо условное заключеніе, т.-е. заключеніе, не опредѣляемое напередъ въ своей длительности и могущее продолжаться до исправленія осуждаемаго. Только при такомъ условіи и будетъ организовано дѣйствительно исправительное воспитаніе.

Заканчивая свой докладъ, Semal замѣтилъ, что указанная реформа требуетъ и распространенія соотвѣтствующаго образованія, котораго теперь недостаетъ и при которомъ тюрьма, подъ эгидою науки, сдѣлается клиническимъ полемъ.

По поводу доклада д-ра Semal'я я съ своей стороны высказалъ мысль о желательности передать, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о тюремномъ заключеніи, опредѣленіе качественной и количественной стороны наказанія въ руки тюремной администраціи. Суду, который обстоятельно не изучаетъ и не можетъ изучать преступника, въ этихъ случаяхъ должно принадлежать лишь опредѣленіе того, совершено ли преступленіе и долженъ ли быть обвиняемый наказанъ за него. Все остальное должно уже зависѣть отъ повседневно наблюдающей и изучающей преступника тюремной админи-

страціи, подобно тому, какъ это существуетъ для госпиталей. Какъ должна быть организована тюремная администрація для такихъ рѣшеній и какими гарантіями она должна быть обставлена?—вопросъ другой, котораго я не коснулся. Впрочемъ, я высказалъ эту мысль лишь вскользь и не придалъ ей формы предложенія, потому что хорошо понималъ, что для такой реформы время не приспѣло еще и что традиціи скоро не измѣняются.

На брюссельскій конгрессъ большинство правительствъ прислало своихъ оффиціальныхъ представителей. Король Леопольдъ присутствовалъ на одномъ изъ его засѣданій, а бельгійскій министръ юстиціи, M. Le Jeune, все время съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдилъ за его работами и принималъ участіе почти во всѣхъ его засѣданіяхъ, какъ утреннихъ, такъ и вечернихъ. Большимъ вниманіемъ пользовались засѣданія конгресса и со стороны другихъ членовъ бельгійскаго правительства и высшей администраціи. Все это, само по себѣ, конечно, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого значенія для научной цѣнности работъ конгресса; цѣнность опредѣляется исключительно ихъ внутреннимъ содержаніемъ. Но все это указываетъ на успѣхи, достигнутые уголовною антропологіей во мнѣніи большой публики.

Правительства, какъ представители всѣхъ слоевъ общества, находятся подъ вліяніемъ мнѣній этой публики. Они никогда не идутъ и не могутъ идти въ уровень съ развитіемъ научныхъ взглядовъ и обыкновенно значительно запаздываютъ съ своими признаніями. Послѣднія даются лишь тогда, когда работа распространенія извѣстныхъ научныхъ взглядовъ въ широкой общественной средѣ сравнительно далеко подвинулась впередъ. Поэтому присылка большинствомъ правительствъ своихъ оффиціальныхъ представителей на конгрессъ ясно по-

казала, что уголовная антропологія пережила тотъ періодъ, когда она считалась результатомъ работъ немногихъ ученыхъ оригиналовъ и людей, увлекающихся крайними взглядами, и что за ея ученіями признано не только теоретическое, но и практическое значеніе.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, былъ вопросъ, затронутый уже и на конгрессѣ парижскомъ,—вопросъ о существованіи особаго *анатомически* опредѣленнаго преступнаго типа вообще и типа прирожденнаго преступника въ частности. На конгрессѣ существованіе такого типа было рѣшительно отвергнуто всѣми. Но, конечно, никому изъ представившихъ доклады по вопросу при этомъ и въ голову не приходило отрицать значеніе органическаго фактора. Напротивъ, главнѣйшее вниманіе и сосредоточивалось на уясненіи его особенностей. Признаніе его рѣшительнаго вліянія обще всѣмъ послѣдователямъ уголовно-антропологической школы и составляетъ одно изъ ея основныхъ положеній. «Что касается насъ», — говорятъ, напримѣръ, проф. Houzé и Wornots въ своемъ докладѣ,—«то мы теперь же заявляемъ, что мы присоединяемся безъ оговорокъ къ тезису, возводящему функціональное начало преступленія къ тираніи организаціи» (конечно, психофизической). «Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать это заявленіе», — продолжаютъ они дальше,—«чтобы не быть смѣшанными съ нѣкоторыми противниками Lombroso, которые опровергаютъ его во имя метафизики».

По вопросу о преступномъ типѣ конгрессу были представлены доклады голландскимъ психіатромъ Jelgersma, проф. Houzé, Wornots, проф. Manouvrier и проф. Dalemagne.

Д-ръ Jelgersma рѣшительно расходится съ проф. Lombroso. Онъ не признаетъ, чтобы преступникъ вообще былъ продуктомъ атавизма или вліянія эпилепсіи. Онъ не признаетъ и

существованія особаго преступнаго типа, но признаетъ существованіе прирожденнаго преступника, который по своимъ клиническимъ симптомамъ находится, по мнѣнію докладчика, въ тѣсной связи съ формами душевныхъ разстройствъ, особенно съ психозами вырожденія; наблюдаемыя у него особенности именно и суть особенности вырожденія. Jelgersma заканчиваетъ свой докладъ вопросомъ, который онъ не рѣшаетъ, а только ставитъ: не представляютъ ли неврозы, душевныя болѣзни, алкоголизмъ, самоубійство и преступленія членовъ одной и той же семьи — болѣзней человѣческаго духа, различающихся по своимъ особенностямъ, но не по своему источнику.

Склоняясь, повидимому, къ утвердительному рѣшенію этого вопроса, Jelgersma основательно возражаетъ Tard'у, который различаетъ между человѣкомъ, достойнымъ сожалѣнія, — душевно больнымъ, и человѣкомъ, достойнымъ презрѣнія,—преступникомъ. Докладчикъ замѣчаетъ, что научное дѣленіе не можетъ обосновываться на различіяхъ въ чувствахъ, возбуждаемыхъ въ публикѣ, и что каждый преступникъ, какъ бы дуренъ онъ ни былъ, настолько же достоинъ сожалѣнія, какъ и самый несчастный изъ душевно-больныхъ. Различіе между ними въ различіяхъ леченія.

Проф. Houzé и Wornots въ своемъ докладѣ рѣшительно отрицаютъ существованіе не только типа прирожденнаго преступника, но и всякаго анатомически опредѣленнаго преступнаго типа вообще. Они совершенно основательно утверждаютъ, что преступный типъ, созданный Lombroso, не есть реальный типъ. Онъ составленъ изъ различныхъ признаковъ анатомическихъ, физіологическихъ, патологическихъ и тератологическихъ, набранныхъ тамъ и сямъ и произвольно соединенныхъ въ одно цѣлое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они воздаютъ и должное автору «Преступнаго человѣка». «Многіе думаютъ, что дѣло

уголовной антропологіи связано съ существованіемъ преступнаго типа Lombroso,» — говорятъ докладчики. «Но это вовсе не такъ и вопросъ о преступномъ типѣ—вопросъ второстепенный. Напротивъ, основная часть произведенія италіанскаго новатора вовсе не покоится на этомъ шаткомъ и спорномъ фундаментѣ. Заслуга проф. Lombroso состоитъ въ томъ, что онъ выяснилъ важность вліянія физическихъ особенностей преступника и во имя науки потребовалъ реформы въ репрессіи преступленій. «Мы желаемъ»,—продолжаютъ они далѣе,—«чтобы италіанскій новаторъ не упорствовалъ въ вопросѣ подробностей—въ вопросѣ о преступномъ типѣ. Мы боремся съ его заблужденіями для того, чтобы основанія его творенія оставались нетронутыми».

Какое вліяніе, не смотря на очень многіе ихъ недостатки, производили и производятъ работы Lombroso, показываетъ заявленіе одного изъ талантливыхъ молодыхъ бельгійскихъ адвокатовъ—Paul'я Otlet, сдѣланное имъ на конгрессѣ. Otlet началъ свою рѣчь заявленіемъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ выполнить обязанность по отношенію къ проф. Lombroso. Онъ, ораторъ, въ своемъ качествѣ юриста, воспитался на метафизическихъ и абстрактныхъ идеяхъ *). Но когда онъ впервые обратился къ тюрьмѣ, онъ

*) Подъ вліяніемъ сравнительно быстро распространяющихся идей новой школы, сами юристы начинаютъ стремиться къ пополненію своихъ знаній и на почвѣ естествовѣдѣнія Cercle du Jeune Barreau de Bruxelles, къ которому принадлежитъ и Otlet, организовалъ, напр., у себя прекрасно поставленныя чтенія по физіологіи нервной системы и уголовной антропологіи. Въ текущемъ году въ печати появилась (649 стр. большаго формата и убористой печати) обстоятельная работа проф. Dollemagne—«Dégénérés et Déséquilibrés»—представляющая собою курсъ лекцій, читанный имъ въ этомъ учрежденіи въ 1892—1893 г.

пожелалъ познакомиться съ антропологическою школой. И вотъ работы Lombroso раскрыли передъ нимъ новые горизонты, дали новыя, дотолѣ неизвѣстныя ему идеи и познакомили его съ дѣйствительнымъ преступникомъ. Онѣ показали ему послѣдняго въ совершенно новомъ свѣтѣ. Работы Lombroso, по словамъ оратора, привлекли умы юристовъ къ дѣйствительно важнымъ сторонамъ вопроса о преступности.

Гораздо далѣе предшествующихъ докладчиковъ идетъ въ отрицательномъ направленіи проф. Manouvrier въ своемъ чрезвычайно остроумномъ и обстоятельномъ докладѣ, въ которомъ онъ въ значительной мѣрѣ повторяетъ доводы перваго доклада, представленнаго имъ парижскому конгрессу.

Очевидно, что отъ анатомическаго образованія зависятъ физіологическія особенности»,—говоритъ онъ. Но чтобы изучить преступленія съ этой стороны, необходимо свести при посредствѣ анализа каждое преступленіе къ его дѣйствительно физіологическимъ элементамъ, которые находятся въ прямомъ отношеніи съ анатоміей и которые, будучи разъ найдены, могутъ быть одинаково изучаемы, въ качествѣ достоинствъ и недостатковъ, какъ у преступниковъ, такъ и у честныхъ людей. Эти элементарныя физіологическія особенности могутъ опредѣлять самыя разнообразныя дѣйствія, въ особенности, если дѣло идетъ о дѣйствіяхъ, характеризующихся, подобно преступленію, съ общественной и нравственной стороны. Для примѣра авторъ указываетъ на буйность, которая, какъ психологическая особенность, можетъ проявляться въ дѣйствіяхъ преступныхъ, или въ дѣйствіяхъ только порицаемыхъ, или, наконецъ, даже въ дѣйствіяхъ похвальныхъ. И это потому,—какъ замѣчаетъ Manouvrier;—что значеніе поступковъ и дѣйствій не есть физіологическій элементъ, опредѣляемый анатомически, а элементъ общественный и нравственный.

Насколько всѣ эти замѣчанія касаются существованія особаго преступнаго типа, они вполнѣ справедливы, но, разсматриваемыя безотносительно, они требуютъ значительныхъ ограниченій и поправокъ.

Рѣшительно нельзя согласиться безъ большихъ оговорокъ съ утвержденіемъ, что каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ все, чтобы сдѣлаться преступникомъ. Проф. Dallemagne совершенно справедливо замѣчаетъ, что хотя бозъ вліянія среды и нѣтъ преступленія, но что, тѣмъ не менѣе, факторъ физіологическій, или правильнѣе, психо-физіологическій всегда является производящею или непосредственною причиной. «Общественныя условія могутъ сколько угодно скопляться, тѣсниться, и какъ бы составлять заговоръ около человѣка»,—замѣчаетъ онъ,—«но они останутся непроизводительными до тѣхъ поръ, пока не привзойдетъ біологическая причина». «Исключительные случаи, въ которыхъ намъ кажется, что то, что называютъ человѣческою волей, должно было роковымъ образомъ уступить, представляютъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе. Но даже и въ этихъ случаяхъ было бы не трудно показать, что соціальный факторъ вліялъ только возбужденіемъ до пароксизма фактора біологическаго».

И дѣйствительно, опытъ учитъ, что въ приблизительно одинаковыхъ условіяхъ одинъ изъ двухъ людей впадаетъ въ преступленіе, тогда какъ другой уклоняется отъ него цѣною здоровья и даже жизни. Отъ чего же, спрашивается, зависитъ такое различіе? Отъ того, что въ характерѣ перваго, а, слѣдовательно, и въ лежащей въ основѣ его психофизической организаціи, въ данное время есть такія особенности, которыя и предрасполагаютъ его къ преступленію, тогда какъ въ характерѣ второго, напротивъ, есть такія, которыя воздерживаютъ отъ него.

Хотя однѣ и тѣже психофизическія особенности иногда и могутъ проявляться въ общественно-разноцѣнныхъ дѣйствіяхъ, но это зависитъ или отъ неправильной оцѣнки дѣйствій, или отъ комбинаціи вліянія различныхъ особенностей въ дѣйствіяхъ. Сами же по себѣ особенности далеко не равнозначны. Однѣ изъ нихъ способствуютъ развитію общественности и выгодны для нея, тогда какъ другія ослабляютъ ее. Для примѣра остановимся хотя бы на жестокости и буйности, на которыя сослался проф. Monouvrier. Онѣ дѣйствительно могутъ иногда проявляться въ какомъ-нибудь военномъ подвигѣ, но очевидно, что совершенное дѣйствіе будетъ считаться подвигомъ только по невѣрной оцѣнкѣ, потому что сама война по существу своему есть противообщественное явленіе, хотя, къ несчастію, еще и не признаваемое таковымъ. Независимо же отъ этой неправильной оцѣнки сами по себѣ жестокость и буйность — невыгодныя особенности. Онѣ уменьшаютъ приспособленность человѣка къ жизни въ обществѣ постольку, поскольку ихъ вліяніе не парализуется другими хорошими и совмѣстно съ ними дѣйствующими особенностями натуры. То же нужно сказать и о всѣхъ прочихъ особенностяхъ.

Далѣе проф. Manouvrier совершенно основательно указываетъ въ своемъ докладѣ, что въ обществѣ, въ средѣ такъ называемыхъ честныхъ людей, совершается множество самыхъ безнравственныхъ дѣйствій, которыя по существу ничѣмъ не лучше преступленій, хотя и называются болѣе мягкими именами: «ловкостью», «умѣньемъ обдѣлывать дѣла», «мелкими погрѣшностями», «случайностями жизни» и проч. «Что касается воровства», — замѣчаетъ онъ, — «то существуютъ различныя кричащія и опасныя его формы, которыя приводятъ въ тюрьму многихъ, прибѣгающихъ къ нимъ. Но существуетъ

и много другихъ, не менѣе вредныхъ формъ, которыя законъ, однако, игнорируетъ, или которымъ онъ даже покровительствуетъ и которыя не безпокоятъ общество подъ условіемъ, чтобы воры дѣйствовали безъ скандала и въ особенности имѣли успѣхъ, такъ что нравственность и успѣхъ если не въ умѣ, то по меньшей мѣрѣ въ практикѣ множества пользующихся уваженіемъ и занимающихъ хорошее положеніе гражданъ смѣшиваются».

Отсюда слѣдуетъ, что дѣленіе на честныхъ и преступныхъ по ярлыкамъ судимости вполнѣ несостоятельно въ научномъ смыслѣ и что изученіе осужденныхъ можетъ лишь знакомить насъ съ бракованными преступниками, тогда какъ преступники высшаго полета, никогда не приходящіе въ тюрьму, при такомъ изученіи, очевидно, будутъ фигурировать въ группѣ, называемой честными людьми.

Нельзя не признать, что во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ докладчика, къ несчастію, весьма много горькой правды. Изученіе осужденныхъ преступниковъ не даетъ и не можетъ намъ дать особаго преступнаго типа. Оно только знакомитъ насъ съ особенностями болѣе или менѣе недостаточныхъ, дефективныхъ и предрасположенныхъ организацій, которыя при неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей обстановки впадаютъ въ преступленіе, а при условіяхъ благопріятныхъ остаются болѣе или менѣе неудачными, безнравственными, дурными и вредными людьми, и которые нарѣдко имѣютъ успѣхъ и даже пользуются уваженіемъ и почетомъ. Но какъ бы ни было велико число такихъ людей въ обществѣ, оно, все-таки, не даетъ основанія утверждать, что каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ все, чтобы сдѣлаться преступникомъ.

Несомнѣнно, что право по существу не отдѣлимо и не должно быть отдѣляемо отъ нравственности; несомнѣнно так-

же, что оттѣнки безнравственныхъ дѣйствій многочисленны и разнообразны; что путемъ едва замѣтныхъ переходовъ они сливаются съ дѣйствіями нравственными, вслѣдствіе чего значительное большинство людей, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ совершать болѣе или менѣе легкія безнравственности и даже правонарушенія, но все это не даетъ еще основаній утверждать, что всѣ люди могутъ сдѣлаться болѣе или менѣе важными преступниками. Стеченіе неблагопріятныхъ условій, дѣйствующихъ длительно въ направленіи постепенной порчи психофизическаго механизма, конечно, играетъ весьма важную роль. Но эта роль посредственная. Непосредственнымъ факторомъ являются самыя порчи, которыя, къ счастью для человѣчества, не такъ уже скоро достигаютъ степеней, обусловливающихъ особые оттѣнки преступности, какъ это показываютъ наблюденія надъ жизнью бѣдныхъ и общественно-обездоленныхъ классовъ.

Приведенными замѣчаніями проф. Manouvrier отчасти затрогиваетъ и весьма щекотливый вопросъ о виновности самого общества въ преступности его членовъ. Если общество, благодаря всему своему строю, дѣйствительно терпитъ и даже какъ бы узаконяетъ такія безнравственныя дѣйствія, которыя часто почти только по формѣ отличаются отъ преступленій, то тѣмъ самимъ оно собственными руками ослабляетъ и въ значительной мѣрѣ сглаживаетъ различіе между честнымъ человѣкомъ и преступникомъ, сводя его лишь къ различіямъ ловкости. Преступленіями не дебютируютъ никогда или по меньшей мѣрѣ почти никогда. Обыкновенно начинаютъ съ дурныхъ и безнравственныхъ дѣйствій.

Въ преніяхъ, завязавшихся по вопросу, нѣкоторые ораторы значительно ослабляли вліяніе органическаго фактора и выдвигали на перый планъ вліяніе среды, благодаря которому,

по ихъ мнѣнію, и вырабатываются часто наблюдаемые признаки вырожденія. Такъ, наприм., д-ръ Motet подраздѣлялъ наблюдавшихся имъ малолѣтнихъ преступниковъ на случайныхъ, инстинктивныхъ и слабоумныхъ. Послѣднихъ онъ относилъ къ душевной патологіи. Въ субъектахъ же второй группы, характеризующихся, между прочимъ, полнымъ отсутствіемъ даже намековъ на нравственное чувство, д-ръ Motet видѣлъ продукты дурного воспитанія, дурныхъ примѣровъ въ семьѣ и вообще дурной нравственной гигіены.

Мною былъ представленъ докладъ объ основныхъ принципахъ уголовно-антропологической школы, который вызвалъ очень оживленныя пренія. Въ немъ я старался формулировать по возможности въ краткихъ положеніяхъ основныя начала, которыя общи всѣмъ или, по меньшей мѣрѣ, значительному большинству послѣдователей новаго направленія, разнящихся въ деталяхъ ихъ мнѣній. При этомъ я указывалъ, что если, по научнымъ воззрѣніямъ нашего времени, въ основѣ всѣхъ безъ исключенія душевныхъ движеній лежитъ неразрывно связанный съ ними органическій элементъ, то онъ же неминуемо долженъ лежать и въ основѣ человѣческой преступности и ея разновидностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я указывалъ и на всю несостоятельность дѣленія на двѣ теоріи преступности—соціальную и органическую, тогда какъ живая дѣйствительность знаетъ лишь одну—соціально-органическую.

Основные принципы уголовно-антропологической школы я формулировалъ въ слѣдующихъ 7 положеніяхъ: 1) основаніемъ наказанія и его первенствующею цѣлью новое направленіе признаетъ не возмездіе, а необходимость огражденія общества отъ зла преступленія. 2) Антропологическая школа стремится изучить при помощи всѣхъ точныхъ научныхъ методовъ разновидности дѣйствительныхъ преступниковъ, произ-

водящія ихъ причины, ихъ дѣятельность, ихъ преступленія и наиболѣе дѣйствительныя средства воздѣйствія на нихъ. 3) Въ преступленіи антропологическая школа видитъ результатъ взаимодѣйствія особенностей психофизической организаціи преступника и внѣшнихъ воздѣйствій. 4) Антропологическая школа разсматриваетъ преступника, какъ въ большей или меньшей мѣрѣ несчастную, порочную, неуровновѣшенную и недостаточную организацію, которая вслѣдствіе того мало приспособлена къ борьбѣ за существованіе въ легальныхъ формахъ. 5) Причины преступленія антропологическая школа дѣлитъ: a) на ближайшія—порочности психофизической организаціи дѣятеля; b) болѣе отдаленныя — неблагопріятныя внѣшнія условія, подъ вліяніемъ которыхъ постепенно вырабатываются первыя; c) предрасполагающія, подъ вліяніемъ которыхъ порочныя организаціи наталкиваются на преступленія. 6) Уголовно-антропологическая школа изучаетъ преступниковъ и совершаемыя ими преступленія, какъ естественно-общественныя явленія, во всей совокупности ихъ разнообразныхъ факторовъ, даже наиболѣе отдаленныхъ. Этимъ она сливаетъ вопросъ о преступности съ великимъ соціальнымъ вопросомъ нашего времени и настаиваетъ на необходимости широкихъ мѣръ предупрежденія для успѣшности борьбы съ преступленіемъ. 7) Исходя изъ этихъ положеній, уголовно-антропологическая школа отрицаетъ разумность напередъ опредѣленныхъ мѣръ репрессіи и ставитъ ихъ въ зависимость отъ изученія индивидуальныхъ особенностей каждаго дѣятеля преступленія.

Рѣшительными противниками выставленныхъ мною положеній выступили нашъ соотечественникъ г. Закревскій и бельгійскій товарищъ прокурора г. Meyers.

Третій ораторъ, говорившій по поводу представленнаго мною доклада, былъ молодой и очень талантливый аббатъ De

Baéts. Указавъ, что въ настоящее время существуютъ двѣ школы—старая юридическая и новая и, притомъ, уже очень сильная--уголовно-антропологическая, онъ высказалъ мнѣніе, что истину необходимо искать въ ихъ пунктѣ соприкосновенія. Наука энциклопедична. Она не медицина, не физіологія, она совокупность всѣхъ знаній, исходнымъ пунктомъ которыхъ должно служитъ изслѣдованіе явленій. Старая юридическая школа, по мнѣнію оратора, должна будетъ взять назадъ нѣкоторыя свои апріорныя положенія, но и школа антропологическая должна отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ слишкомъ абсолютныхъ положеній. Преступленія суть явленія нравственной области. Необходимо, чтобы юристы, ученые и священники изучали утвержденія положительныхъ наукъ.

Возраженія и взгляды г. Закревскаго и Meyers, высказавшіеся въ ихъ замѣчаніяхъ по докладу, не встрѣтили, однако, благопріятнаго пріема въ собраніи. Послѣдующіе ораторы возражали на столько полно, что мнѣ почти не пришлось отвѣчать на нападки. Напротивъ, всѣ съ особеннымъ вниманіемъ и съ особеннымъ удовольствіемъ отнеслись къ мысли De Baéts о необходимости соглашенія двухъ школъ.

Устами проф Gauckler'a и Nyssen'a представители юридической школы заявили, что противоположеніе между школами не существуетъ и что есть полная возможность соглашенія. Въ свою очередь предсѣдательствовавшій проф. Heger заявилъ, что соглашеніе представляетъ собою осуществленіе надеждъ всѣхъ антропологовъ. Но проф. van Hamel совершенно основательно замѣтилъ при этомъ, что относительно методовъ изслѣдованія не можетъ быть никакихъ уступокъ и что этими методами должны быть методы положительныхъ наукъ, критеріемъ же для отвѣтственности, по не менѣе справедливому замѣча-

нію Otlet, должна быть разумная наука, а не одинъ лишь ничѣмъ не вооруженный здравый смыслъ.

Противъ самой идеи соглашенія, которое, по мнѣнію проф. Houzé, составляетъ славу брюссельскаго конгресса, конечно, возразить ничего нельзя; напротивъ, его скорѣйшее осуществленіе представляется крайне желательнымъ. Разъ криминалисты-классики усвоятъ точные методы изслѣдованія и признаютъ его задачи, указываемыя уголовно-антропологическою школой,—задачи, состоящія въ томъ, чтобы открыть всестороннюю причинность явленій въ сферѣ человѣческой преступности, тогда всѣ послѣдователи новаго направленія могутъ съ легкимъ сердцемъ присоединиться къ соглашенію. Эта мысль вполнѣ удачно выражена проф. Houzé, который остроумно замѣтилъ, что онъ принимаетъ разумный бракъ, освященный аббатомъ De Baéts, но если бы бракъ долженъ былъ освящаться г. Meyers, то немедленный разводъ былъ бы неминуемъ.

При сдѣланныхъ оговоркахъ, провозглашенное соглашеніе несомнѣнно есть крупная уступка со стороны криминалистовъ-классиковъ, сдѣланная подъ давленіемъ фактовъ. Но этимъ уступка не можетъ ограничиться. Она должна будетъ идти далѣе до выставленныхъ мною положеній, которыя представляютъ собою только выводъ изъ фактически вполнѣ обоснованныхъ работъ антропологической школы. Къ этому съ необходимостью приведутъ сами громко говорящіе факты, причемъ, по мѣткому замѣчанію проф. Benedikt'а, конечно, не будетъ побѣжденныхъ, а только убѣжденные.

Въ заключеніе преній нашъ соотечественникъ проф. Мержеевскій вполнѣ основательно замѣтилъ, что вырожденіе, о которомъ такъ много говорилось, не есть ни преступленіе, ни

сумасшествіе; оно только почва, на которой развиваются причины, предрасполагающія къ тому и другому.

Въ связи съ вопросами, затронутыми въ моемъ докладѣ, стояли доклады: проф. Gauckler'а объ относительной важности соціальнаго и антропологическаго элементовъ, чрезвычайно интересный докладъ проф. Liszt'а и докладъ проф. Benedikt'а о примѣненіи уголовной антропологіи. Всѣ эти доклады обсуждались въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій.

По взгляду проф. Liszt'а, преступность представляетъ собою продуктъ двухъ факторовъ—особенностей прирожденной или благопріобрѣтенной организаціи и общественныхъ условій. Чтобъ успѣшно бороться съ преступленіемъ, необходимо дѣйствовать на его факторы—на соціальныя причины и на особенности самого преступника. Первыя, т.-е. общественныя условія, дѣйствуютъ трояко. Они вліяютъ на восходящихъ преступника и тѣмъ самимъ на наслѣдственность отъ нихъ. Они опредѣляютъ также и личное физическое и нравственное развитіе преступника и, наконецъ, воздѣйствуютъ на время, близко предшествующее преступленію. Устраненіе соціальныхъ причинъ преступности есть задача соціальной политики, выясненіе важнаго значенія которой есть заслуга уголовной антропологіи.

Въ средѣ преступниковъ наблюдаются двѣ различныя группы. Первая—группа случайныхъ преступниковъ, которые наталкиваются на преступленіе преимущественно неблагопріятными внѣшними условіями, хотя, конечно, и особенности организаціи при этомъ играютъ нѣкоторую роль. Безъ этихъ особенностей не было бы преступленій, но ихъ носители значительно не отличаются отъ средней другихъ людей. Вторая группа—преступники профессіональные. Въ ихъ преступленіяхъ преобладаетъ вліяніе дурныхъ особенностей психофизической организаціи, и преступленіе является вѣрнымъ отраже-

ніемъ индивидуальности дѣятеля. Хотя наклонность къ преступленію въ этой группѣ тѣсно связана и съ привычкою, но послѣдняя не исчерпываетъ ее.

Случайный преступникъ по внѣшности не отличается отъ другихъ людей и не представляетъ оттиній. Преступникъ профессіональный, напротивъ, отмѣчается разнообразными признаками вырожденія прирожденнаго или благопріобрѣтеннаго.

Въ примѣненіи къ случайнымъ преступникамъ наказаніе имѣетъ цѣлью привить понятіе о ненарушимости права, а въ примѣненіи къ преступникамъ по натурѣ оно должно имѣть въ виду исправленіе, если оно возможно, или огражденіе отъ нихъ какъ общества, такъ и ихъ самихъ.

Не вдаваясь въ оцѣнку доклада проф. Liszt'a, замѣчу только, что сдѣланная имъ классификація вовсе не исчерпываетъ разновидности группъ преступниковъ и что самая основа ея не существенна.

Основныя мысли доклада проф. Benedikt'a можно передать въ немногихъ словахъ. Прежде психологія преступника не изучалась, и судьи и прокуроры сами создавали себѣ эту психологію въ соотвѣтствіи съ практическими нуждами. Благодаря этому, множество даже больныхъ приносились въ жертву правосудію, что и неудивительно при такомъ положеніи. Но, чтобы дѣйствительно побѣждать враговъ общества, надо ихъ знать, и не только поверхностно, но надо имѣть возможность дать себѣ отчетъ въ основаніяхъ ихъ враждебности, въ силѣ ея и въ средствахъ примирить этихъ враговъ съ нормальнымъ порядкомъ, побѣдить ихъ или сдѣлать ихъ побѣжденными. Достиженіемъ такого знанія и задается уголовная антропологія, вмѣшательство которой въ развитіе науки уголовнаго права представляетъ собою одно изъ важнѣйшихъ явленій научнаго прогресса. Антропологическія и біологическія изслѣдованія бе-

зусловно необходимы, чтобы прочно обосновать науку уголовнаго права, уголовное законодательство и практику.

Послѣ предшествующихъ горячихъ дебатовъ всѣ эти доклады не вызвали очень оживленныхъ преній, потому что затрогиваемый ими вопросъ былъ уже въ значительной мѣрѣ исчерпанъ для настоящаго конгресса.

На четвертый день работъ конгресса, въ присутствіи бельгійскаго короля, обсуждался весьма интересный и важный вопросъ о преступной толпѣ, который, вслѣдствіе упорныхъ изученій гипнотизма, до нѣкоторой степени является какъ бы вопросомъ дня. Вопросъ этотъ былъ поставленъ докладомъ Tard'a. Онъ интересенъ въ научномъ отношеніи, какъ вопросъ о взаимодѣйствіи въ массахъ, а важенъ въ практическомъ отношеніи особенно въ наше время, когда толпа такъ не рѣдко выступаетъ въ активной роли.

Основная мысль Tard'a состоитъ въ томъ, что всякое, даже самое совершенное соціальное соединеніе обыкновенно представляетъ собою низшій типъ организаціи, сравнительно съ его составными элементами, и что коллективный умъ никогда не сравнится съ умомъ наиболѣе посредственнаго изъ своихъ членовъ. Отсюда и пословица: «Senatores boni viri, senatus autem mala bestia». Тѣмъ болѣе это надо сказать о самомъ низкомъ изъ соціальныхъ аггрегатовъ—толпѣ, т.-е. о болѣе или менѣе многочисленномъ собраніи людей, объединенныхъ общностью вѣрованія, страсти или цѣли, которое, даже по сравненію съ цивилизованною націей, есть явленіе ретроградное. Въ совокупности людей, составляющихъ толпу, проходитъ, какъ кровь въ средѣ клѣтокъ организма, экзальтированное чувство ихъ солидарности, токъ ихъ взаимнаго чрезмѣрнаго возбужденія, немедленно выдѣляющіе ихъ изъ среды всего остальнаго человѣчества и дѣлающіе ихъ чуж-

дыми ему. Члены толпы какъ бы возвращаются къ нравственному состоянію лицъ, входившихъ въ исключительныя связи первобытной семьи, объединявшейся единствомъ крови. Вотъ почему, по мнѣнію Tard'a, самыя возвышенныя цѣли и чувства, сводящія людей въ толпу, не препятствуютъ значительному пониженію ихъ нравственности, какъ это, напримѣръ, наблюдалось хотя бы въ XVI вѣкѣ въ средѣ нѣмецкихъ крестьянъ, шедшихъ во имя братства и любви къ ближнему, а въ то же время предававшихся грабежамъ и кражамъ.

Еще болѣе ретроградное явленіе представляетъ собою толпа по сравненію съ отдѣльнымъ индивидуумомъ. Сравните, въ отношеніи организаціи, напримѣръ, полипа—животное, съ полипникомъ—почти растеніемъ, пчелу съ роемъ, муравья съ муравейникомъ и т. д. То же имѣетъ мѣсто и по отношенію къ человѣку. Даже секта, состоящая изъ либераловъ, наклонна къ нетерпимости и деспотизму, а тѣмъ болѣе наклонна къ нимъ толпа, которая не терпитъ со стороны отдѣльнаго индивидуума ни противодѣйствій, ни возраженій, но которая при встрѣчѣ съ вооруженною силой охватывается страхомъ и легко разсыпается, переходя, такимъ образомъ, отъ деспостизма къ подлости. Толпа, какъ и первобытные люди, не знаетъ ни сомнѣній, ни колебаній. Она въ существѣ своемъ догматична и страстна, но, въ то же время, и противорѣчива. Съ нею—отъ Капитолія до Терпейской скалы всегда одинъ только шагъ. По своимъ быстрымъ переходамъ къ противуположнымъ чувствамъ, толпа проявляетъ присущую ей неуравновѣшенность, такъ что, состоя изъ людей достаточно душевно здоровыхъ, она легко становится однимъ сумасшедшимъ.

Но почему толпа, какъ показываетъ наблюденіе, выра-

жаетъ свое внутреннее согласіе только унисономъ? Почему она не знаетъ гармоніи убѣжденій и уравновѣшенности при посредствѣ взаимной терпимости? Почему она не знаетъ середины между единомысліемъ и анархіей? Потому, отвѣчаетъ Tarde, что единомысліе есть результатъ односторонняго подражанія, результатъ вліянія нѣсколькихъ вожаковъ почти безъ взаимности, тогда какъ гармонія цивилизованной націи есть результатъ обмѣна различныхъ вліяній между изобрѣтателемъ и подражателями.

Въ толпѣ изъ всѣхъ стимуловъ дѣятельности до наибольшаго возбужденія и экзальтаціи усиливается стимулъ низшаго порядка—самолюбіе, и, притомъ, въ низшей его формѣ—стремленія блистать въ сферѣ близко насъ окружающихъ, не заботясь объ одобреніи общества въ широкомъ смыслѣ слова. Уже одинъ фактъ собранія вмѣстѣ значительно повышаетъ смѣлость и чувство силы, но при этомъ, къ сожалѣнію, онъ возбуждаетъ вовсе не лучшія стороны ума и сердца.

И такъ, въ массѣ люди нравственно и умственно хуже, нежели въ одиночку. Но, спрашивается, отчего же зависитъ это? Докладчикъ отвѣчаетъ намъ указаніемъ на наиболѣе заразительныя явленія и наиболѣе вліяющія натуры. По его мнѣнію, наиболѣе заразительны не удовольствія и страданія, а желанія, любовь, ненависть, убѣжденія положительныя или отрицательныя, выраженія довѣрія или недовѣрія, похвалы или порицанія. При этомъ ненависть, какъ показываетъ опытъ, заразительнѣе любви, порицанія заразительнѣе похвалъ. Вотъ почему хорошія движенія толпы такъ легко и часто переходятъ въ дурныя и отвратительныя, и это тѣмъ болѣе, что заразительнѣйшее изъ человѣческихъ дѣйствій есть убійство и половыя безобразія, которыя нерѣдко взаимно возбуждаютъ другъ друга и совершаются совмѣстно.

Толпа живетъ не умомъ, а преимущественно чувствами, и на нее вліяютъ вовсе не избранники, а большею частью подонки общества. Объяснить это вліяніе столь же трудно, какъ и объяснить способность гипнотизировать. При этомъ болѣе важную роль, повидимому, играетъ сила воли, а не способности и силы ума. Къ первой присоединяются, вѣроятно, и какія-либо другія неуловимыя вліянія особенностей чертъ лица и тѣлесной конструкціи, а можетъ быть и неуловимыя половыя вліянія.

Аггрегаты, называемые толпами, разнятся другъ отъ друга, и на это различіе оказываютъ вліяніе причины физическія и физіологическія, какъ, наприм., времена года, особенности національности и т. д. Но душа толпы—цѣль, которая ее сформировала и безъ которой она не составится. Цѣль эта и эти страсти являются обыкновенно результатомъ продолжительной пропаганды идей, вульгаризаціи той или другой болѣе или менѣе искусственной потребности, а также и свѣжія воспоминанія о ближайшихъ предшествующихъ такихъ же движеніяхъ. Вотъ что придаетъ одинаковую окраску толпамъ часто на очень обширной территоріи.

На поведеніе толпы въ значительной степени вліяетъ профессія ея членовъ, ихъ общественное положеніе, ихъ привычка жить въ городѣ или деревнѣ и т. д. Въ городской толпѣ заразительность достигаетъ высшей степени быстроты и силы. Городская толпа состоитъ изъ личностей болѣе нервныхъ, женственныхъ, впечатлительныхъ, рѣзко измѣнчивыхъ, нестойкихъ и легко переходящихъ изъ одной крайности въ другую. Такими именно толпами и совершаются революціи. Деревенская толпа, напротивъ, труднѣе возбудима, но за то она болѣе настойчива и упорна. Та и другая одинаково подвержены бреду величія, преслѣдованія и галлюцинаціямъ, но въ город-

ской толпѣ чаще наблюдается то, что можно назвать нравственнымъ помѣшательствомъ, и именно въ ея средѣ надо искать спесимены того, что называютъ коллективною преступностью.

Одна изъ важнѣйшихъ разновидностей преступной толпы— это шайка.

Что касается коллективной отвѣтственности, то, по мнѣнію докладчика, при опредѣленіи ея, необходимо различать вожаковъ отъ водимыхъ. На вожакахъ, главнымъ образомъ, и должно разражаться наказаніе. Но и водимые не могутъ быть свободны отъ него. Они, можетъ быть, и дѣйствовали несвободно, но эта несвобода зависѣла отъ личныхъ особенностей и потому причина дѣятельности лежала въ нихъ. Отвѣтственность ихъ будетъ тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе будетъ преступность цѣлаго, потому что чѣмъ болѣе усиливается организація толпы, тѣмъ болѣе стирается индивидуальность составляющихъ ее водимыхъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе увеличивается преступность цѣлаго, тѣмъ болѣе увеличивается и отвѣтственность вожаковъ, которые вдохнули въ него свою душу.

Таковъ въ общихъ чертахъ докладъ Tard'a. Въ немъ затрогивается очень сложный и трудный вопросъ. Въ немъ не мало интересныхъ соображеній, остроумныхъ и вѣрныхъ взглядовъ, но въ общемъ затронутый вопросъ, все таки, разработанъ, какъ мнѣ кажется, очень недостаточно. На конгрессѣ я не счелъ возможнымъ высказаться, потому что познакомился съ докладомъ только передъ самимъ засѣданіемъ, а ранѣе я не занимался вопросомъ о преступности толпы. И теперь я не имѣю въ виду пытаться разрѣшить столь сложный и трудный вопросъ; выскажу лишь нѣсколько соображеній.

Замѣчу, прежде всего, что толпа до крайности индивидуальна и что она варьируетъ въ своихъ особенностяхъ отъ

случая къ случаю, подобно тому, какъ варьируютъ отдѣльныя личности, и, слѣдовательно, варьируетъ, какъ мнѣ кажется, въ гораздо большихъ предѣлахъ, нежели это допускаетъ Tarde, если только я вѣрно понялъ его.

Особенности толпы зависятъ отъ особенности натуръ, составляющихъ ее членовъ, отъ особенностей условій, предшествовавшихъ ея сформированію, сопровождавшихъ его и т. д., а потому рѣшительное утвержденіе Tard'a, что толпа умственно и нравственно всегда ниже каждаго изъ своихъ членовъ, едва ли можетъ быть признано вѣрнымъ. Стоитъ, наприм., указать хотя бы на случаи распредѣленія толпою матеріальныхъ благъ, когда первое мѣсто отдается больнымъ, старымъ, малымъ и вообще слабымъ. Такая справедливость у единичнаго средняго человѣка при распредѣленіи, въ которомъ онъ самъ лично заинтересованъ, далеко не всегда наблюдается. Ссылаться въ видѣ образцовъ исключительно на ужасы, совершаемые иногда толпами, особенно толпами большихъ городовъ, во время народныхъ возмущеній, едва ли основательно. Не будемъ забывать, что во время такихъ движеній обыкновенно поднимается загнанное, обездоленное отребье общества, которое обычно ютится въ различныхъ норахъ и берлогахъ, а теперь на время становится дѣятельнымъ общественнымъ элементомъ. Это несчастное отребье въ теченіе долгаго предшествующаго времени какъ бы систематически портится и совращается всѣми ужасными невзгодами своего жалкаго положенія и въ немъ, особенно подъ разрушительнымъ вліяніемъ злоупотребленій алкоголемъ, постепенно сохнутъ лучшія чувства и замѣняются органическою раздражительностью, завистью и глухою злобой ко всему сытому, сколько-нибудь радостному и счастливому.

Немудрено поэтому, что толпа, состоящая преимущественно

изъ такихъ элементовъ. проявляетъ себя различными ужасами, особенно если она сформировалась и поднялась подъ вліяніемъ какого-нибудь акта несправедливости. Но, спрашивается, всякая ли толпа должна быть и бываетъ такой? Я далеко не поклонникъ дѣятельности толпы, но не могу не замѣтить, что совершеніе ужасовъ вовсе не лежитъ въ природѣ толпы. Въ подтвержденіе попытаемся присмотрѣться къ общимъ особенностямъ толпы, свойственнымъ ей по самому ея существу.

Остановимся, прежде всего, на усиленной склонности къ подражанію, которая, какъ извѣстно, наблюдается и охватываетъ всѣхъ входящихъ въ составъ толпы. Въ основѣ этой общей человѣческой склонности лежатъ, повидимому, общность организаціи и общее стремленіе двигательныхъ представленій переходить въ дѣйствія и проявляться въ соотвѣтствующихъ мускульныхъ движеніяхъ. Между тѣмъ, въ то время, когда мы видимъ болѣе или менѣе комбинированныя движенія другихъ, у насъ, въ мозгу получаются впечатлѣнія отъ этихъ движеній, то-есть тѣ же двигательныя представленія, только болѣе яркія и сильныя. Естественно, что они, какъ и всѣ другія двигательныя представленія, будутъ также стремиться перейти въ соотвѣтствующія дѣйствія, иначе говоря, въ дѣйствія, какія мы только что видѣли, и тѣмъ самимъ вызовутъ подражательность. Поэтому-то въ толпѣ, при множественности совершающихся въ ней движеній и дѣйствій, такъ усиленно и развивается подражательность, причемъ наибольшее стремленіе къ подражанію, конечно, вызываютъ дѣйствія, выдѣляющіяся изъ среды другихъ, болѣе рѣзко бросающіяся въ глаза, потому что ихъ болѣе сильныя впечатлѣнія преодолѣваютъ всѣ остальныя.

Въ толпѣ постоянно совершаются многочисленныя движенія и волнуется цѣлое море звуковъ, вслѣдствіе чего каждый

изъ составляющихъ ее членовъ ежеминутно и ежесекундно получаетъ множество разнообразныхъ сильныхъ впечатлѣній, которыя единовременно вліяютъ, тѣснятся, выталкиваютъ одни другія, повышаютъ своею силой общее возбужденіе и отвлекаютъ вниманіе во внѣ, къ окружающему. Такія условія вовсе не способствуютъ, а, напротивъ, препятствуютъ сосредоточиванію, сколько-нибудь сложнымъ разсужденіямъ и мышленію. Поэтому послѣднее почти отпадаетъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, отпадаетъ и его направляющая и задерживающая власть. Тому же самому способствуетъ и быстрота движеній, происходящихъ въ толпѣ, которая не оставляетъ времени для раздумья. Въ особо невыгодномъ положеніи находятся въ этомъ отношеніи люди болѣе или менѣе медленно думающіе и соображающіе и наоборотъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій дѣятельности въ толпѣ, возбужденія, сопровождающія всѣ воспріятія, у лицъ, входящихъ въ ея составъ, почти не восходятъ къ высшимъ разсудочнымъ центрамъ, а непосредственно распространяются по установившимся упражненіями ассоціаціоннымъ путямъ къ тѣмъ или другимъ центрамъ чувствованій и внутренностей, а отъ нихъ и къ центрамъ движеній. При множественности же и разнообразіи набѣгающихъ впечатлѣній, въ толпѣ происходитъ сравнительно быстрая смѣна чувствъ, которыми она почти исключительно живетъ и движется. При этомъ каждое разъ пробужденное чувство, пока оно не смѣнилось другимъ, можетъ легко и быстро возрости до степени страсти, что обусловливается тѣмъ, что у каждаго отдѣльнаго лица оно возбуждается не только начальнымъ толчкомъ,—тѣмъ или другимъ воспріятіемъ,—а, напротивъ, еще подогрѣвается и усиливается вліяніемъ проявленій во внѣ въ движеніяхъ и звукахъ того же чувства и у всѣхъ окружающихъ.

Быстрымъ и непосредственнымъ переходомъ возбужденныхъ чувствъ въ соотвѣтствующую дѣятельность, помимо ослабленія и отпаденія разсудочной дѣятельности, содѣйствуетъ, повидимому, и чувство силы, охватывающее толпу. Это чувство вызывается въ ней какъ личнымъ возбужденіемъ, а, слѣдовательно, и подъемомъ органической дѣятельности у составляющихъ ее лицъ, такъ и ихъ инстинктивною увѣренностью во взаимной поддержкѣ.

Движенія въ сторону движенія толпы въ ней физически и нравственно до крайности облегчены. При этомъ индивидуумъ не встрѣчаетъ препятствій и не видитъ противъ себя множества, которое силою исходящаго отъ него сложнаго впечатлѣнія дѣйствуетъ подавляюще. Напротивъ, движенія противъ движеній толпы въ ней до крайности затруднены. При нихъ индивидуумъ всегда встрѣчаетъ противъ себя множество и живо ощущаетъ свое устрашающее одиночество.

Таковы главнѣйшія физіологическія, если можно такъ выразиться, особенности толпы. Вдумываясь въ нихъ и опредѣляя ихъ вліяніе, необходимо приходишь къ заключенію, что особенности дѣйствій той или другой толпы, прежде и больше всего, будутъ зависѣть и опредѣляться особенностями такъ называемой инстинктивной природы оставляющихъ ее членовъ. Неравномѣрнымъ развитіемъ различныхъ органическихъ системъ съ ихъ инерваціей, зависящимъ отъ предшествующихъ жизненныхъ опытовъ, обусловливается большее или меньшее развитіе и потому полнота и сила различныхъ чувствъ и влеченій и ихъ болѣе или менѣе легкая возбудимость. Одни чувства сравнительно легко возбуждаются въ одной толпѣ и мало или почти не возбуждаются въ другой.

Кромѣ этого наиболѣе важнаго фактора—степени и особенностей нравственно-физической культуры членовъ толпы,

не малое вліяніе отказываетъ и ихъ предшествующая соціальная подготовка. Поводомъ къ образованію толпы можетъ послужить до извѣстной степени случайное обстоятельство и имъ, напротивъ, можетъ быть, обстоятельство, уже давно глубоко волновавшее каждаго изъ его членовъ, вызывавшее въ немъ тѣ или другія ассоціаціи послѣднихъ съ представленіями и т. д.

Наконецъ, важную роль играютъ и лица, которыя, въ силу своихъ особенностей, *находящихся всегда въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ особенностями самой толпы*, увлекутъ ее за собою и будутъ являться ея вожаками. Прежде всего, качества ихъ инстинктивной природы, затѣмъ ихъ большая или меньшая подготовленность, наличность или отсутствіе у нихъ опредѣленнаго плана, обдуманныхъ и систематизированныхъ воззрѣній на предметъ въ то время, когда они становятся во главѣ толпы,—все это окажетъ не малое вліяніе на ея послѣдующую дѣятельность. Одни будутъ толкать ее на путь совершенія ужасовъ, тогда какъ другіе будутъ способствовать соотвѣтственно мѣрѣ своихъ силъ подъему въ ней благороднѣйшихъ чувствъ на значительную высоту, на которую, благодаря отсутствію взаимодѣйствія, они обычно не поднимаются у отдѣльныхъ ея членовъ средняго и даже болѣе высокаго уровня, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ способствовать реализаціи этихъ чувствъ въ соотвѣтствующихъ дѣйствіяхъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ толпа, въ силу своихъ основныхъ особенностей, будетъ сравнительно мало способна къ послѣдовательному обсужденію и зрѣло обдуманнымъ рѣшеніямъ. Но не будемъ забывать, *что содержаніе и та или иная окраска мышленія даются ему движеніями чувства, а, слѣдовательно, и того, что называютъ инстинктивною и нравственною природой человѣка.*

Таковы замѣчанія, которыя, по моему мнѣнію, необходимо сдѣлать и тѣмъ самимъ значительно обограничить утвержденія Tard'a, смотрящаго на всякую толпу съ полнымъ презрѣніемъ.

Вопросъ о такъ называемыхъ неисправимыхъ, который очень занималъ петербургскій международный конгрессъ, остановилъ на себѣ вниманіе и брюссельскаго конгресса. По этому вопросу были представлены 4 доклада. Но, прежде нежели говорить о нихъ, считаю нужнымъ предварительно сдѣлать одно замѣчаніе.

Во время преній, предшествовавшихъ докладамъ о неисправимыхъ, не разъ высказывалась мысль о виновности въ совершонныхъ преступленіяхъ самого общества, т.-е. того, кто судитъ, караетъ, а иногда и извергаетъ изъ своей среды преступника. Мысль эта, постепенно назрѣвающая, какъ результатъ болѣе тщательнаго изученія явленій преступности, раздѣлялась, насколько я могъ замѣтить, многими членами конгресса въ этой ея безотносительной формѣ. А, между тѣмъ, въ ней заключаются зародыши коренного переворота въ нашихъ воззрѣніяхъ на преступленіе, наказаніе и мѣры предупрежденія. Этимъ, однако, я вовсе не хочу сказать, чтобы мысль о виновности общества вела къ отрицанію мѣръ борьбы съ преступленіемъ *въ лицѣ самого преступника*. Отнюдь нѣтъ. Съ преступленіемъ, какъ однимъ изъ величайшихъ общественныхъ золъ, необходимо бороться съ всею энергіей, и потому необходимо принимать мѣры противъ преступниковъ. Каковы бы ни были причины,—дурной и вредный продуктъ, все-таки, остается дурнымъ и вреднымъ. На это я считаю нужнымъ теперь же обратить особое вниманіе, для избѣжанія всякихъ дальнѣйшихъ недоразумѣній.

Мысль о виновности самого общества измѣняетъ наши понятія въ другомъ направленіи. Пока мы признаемъ винов-

ность, т.-е. причинность, лишь на сторонѣ самого преступника, до тѣхъ поръ мы болѣе или менѣе злобно и раздражительно возмущаемся только его порочностью и преступностью и подъ вліяніемъ этого негодующаго чувства считаемъ справедливымъ и нужнымъ отмщать и мздовоздавать ему страданіемъ, большею частью по принципу возможнаго уравненія двухъ золъ— зла наказанія и зла преступленія. Напротивъ, наше отношеніе значительно измѣняется, какъ только мы относимъ виновность, т.-е. причинность, главнымъ образомъ, на сторону самого общества и улавливаемъ истинную связь и зависимость явленій. Въ послѣднемъ случаѣ мы уже выходимъ изъ-подъ вліянія плохого совѣтника—охватывавшаго насъ злобнаго чувства, и хотя, попрежнему, относимся къ преступленію и преступнику вполнѣ отрицательно и всѣми силами стараемся устранить ихъ, но дѣлаемъ это безъ прежняго озлобленія, подобно тому, какъ мы относимся, наприм., къ падающему камню, дальнѣйшія паденія котораго, а равно и паденіе всѣхъ другихъ такихъ же камней мы стремимся предотвратить всѣми возможными, но только разумными и потому цѣлесообразными средствами.

И такое отношеніе находитъ свое полное оправданіе въ наблюдаемой связи и зависимости явленій. Каждый изъ насъ, а въ томъ числѣ и преступникъ, прежде всего, уже родится на свѣтъ съ нѣкоторыми опредѣленными задатками, которые не имъ вырабатываются, а ему передаются. Унаслѣдованное, разъ появившись на свѣтъ, начинаетъ дальнѣйше развиваться въ зависимости отъ вліяній окружающихъ его внѣшнихъ условій, которыя въ свою очередь дурны или хороши, независимо отъ его желанія, и которыя также, независимо отъ его желанія, будутъ налагать неизгладимую печать на все его дальнѣйшее развитіе и будутъ направлять послѣд-

нее. Первоначально онъ малъ, безсиленъ, неразуменъ и не имѣетъ возможности понимать и оцѣнивать по достоинству того, что мы называемъ добромъ и зломъ, порядкомъ и добродѣтелью въ явленіяхъ жизни. Когда же онъ приходитъ въ возрастъ пониманія и оцѣнки, тогда онъ уже достаточно опредѣляется предшествовавшими вліяніями и начинаетъ дѣйствовать въ соотвѣтствіи съ ранѣе развившимися особенностями его натуры. Въ то время, когда только начиналась его порча, онъ ничего преступнаго въ точномъ смыслѣ слова еще не совершалъ, когда же эта порча, — результатъ унаслѣдованнаго и независимо отъ его воли и желанія привитаго къ нему его воспитаніемъ, — уже достаточно развилась, тогда она-то и стала необходимою, ближайшею причиной его преступности.

Этотъ вполнѣ вѣрный взглядъ, вытекающій изъ изученія связи явленій, заставляетъ насъ, прежде всего, обращать вниманіе на общественныя условія, при которыхъ зарождаются, развиваются и живутъ различные члены общества. Онъ заставляетъ стремиться всѣми силами устранять и ослаблять условія неблагопріятныя и, напротивъ, увеличивать и усиливать условія благопріятныя. Онъ же заставляетъ насъ видѣть въ преступникѣ, прежде всего, несчастнаго, самою его порочностью и преступностью неминуемо осужденнаго на неудачи и страданія и заслуживающаго не истязаній, а необходимой ему помощи для нравственнаго подъема и исправленія.

Но взглядъ этотъ, повторяю опять, нисколько не устраняетъ необходимости самой энергичной борьбы съ преступленіемъ, которое разъѣдаетъ общество, а также не уничтожаетъ и въ самомъ преступникѣ спасительнаго, хотя и весьма тяжелаго чувства, сопровождающаго сознаніе своего нравственнаго уродства и убожества, какъ это ясно показываютъ многочисленные клиническіе случаи. Чему бы ни приписывалъ чело-

вѣкъ свои, справедливо порицаемые окружающими, недостатки, сознаніе ихъ одинаково можетъ быть тягостно для него и онъ съ одинаковою силой можетъ желать и стремиться къ ихъ улучшенію. Все будетъ зависѣть отъ силы сознанія и ощущенія ихъ наличности, которая, какъ насъ учитъ и нашъ собственный опытъ, вовсе не обусловливается тѣми или другими объясненіями причинности. Послѣ этого отступленія вернемся къ вопросу о неисправимыхъ.

Всѣ доклады по этому вопросу были представлены юристами. Двое изъ докладчиковъ, проф. Thiry и van Hamel пришли къ заключенію о необходимости уничтоженія для неисправимыхъ опредѣленія напередъ мѣры наказанія. Признакомъ неисправимости всѣ докладчики считали рецидивъ. Проф. Thiry присоединилъ еще и другой признакъ. Причиной повторенія, по его мнѣнію, должно служить постоянное нравственное вліяніе (une influence morale permanante) на волю преступника.

Неисправимые, по мнѣнію проф. Thiry, 1) должны содержаться въ пенитенціаріяхъ до тѣхъ поръ, пока это оказывается нужнымъ; 2) они могутъ быть освобождаемы только тогда, когда освобожденіе оказывается заслуженнымъ, и 3) они должны быть снова возвращаемы, какъ только это вызывается ихъ дурнымъ поведеніемъ на свободѣ. Неопредѣляемыя напередъ наказанія, естественно, не могутъ быть отбываемы въ одиночныхъ кельяхъ. Для нихъ необходимы колоніи съ совмѣстнымъ трудомъ въ теченіе дня и съ раздѣленіемъ на ночь. Для исправленія заключенныхъ на нихъ необходимо вліять правильно организованнымъ трудомъ, обученіемъ, нравственнымъ воспитаніемъ, а также и медицинскими средствами, поскольку послѣднія могутъ имѣть успѣхъ. Право присуждать къ наказанію должно принадлежать суду, а выборъ средствъ

воздѣйствія и освобожденіе—членамъ тюремной адмистраціи въ соединеніи съ членами наблюдательной коммиссіи и членами комитетовъ патроната.

Проф. van Hamel предлагаетъ нѣсколько иную систему. Признакомъ неисправимости, и по его мнѣнію, служитъ рецидивъ. Имъ можетъ служить и стеченіе многихъ преступленій, когда при этомъ существуютъ еще указанія на дурныя особенности натуры дѣятеля, и даже одно преступленіе, когда въ немъ проявляется исключительное извращеніе. Въ этомъ случаѣ послѣдующее изслѣдованіе можетъ восполнить недостаточность первичныхъ указаній.

Примѣненіе мѣръ противъ неисправимыхъ, по мнѣнію проф. van Hamel, должно происходить слѣдующимъ образомъ. Въ указываемыхъ закономъ случаяхъ судъ назначаетъ обычное наказаніе, но при этомъ прибавляетъ, что, по истеченіи извѣстнаго срока, должно имѣть мѣсто послѣдующее обсужденіе. При этомъ новомъ обсужденіи судъ принимаетъ во вниманіе всѣ данныя, какъ-то: наслѣдственность, все прошлое преступника, его поведеніе въ тюрьмѣ, всѣ его особенности и т. д., и если признаетъ необходимымъ примѣненіе къ нему мѣръ противъ неисправимыхъ, то постановляетъ о продолженіи содержанія въ тюрьмѣ и назначаетъ новый срокъ для новаго обсужденія и т. д. Но и ранѣе назначеннаго срока можетъ послѣдовать условное освобожденіе. Право постановлять о примѣненіи мѣръ противъ неисправимыхъ и о продолженіи срока содержанія должно принадлежать судебной власти при участіи защиты и съ выслушаніемъ мнѣнія тюремной администраціи и тюремнаго врача.

Третій докладчикъ, проф. Maus, видитъ въ преступникѣ не только злодѣя, но и несчастнаго. Онъ совѣтуетъ никогда не отчаяваться, все испытывать для его исправленія и поражать зло со всѣхъ сторонъ и всѣми средствами. Онъ не вѣ-

ритъ, чтобы въ такъ называемыхъ неисправимыхъ все добро было подавлено вполнѣ, и думаетъ, что возвратъ возможенъ и для нихъ. Мѣры противъ рецидива, по его мнѣнію, могутъ быть двоякія: мѣры противъ общихъ причинъ, т.-е. противъ общественныхъ факторовъ преступности, какъ-то: бѣдности, алкоголизма, проституціи, крайней скученности въ нездоровыхъ жилищахъ и пр., и мѣры противъ самихъ рецидивистовъ. Послѣдніе, прежде нежели появиться передъ судомъ, должны быть предметомъ самаго серьезнаго изслѣдованія, которое должно направляться на ихъ душевное состояніе, ихъ особенности, а также на нравственныя и соціальныя причины ихъ рецидива. Вниманіе при этомъ должно быть обращаемо на наслѣдственность изслѣдуемаго, особенности его дѣтства, воспитанія, послѣдующей жизни, на предшествующія наказанія, ихъ вліяніе и т. д.

Изслѣдованіе, вслѣдствіе его важности для общества и обвиняемаго, должно быть поручаемо широко образованному слѣдственному судьѣ, который знакомъ съ преступниками, и при немъ должно быть допускаемо участіе защиты. Собранный матеріалъ долженъ служить основаніемъ для доклада слѣдственнаго судьи о рецидивистѣ и о причинахъ его рецидивизма, а докладъ въ свою очередь долженъ служить основаніемъ для принятія тѣхъ или другихъ мѣръ.

Лица, принадлежащія къ области душевной патологіи, должны обязательно передаваться въ вѣдѣніе спеціальныхъ лечебницъ и пріютовъ. Лица, пораженныя сравнительно легкими степенями вырожденія, и алкоголики должны помѣщаться въ тюрьмы-азили,—учрежденія среднія между тюрьмой и больницей, гдѣ они должны оставаться до полнаго излеченія и исправленія. Привычные рецидивисты, впадающіе въ преступленія *по слабости воли*, должны помѣщаться въ тюрьмы,

но здѣсь они должны подвергаться мягкому режиму съ характеромъ нравственнаго и профессіональнаго воспитанія. Для профессіональныхъ рецидивистовъ должна служить та же тюрьма, но съ режимомъ болѣе суровымъ и строгимъ. Сроки для всѣхъ рецидивистовъ вообще должны быть болѣе продолжительны и должны увеличиваться по мѣрѣ повторенія, доходя до пожизненнаго заключенія, которое, однако, не должно исключать возможности условнаго освобожденія.

Выборъ режима, его индивидуализація, назначеніе одиночнаго заключенія, переводъ изъ тюремъ въ рабочіе дома, назначеніе условнаго освобожденія и т. д.,—все это должно принадлежать тюремной администраціи, а произнесеніе приговора—судебной власти.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе докладовъ о такъ называемыхъ неисправимыхъ. Ясно даже съ перваго взгляда, что въ нихъ заключаются зародыши новой, болѣе раціональной и цѣлесообразной системы отношенія къ преступникамъ, не похожей на систему дѣйствующую, систему отмщенія и уравненія по произвольнымъ и неизвѣстно на основаніи чего устанавливаемымъ соотносительнымъ мѣрамъ предполагаемой тяжести преступленія и наказанія. Доклады, правда, предлагаютъ примѣненіе новой системы не ко всѣмъ, а только къ одной группѣ преступниковъ. Но очевидно, что зародыши реформы, будучи разъ приняты, не могутъ остановиться въ началѣ пути. По самому существу своему они предназначены по логической необходимости къ дальнѣйшему широкому развитію въ томъ же направленіи и, конечно, какъ съ качественной, такъ и съ количественной стороны.

Во время послѣдовавшихъ за докладами дебатовъ я счелъ не безполезнымъ взглянуть на вопросъ о неисправимыхъ нѣсколько съ иной стороны, руководствуясь древнимъ прави-

ломъ—audiatur ét altera pars. При этомъ я указалъ, что въ нашихъ понятіяхъ о наказаніи есть много завѣщаннаго намъ вѣками далекаго прошлаго, и что, не отрицая вполнѣ устрашенія, лично я мало надѣюсь на его спасительное вліяніе. Страхъ не дѣйствуетъ и не можетъ дѣйствовать постоянно. У дурныхъ натуръ легко возникаютъ увлеченія, вытекающія изъ особенности ихъ существа, и наступаютъ моменты забвенія, когда представленія опасности и чувство страха отпадаютъ и не говорятъ въ нихъ, и тогда они все снова и снова впадаютъ въ преступленія. Необходимо, чтобы въ самомъ человѣкѣ существовали внутренніе задерживающіе моменты. Но много ли дѣлается въ направленіи развитія послѣднихъ? Когда совершается преступленіе, общество приходитъ въ безпокойство и считаетъ нужнымъ самозащищаться. Но гдѣ оно было и что дѣлало оно, когда нужно было приспособлять къ жизни въ обществѣ этого уже готовившагося преступника? И, потомъ, что̀ даетъ оно весьма многимъ въ ихъ жизни, слѣдующей за періодомъ воспитанія? Наибольшій грѣхъ современныхъ обществъ состоитъ въ томъ, что они слишкомъ мало заставляютъ вибрировать въ человѣкѣ хорошія и благородныя чувства, а, напротивъ, возбуждаютъ въ немъ изо-дня въ день чувства дурныя. Припомнимъ хотя бы тѣхъ поистинѣ несчастныхъ, которые шатаются по улицамъ нашихъ большихъ городовъ, ловя всѣ случаи пріобрѣсти себѣ кусокъ хлѣба, и которые встаютъ каждый день утромъ, не зная, какъ и чѣмъ они проживутъ до вечера. Окруженные при этомъ на каждомъ шагу невольно манящею ихъ роскошью и избыткомъ, они, конечно, ничего, кромѣ недобрыхъ чувствъ къ окружающимъ ихъ счастливцамъ, питать не могутъ.

Но вотъ кто-либо изъ этихъ несчастныхъ падаетъ и совершаетъ преступленіе. Что дѣлаетъ общество тогда? Оно са-

жаетъ его въ тюрьму. Я видѣлъ тюрьмы въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Бельгіи, Швейцаріи и Австріи. Многія изъ нихъ поистинѣ прекрасны съ внѣшней стороны и даютъ значительно больше, нежели даетъ многимъ изъ нихъ жизнь на свободѣ; для такихъ онѣ—пристанища. Но что̀ даютъ онѣ со стороны нравственной? Въ большинствѣ случаевъ, очень мало, а если и много, то въ отрицательномъ направленіи. Онѣ даютъ однообразную работу, келью или совмѣстное развращеніе. Въ нихъ обыкновенно не существуетъ классификацій по особенностямъ характеровъ, не существуетъ индивидуализаціи нравственныхъ вліяній и никакого сколько-нибудь серьезнаго изученія личности и основныхъ причинъ ея паденія. Но развѣ одна работа и келья достаточны для нравственнаго подъема? Развѣ для воспитанія и исправленія вашего ребенка вы запрете его на долгіе годы въ одиночную келью? Конечно, нѣтъ. На сравнительно короткое время и келья можетъ быть полезна, какъ одно—и, притомъ одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ, но она не панацея.

А что ожидаетъ выпущенника за дверями тюрьмы? Надо быть справедливымъ и признать, что мы почти ничего или очень мало сдѣлали для дѣйствительнаго поднятія падшаго. Освобожденнаго ожидаютъ на свободѣ крайнее недовѣріе и презрѣніе; часто его ждутъ всякія лишенія и тяжелый изнурительный трудъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякіе соблазны, какъ бы нарочно разсчитанные на его совращеніе. Натуры, отъ природы одаренныя бо̀льшимъ или меньшимъ избыткомъ нравственныхъ силъ, еще могутъ противустоять и съ нѣкоторымъ успѣхомъ бороться за свое существованіе въ установленныхъ формахъ и при очень неблагопріятныхъ условіяхъ, но такихъ натуръ нѣтъ или почти нѣтъ въ тюрьмѣ. Натуры же слабыя легко подавляются и падаютъ. Если и въ первый разъ, на-

ходясь относительно въ болѣе благопріятномъ положеніи, онѣ не устояли въ борьбѣ, то тѣмъ легче теперь онѣ снова падутъ.

Что же дѣлать? — спросите вы. Кромѣ исправляющаго правосудія, необходимо проводить и политику, ту высшую политику, которая состоитъ въ принятіи широкихъ мѣръ предупрежденія, предназначенныхъ дѣйствовать на уничтоженіе даже наиболѣе отдаленныхъ причинъ преступности. И это должно быть впереди всего. Мы же всего болѣе надѣемся на устрашеніе и на поправленіе уже совершившагося. Но вѣренъ ли такой разсчетъ? Отвѣчу сравненіемъ. Что мы можемъ сдѣлать съ усиленно-развитою чахоткой? Ничего или очень мало, но предупреждать чахотку мы можемъ, и, притомъ, очень успѣшно. То же и въ сферѣ преступленія, гдѣ важнѣе всего изучать и воздѣйствовать на причины, производящія такъ называемые опасные классы. Безъ этого невозможна сколько-нибудь успѣшная борьба съ преступленіемъ, развивающемся на почвѣ физическаго и психическаго ухудшенія и деградаціи породы. Дѣйствительно, взглянемъ хотя бы на вліяніе машины. Постоянно врывающаяся машина почти ежедневно выкидываетъ изъ производства множество рукъ и дѣлаетъ ихъ обездоленными. Имъ нельзя сказать, что не надо ѣсть; большинству изъ нихъ нельзя и сказать, что должно честнымъ трудомъ зарабатывать свой кусокъ хлѣба. Они и сами не желаютъ ничего лучшаго. Но какъ?

Взглянемъ далѣе на вопросъ алкоголизма. Силы человѣческія ограничены вообще и въ частности ограничены по индивидуальностямъ, а, между тѣмъ, множество людей вынуждены за свой кусокъ хлѣба переступать данную мѣру и уподобляться тому рентьеру, который расходуетъ не только проценты, но и капиталъ, и потому съ каждымъ днемъ становится бѣднѣе. Немудрено, что они ищутъ укрѣпляющихъ

средствъ и легко находятъ ихъ въ алкоголѣ. Сначала употребляютъ его, а потомъ, слабые, злоупотребляютъ имъ и становятся алкоголиками. А кто виноватъ?

Можно идти далѣе, но остановимся здѣсь. Говоря все сказанное, я, конечно, рѣшительно не имѣлъ въ виду дѣлать и самой слабой попытки сколько-нибудь оправдывать порокъ и преступленіе. Я хотѣлъ лишь обратить вниманіе на одну изъ сторонъ вопроса о рецидивизмѣ, слишкомъ часто забываемую.

Я не стану останавливаться на другихъ докладахъ, обсуждавшихся конгрессомъ, хотя многіе изъ нихъ представляли большой интересъ. Замѣчу только, что конгрессъ вотировалъ и нѣкоторыя пожеланія практическаго характера. Приведу важнѣйшія.

Конгрессъ высказался за то, чтобы курсы уголовной антропологіи были введены въ университетахъ и сдѣланы обязательными для студентовъ медиковъ и юристовъ. Онъ высказался также за учрежденіе тюремъ-убѣжищъ и за введеніе, по примѣру Бельгіи, наблюденія душевнаго состоянія заключенныхъ, а также и за собираніе болѣе тщательныхъ и всесторонних свѣдѣній объ обвиняемыхъ, которыя бы могли характеризовать ихъ физіологическую и психологическую личность [1]. Конгрессъ высказался и за приведеніе въ соотношеніе уголовной статистики съ указаніями экономическихъ колебаній, которыя могутъ вліять на развитіе преступности.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ работы конгресса, происходившаго при дѣятельномъ участіи весьма многихъ юристовъ. Не трудно видѣть, какъ велико вліяніе, уже оказан-

---

[1]) Проектъ подобнаго изслѣдованія выработанъ и соединенной Коммиссіей С.-Петербургскихъ Обществъ Психіатровъ и Юридическаго въ 1893 г.

ное уголовною антропологіей на измѣненіе взглядовъ въ сферѣ уголовнаго права. Благодаря въ значительной мѣрѣ сильному толчку, данному проф. Lombroso, въ этой области теперь происходитъ настоящая революція, тенденціямъ которой, очевидно, предстоитъ дальнѣйшее широкое и благодѣтельное развитіе. Повторяю то, чѣмъ я закончилъ одну изъ своихъ рѣчей на когрессѣ: «Я люблю уголовную антропологію всѣми силами моей души потому, что, изучая причины человѣческой преступности, даже самыя отдаленныя, она съ доказательными фактами въ рукахъ ясно и наглядно показываетъ обществу, что принципъ общественной нравственности и идеалы не суть пустыя слова, а неизбѣжныя слѣдствія, или, правильнѣе, выводы изъ самихъ явленій общественной жизни».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Явленія вырожденія, преступность и типы психической неуравновѣшенности.

Научное направленіе, извѣстное во всей совокупности его оттѣнковъ или подраздѣленій подъ названіемъ уголовно-антропологической школы, отличается отъ всѣхъ другихъ направленій въ наукѣ уголовнаго права, главнымъ образомъ, по предмету своего изслѣдованія. Этимъ предметомъ ей служитъ не преступленіе, какъ дѣяніе, а прежде всего самъ дѣятель, т. е. преступный человѣкъ. Преступное же дѣяніе для нея важно исключительно постольку, по скольку въ немъ проявляются особенности преступника.

Стремленіе ясно и рѣзко разграничить душевную болѣзнь, порокъ и часто сопутствующее ему преступленіе имѣетъ свою долгую исторію. Преступныя дѣянія, будучи по характеру своему вполнѣ однородны съ дѣяніями порочными и безнравственными, въ то же время представляются столь опасными для общаго благосостоянія, что общественное мнѣніе всегда требовало и продолжаетъ требовать по отношенію къ нимъ и исключительныхъ мѣръ огражденія, — угрозы наказаніемъ, иначе говоря, угрозы тѣмъ или другимъ страданіемъ, а затѣмъ и самаго наказанія, доходящаго и въ настоящее время до пожизненнаго исключенія преступника изъ общества и даже до лишенія его жизни.

Страхъ, вызываемый представленіемъ о беззащитности

общества передъ зломъ преступленія, которое можетъ, пожалуй, укрыться подъ защитой признанной безнаказанности душевной болѣзни, издавна порождалъ горячіе споры объ экспертизахъ душевныхъ состояній и заставлялъ многихъ видѣть гибель и паденіе нравственности, и расшатываніе всѣхъ устоевъ общества тамъ, гдѣ ихъ не было и быть не могло. Тотъ же страхъ не рѣдко возбуждалъ и тяжелыя обвиненія противъ лицъ, стремившихся всесторонне изучить преступность человѣка и найти дѣйствительныя средства борьбы съ ней.

Спорамъ и обвиненіямъ много способствовало и общераспространенное убѣжденіе, что для оцѣнки и сужденія о явленіяхъ душевной жизни человѣка вообще и душевныхъ разстройствъ и уклоненій въ частности, будто бы не требуется почти никакой особой подготовки, никакихъ спеціальныхъ знаній и наблюденій, и что эти явленія доступны для обсужденія почти каждаго.

Еще великій Кантъ рѣшительно утверждалъ, что душевное разстройство при здоровомъ тѣлѣ должно быть оцѣниваемо философскимъ факультетомъ, и только при наличности ясно выраженнаго физическаго разстройства—факультетомъ медицинскимъ.

Тотъ же взглядъ, но еще въ болѣе рѣзкой формѣ, высказывалъ въ 1826 г. французскій юристъ Elias Regnolt, вооружаясь противъ медицинскихъ экспертизъ душевныхъ состояній. По его мнѣнію, одинъ здравый смыслъ вполнѣ достаточенъ для отличія обвиняемаго, способнаго ко вмѣненію отъ неспособнаго къ нему.

И до нашихъ дней этотъ невооруженный знаніями здравый смыслъ въ глазахъ нѣкоторыхъ юристовъ продолжаетъ сохра-

нять значеніе, приписанное ему Elias'омъ Regnolt въ дѣлѣ медицинской экспертизы.

Но на основаніи чего же, спрашивается, неподготовленный и невооруженный человѣкъ можетъ оцѣнивать и обсуждать явленія душевной жизни вообще и явленія душевныхъ разстройствъ и уклоненій въ частности? Очевидно, почти исключительно на основаніи своего личнаго внутренняго опыта—опыта болѣе или менѣе уравновѣшеннаго и непреступнаго человѣка. Этотъ опытъ и дѣлаетъ его склоннымъ отрицать все, непохожее на его собственное болѣе или менѣе нормальное «я», и располагаетъ его заподазривать, а иногда и инкриминировать мнѣнія людей, исходящихъ не отъ самихъ себя, отъ своего внутренняго міра и самонаблюденія, но прежде всего отъ многочисленныхъ и тщательно провѣряемыхъ наблюденій явленій чужой душевной жизни, ея разстройствъ и уклоненій, которыя по отдѣльнымъ индивидуумамъ различаются на столько же, насколько различаются у нихъ и явленія органическія. А послѣднія, какъ извѣстно каждому, даже изъ его собственнаго недостаточнаго опыта, варьируютъ отъ индивидуума къ индивидууму до безконечности и потому требуютъ изученія.

Въ настоящемъ столѣтіи споры и обвиненія, порождаемые опасеніями возможной безотвѣтственности порока и преступленія и безоружности по отношенію къ нимъ общества, идутъ рука объ руку съ сравнительно быстрымъ развитіемъ психіатрическихъ ученій, которыя представляютъ собою только констатированіе и обобщеніе повсюду наблюдавшихся и наблюдаемыхъ фактовъ живой дѣйствительности.

Но эти ученія говорили только о формахъ болѣзни, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ нихъ могли укладываться и къ нимъ могли подходить безъ натяжекъ только тѣ

случаи душевныхъ разстройствъ и уклоненій, которые представляютъ собою болѣе или менѣе рѣзко выдѣляющійся и болѣе или менѣе продолжительный эпизодъ начала, средины или конца жизни человѣка, эпизодъ, которому можно противопоставить и съ которымъ можно сравнить иное, болѣе нормальное душевное состояніе того же человѣка, хотя бы и болѣе кратковременное, нежели самый эпизодъ. Только въ такихъ случаяхъ и можно говорить безъ натяжекъ о болѣзни въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Но что было сказать о тѣхъ аномаліяхъ характера, которыя не сопровождаются болѣе или менѣе уловимыми органическими разстройствами и какими-либо явленіями бреда и разстройствами въ сферѣ логическаго мышленія, которыя, наблюдаясь въ большей или меньшей степени съ самаго ранняго дѣтства, постепенно развиваются въ теченіе всей жизни человѣка, какъ и всѣ другія особенности его характера, и которыя невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе всѣхъ болѣе или менѣе близко соприкасающихся съ ихъ носителемъ? Конечно, такія аномаліи связаны съ органическими уклоненіями, потому что опредѣленныя особенности органическія связываются со всѣми вообще явленіями психической жизни, но тѣмъ не менѣе такія аномаліи характеровъ болѣзнями въ собственномъ смыслѣ слова назвать нельзя. Хотя идіоты и слабоумные низшихъ степеней и суть продукты процессовъ болѣзненнаго характера, но назвать ихъ больными, не насилуя смысла этого слова, нѣтъ достаточныхъ основаній. Они не удостаточныя и порочныя организаціи или натуры — и только. Не то же ли, быть можетъ, надо сказать и о прирожденныхъ извращеніяхъ и аномаліяхъ характеровъ, дѣлающихъ человѣка мало или почти вовсе неприспособленнымъ къ обществу и условіямъ жизни въ немъ? Быть можетъ, въ вопросѣ о нихъ дѣло идетъ

о недостаточной физіологіи, вызывающей психическія уклоненія, которыя столь же непосредственно влекутъ за собой опредѣленныя невыгодныя слѣдствія въ отношеніи жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ, какъ и разстройства психопатологическія въ собственномъ смыслѣ?

Для всѣхъ такихъ странныхъ душевныхъ явленій изслѣдователи первой половины настоящаго столѣтія большею частью только подыскивали словесныя квалификаціи, называя ихъ сумасшествіемъ въ дѣйствіяхъ и т. д., но они на могли выяснить, что такое эти явленія, каковы ихъ факторы и каковъ ихъ механизмъ?

Отвѣтить на эти вопросы, какъ мы уже знаемъ,—пришлось A. Morel'ю, который произнесъ слово: *вырожденіе* породы.

Будучи, однако, психіатромъ по спеціальности, а не криминалистомъ, Morel могъ коснуться вопроса о преступности почти по стольку, по скольку онъ въ его время уже соприкоснулся съ клиникой душевныхъ болѣзней. Поэтому онъ не могъ разработать вопросъ во всей полнотѣ его великаго общественнаго значенія и, быть можетъ, потому уже та сторона его труда, которая касается процесса нарожденія дурныхъ и вредоносныхъ типовъ вообще, въ то время сравнительно мало обратила на себя вниманія внѣ узкаго круга спеціалистовъ. Но для всякаго, занимающагося общественными науками и внимательно изучавшаго и вдумывавшагося въ работы Morel'я, эта ихъ сторона, имѣющая болѣе общее и болѣе важное общественное значеніе, выступаетъ вполнѣ ясно.

Послѣдующіе за Morel'емъ изслѣдовали въ области психіатріи, какъ уже было указано выше, значительно дополнили его трудъ, а впервые послѣдующіе за Gall'емъ изслѣдователи въ сферѣ уголовной антропологіи сдѣлали первыя попытки сбли-

зить двѣ области изслѣдованій — область психіатріи и уголовной антропологіи, и въ большей или меньшей мѣрѣ примѣнить къ послѣдней научныя идеи Morél'я.

Но для сколько нибудь удовлетворительнаго выясненія вопроса о человѣческой преступности недостаточно сказать вообще, что преступникъ представляетъ собою существо болѣе или менѣе дурноуравновѣшанное и болѣе или менѣе затронутое процессомъ психофизическаго вырожденія. Необходимо еще возможно ближе присмотрѣться къ явленіямъ неуравновѣшенности и вырожденія въ ихъ многообразныхъ формахъ, а главное, въ ихъ соціальныхъ факторахъ и ихъ соціальныхъ слѣдствіяхъ, къ чему мы и перейдемъ теперь.

Въ каждомъ обществѣ, въ каждый данный моментъ его бытія, существуетъ опредѣленный типъ нормальнаго общественнаго человѣка, т.-е. человѣка способнаго къ самостоятельной жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ. Этотъ типъ не представляется величиной неподвижной. Онъ ростетъ и измѣняется вмѣстѣ съ ростомъ самого общества и измѣненіями въ условіяхъ общественной жизни. Точно опредѣлить и очертить его крайне затруднительно, но трудность ничего не говоритъ противъ факта его существованія, съ необходимостью вызываемаго тѣмъ общимъ закономъ, по которому, для существованія правильнаго устойчиваго отношенія, между взаимодѣйствующими явленіями необходимо должна существовать всюду и всегда опредѣленная степень соотвѣтствія. Нѣтъ этой степени на лицо — самое отношеніе не можетъ существовать и искажается. Вотъ эту-то строго опредѣленную минимальную степень соотвѣтствія всей психофизической структуры личности съ условіями жизни окружающаго ее общества, степень, необходимую для самостоятельной жизни въ немъ, я и называю типомъ нормальнаго общественнаго человѣка. Это есть minimum приспособленности къ са-

мостоятельной жизни въ обществѣ, безъ котораго эта послѣдняя становится невозможна.

Психофизическая природа человѣка не представляетъ собою вполнѣ устойчивой величины. Напротивъ, она величина, постоянно болѣе или менѣе измѣняющаяся и колеблющаяся въ зависимости отъ измѣненій въ условіяхъ окружающей среды, каковою по отношенію къ ней является общественная среда во всей совокупности своихъ условій. Пока minimum общественной приспособленности, который я назвалъ типомъ нормальнаго общественнаго человѣка, не нарушенъ, до тѣхъ поръ постоянно болѣе или менѣе измѣняющаяся натура остается натурой приспособленной и, потому, болѣе или менѣе способной крѣпнуть, преуспѣвать и прогрессировать, при условіяхъ жизни даннаго общества и той или другой его части. Напротивъ, разъ указанный minimum приспособленности нарушенъ— личность физически, психически и общественно начинаетъ клониться къ упадку, начинаетъ регриссировать и отступать отъ своего прежняго типа, вырабатывающагося вѣковымъ приспособленіемъ, иначе говоря, начинаетъ вырождаться физически, нравственно и общественно.

Процессъ постепеннаго регресса можетъ совершаться въ одно поколѣніе, или можетъ охватывать большее или меньшее число послѣдовательныхъ поколѣній, которыя въ такомъ случаѣ будутъ давать въ своихъ представителяхъ различныя стадіи вырожденія и различныя разновидности вырождающихся. Скорость хода процесса будетъ обусловливаться съ одной стороны силой и длительностью неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній, а съ другой—степенью начальной крѣпости и стойкости натуры: натуры крѣпкія и стойкія, разумѣется, могутъ выносить больше и дольше вліяніе неблагопріятныхъ условій безъ большихъ порчъ и уклоненій.

Но въ чемъ заключаются явленія вырожденія, во-первыхъ, какъ фактъ органическій, во-вторыхъ, какъ фактъ психическій и, наконецъ, какъ фактъ соціальный? Какъ фактъ органическій, они заключаются въ недостаточности и неуравновѣшенности частей того цѣлаго, которое мы называемъ человѣческимъ организмомъ, какъ фактъ психическій—въ связанной съ этимъ неудовлетворительности душевнаго функціонированія, а какъ фактъ общественный—въ большей или меньшей невозможности удовлетворять тому minimum'у требованій и запросовъ, который общество предъявляетъ къ типу нормальнаго общественнаго человѣка, стоящаго въ *опредѣленныхъ общественныхъ условіяхъ* и занимающаго *опредѣленное общественное положеніе*. Возможность удовлетворенія этому minimum'у, въ свою очередь, необходимо предполагаетъ у человѣка соотвѣтствующій minimum различныхъ способностей, являющихся результатомъ наличности опредѣленныхъ психофизическихъ условій. Общество требуетъ, напр., отъ человѣка, *извѣстнаго общественнаго положенія*, извѣстнаго minimum'а прилежанія и труда, а человѣкъ болѣе или менѣе неспособенъ давать его; общество требуетъ извѣстной минимальной степени сдерживанія своихъ желаній и влеченій, а человѣкъ по тѣмъ или другимъ причинамъ почти неспособенъ сдерживаться; общество требуетъ извѣстнаго необходимаго minimum'а благожелательности къ окружающимъ, а человѣкъ неспособенъ испытывать его и т. д. и т. д.

Такимъ представляется отвѣтъ въ его самыхъ общихъ чертахъ. Теперь попытаемся присмотрѣться поближе и къ нѣкоторымъ подробностямъ. Организмъ человѣка представляетъ собою сложное цѣлое, составляющееся изъ различныхъ органическихъ системъ съ ихъ особою иннерваціею или, иначе говоря, какъ бы съ ихъ особыми нервными системами, изъ ко-

торыхъ, какъ обособленныхъ частей, и образуется общая, сложная и взаимно зависимая нервная система. На этотъ фактъ я считаю нужнымъ обратить особое вниманіе. Онъ весьма важенъ для правильнаго пониманія различій психическаго функціонированія.

«Отъ чувствованій, которыя измѣняютъ душу, она заимствуетъ всѣ свои знанія и всѣ свои способности», говоритъ Condillac. И онъ правъ. Сфера чувствованій лежитъ въ основѣ психической жизни, и чувство собственнаго существованія, чувство собственной личности или самочувствіе образуетъ собою тотъ первичный фонъ, на которомъ только въ послѣдующей жизни ребенка мало-по-малу начинаютъ складываться болѣе или менѣе сложные узоры умственной жизни. Этотъ первичный фонъ не представляется неразложимымъ. Напротивъ, онъ сложное нѣчто.

Всѣ органы нашего тѣла чувствительны или, правильнѣе, возбудимы, и отъ нихъ ежеминутно и ежесекундно несутся разнообразныя возбужденія къ центральному чувствилищу — мозгу. Здѣсь возбужденія какимъ-то непонятнымъ для насъ образомъ облекаются какъ бы въ новую одежду, присоединяютъ къ себѣ новый, таинственный въ его сущности, элементъ: они становятся болѣе или менѣе яркими чувствованіями. Въ центрѣ набѣгающія со всѣхъ сторонъ чувствованія, если каждое изъ нихъ недостаточно сильно, чтобы сосредоточить на себѣ особое вниманіе, не воспринимаются раздѣльно, а, напротивъ, сливаются въ одинъ общій, сложный и болѣе или менѣе ярко и пріятно или непріятно окрашенный тонъ—въ чувство собственнаго существованія или самочувствіе, составныя части котораго — отдѣльныя чувствованія извѣщаютъ общее чувствилище о степени благосостоянія или неблагосостоянія соотвѣтствующихъ частей или органовъ нашего тѣла. Когда отдѣль-

ныя части благоденствуютъ, тогда и идущія отъ нихъ вѣсти пріятны и радостны, и, напротивъ, когда онѣ не благоденствуютъ, тогда и вѣсти бываютъ непріятны и печальны. Представимъ себѣ многочисленный оркестръ. Составляющіе его музыканты единовременно извлекаютъ звуки изъ своихъ разнородныхъ инструментовъ, но эти звуки не воспринимаются ухомъ раздѣльно, а сливаются въ одну общую сложную волну звуковъ, которая будетъ болѣе или менѣе полна и красива, смотря по большей или меньшей полнотѣ и красотѣ отдѣльныхъ слагающихъ звуковъ.

Органы тѣла слагаются въ системы органовъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои задачи, свою болѣе или менѣе сложную функцію. Одна изготовляетъ матеріалъ, пригодный для постройки, другая разноситъ его по всему тѣлу, третья доставляетъ факторъ, дающій толчекъ обмѣну веществъ и т. д. Еще знаменитый врачъ древности Галіенъ утверждалъ, что каждый органъ, каждая органическая система обладаетъ своей особой специфической чувствительностью, не похожей на чувствительность всѣхъ остальныхъ. Какъ специфически различаются чувствованія слуховыя и вкусовыя или осязательныя, такъ точно специфически же различаются и чувствованія, идущія отъ внутреннихъ системъ органовъ и частей ихъ. Галіенъ зналъ, что чувствительность внутреннихъ органовъ, въ зависимости отъ колебанія въ ихъ временныхъ состояніяхъ, можетъ быть повышена, уменьшена или уничтожена вовсе, разстроена и извращена. Изъ внутреннихъ чувствъ самыми важными Галіенъ считалъ чувство желудочное и половое.

Такимъ образомъ, изъ соединенія специфически различныхъ системныхъ чувствъ и слагается общее чувство собственнаго существованія или самочувствіе, которое постоянно волнуется, колеблется и видоизмѣняется въ своихъ оттѣнкахъ,

въ зависимости отъ временныхъ состояній всего организма вообще и отдѣльныхъ составляющихъ его органовъ въ частности.

Опытъ учитъ, что въ зависимости отъ различій *во всемъ образѣ жизни и въ ежедневныхъ упражненіяхъ* въ теченіе личной жизни субъекта, а еще неизмѣримо болѣе— въ теченіи родовой жизни его восходящихъ, налагающей на потомство болѣе или менѣе неизгладимые слѣды,—*безотносительное и соотносительное* развитіе и особенности различныхъ органическихъ системъ у различныхъ людей бываютъ до крайности различны.

Каждая изъ этихъ системъ въ отдѣльности можетъ представлять большую или меньшую силу, полноту и совершенство развитія, а также и большія или меньшія несовершенства, недостаточности и уклоненія, а всѣ они въ совокупности могутъ представлять большую или меньшую соразмѣрность, гармонію или неуравновѣшенности въ своемъ соотносительномъ развитіи. Здѣсь и кроется источникъ индивидуальныхъ и національныхъ различій, записанныхъ въ книгу жизни вѣковой исторіи народовъ. Соотвѣтственно съ этимъ представляются до крайности различными по отдѣльнымъ личностямъ въ отношеніи полноты развитія и характера окраски и отдѣльныя системныя чувства, а потому—и слагающееся изъ нихъ общее чувство или самочувствіе: измѣняются и до крайности варіируютъ отдѣльныя составныя части, еще болѣе должно измѣняться и варіировать и ихъ сложно-комбинированное цѣлое; каждое изъ системныхъ чувствъ, какъ учитъ тотъ же опытъ, можетъ быть не только болѣе или менѣе повышено или угнетено, но, какъ указывалъ и Галіенъ, можетъ быть разстроено, болѣзненно обострено и извращено. По временамъ каждое изъ нихъ можетъ принимать самыя причудливыя окраски и, со-

отвѣтственно мѣрѣ своего участія въ общемъ хорѣ, можетъ придавать такія же окраски цѣлому, т. е. самочувствію, какъ это и было, напр., въ случаѣ вполнѣ логично и безъ бреда мыслившаго больнаго изъ клиники проф. Ball'я, который— какъ это ни странно для насъ — чувствовалъ себя какъ то уменьшающимся и исчезающимъ. «Моя личность исчезла совершенно» — такъ характеризовалъ онъ свое самочувствіе — «и, несмотря на все, что я дѣлаю, чтобы снова вернуть это исчезнувшее «я», я не могу достигнуть этого». «Мнѣ кажется, что я умеръ два года тому назадъ и что вещь (т. е. теперешній онъ), которая существуетъ, не напоминаетъ ничего, что имѣло бы отношеніе къ прежнему моему «я». «Все болѣе и болѣе становится странно вокругъ меня, и я теперь не только не знаю, что я такое, но я даже не могу отдать себѣ отчета въ томъ, что называютъ существованіемъ». «Я существую, но внѣ реальной жизни и противъ моей воли».

Въ дѣйствительности мы встрѣчаемъ людей съ самыми разнообразными оттѣнками въ ихъ обычномъ и устойчивомъ самочувствіи. Одни грубо-эгоистичны, другіе злы и враждебны ко всѣмъ, третьи даже кровожадны, четвертые, напротивъ, любовны и благожелательны, пятые поэтичны, шестые восторженны до экстаза, и т. д. — однимъ словомъ, безконечное разнообразіе тѣней и оттѣнковъ.

Самочувствіе, будучи основнымъ фономъ психической жизни, понятно, не остается безъ рѣшающаго вліянія на особенности умственной жизни. Оно предшествуетъ ей по времени и подъ его изначала дѣйствующимъ вліяніемъ она уже формируется и потому всегда формируется въ направленіи его господствующихъ особенностей. Наиболѣе удобно наблюдается вліяніе самочувствія на мысль и ея сферы, конечно, въ періоды важ-

ныхъ физіологическихъ измѣненій, какъ, напр., въ періодъ половаго развитія, когда строй и направленіе мышленія подростковъ болѣе или менѣе рѣшительно измѣняются. Но и въ болѣе обычные періоды самочувствіе неуловимо вліяетъ на ходъ мышленія. Оно своими тонами порождаетъ опредѣленныя влеченія и какъ бы выдвигаетъ на поверхность сознанія и незамѣтно подсказываетъ тѣ или другія мысли, которыя обыкновенно находятся въ соотвѣтствіи съ его особенностями. Д-ръ Compagne, описывая одну крайне эгоистичную, ко всѣмъ завистливую и зложелательную больную, «вся болѣзнь которой», по его словамъ, «заключалась въ ея характерѣ», замѣчаетъ: «Она видитъ только дурныя стороны людей и предметовъ и ея проницательность въ этомъ отношеніи поистинѣ удивительна. Она прекрасно подмѣчаетъ массу мельчайшихъ подробностей, которыя будучи анализированы, сравнены и сопоставлены съ рѣдкимъ искусствомъ, позволяютъ ей ловко вставить недоброжелательную характеристику, которую никто не могъ бы предположить. Имѣя дѣйствительное, по моему мнѣнію, желаніе не говорить ничего дурного о другихъ, но, безсознательно подчиняясь вліянію своего влеченія, г-жа М. не можетъ удержаться, чтобы не высказывать своихъ нехорошихъ впечатлѣній. Можно бы сказать, что умъ ея обладаетъ способностью, *спеціально* предназначенной для выбора наиболѣе колкихъ и наиболѣе язвительныхъ выраженій». «При этомъ необходимо видѣть тактъ, съ которымъ совершается ихъ выборъ. При помощи двухъ, трехъ словъ, прекрасно приспособленныхъ къ обстоятельствамъ, она обрисовываетъ съ большою силой характеръ и странности лица; ея превосходство въ этомъ отношеніи поистинѣ удивительно. Наконецъ, позы, жесты, гримасы и даже тонъ голоса удивительно способствуютъ выраженію ея мыслей и значительно увеличи-

ваютъ силу ея словъ. Внѣ этой сферы г-жа М. женщина очень обыкновенная», которая, несмотря на всѣ старанія ея родителей и на переводы изъ одного учебнаго заведенія въ другое, не могла ничему научиться и теперь съ трудомъ читаетъ и пишетъ. Поразительное, какъ видите, соотвѣтствіе особенностей самочувствія настроенія и направленія влеченій и мышленія.

Въ случаяхъ болѣе или менѣе болѣзненно напряженнаго подсказыванія господствующими тонами самочувствія опредѣленныхъ влеченій и мыслей, послѣднія достигаютъ уже степени болѣе или менѣе яркихъ галлюцинацій. Человѣку слышатся голоса, настойчиво нашептывающіе ему то или другое дѣйствіе, или видятся увлекающіе его образы.

Таковъ механизмъ сложнаго чувства собственнаго существованія или самочувствія и такова сила и объемъ его вліянія.

Не трудно понять, какое разнообразіе сложныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ самочувствія, а слѣдовательно и разновидностей настроеній, лежащихъ въ основѣ разновидностей характеровъ, можетъ и дѣйствительно получается въ результатѣ различныхъ количественныхъ комбинацій различныхъ системныхъ чувствованій. Отъ чрезмѣрнаго преобладанія въ обычномъ самочувствіи той или другой категоріи системныхъ чувствованій и, особенно, отъ ихъ извращеній могутъ происходить всевозможныя странности, дефективности и даже уродства характера, а вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ зарождаться и различныя болѣе или менѣе неудержимыя, странныя и уродливыя влеченія.

Различіемъ въ развитіи у отдѣльныхъ личностей различныхъ органическихъ системъ,—различіемъ, зависящимъ отъ различій въ количествѣ упражненій различныхъ органовъ не только въ теченіе жизни самого индивида, но и въ теченіе жизни его восходящихъ, удовлетворительно объясняется, какъ

съ психологической, такъ и съ физіологической стороны, повседневно наблюдаемое и рѣзко бросающееся въ глаза различіе въ напряженности у этихъ личностей различныхъ функцій, отъ котораго, на основаніи всего извѣстнаго намъ о механизмѣ организма, мы въ правѣ заключать къ неровномѣрному развитію ихъ органовъ. Здѣсь я приведу описанія различныхъ типовъ неуровновѣшенности въ развитіи однихъ органическихъ системъ съ ихъ специфическими системными чувствованіями на счетъ всѣхъ остальныхъ, при чемъ, для большей яркости противоположенія, приведу и примѣры усиленнаго преобладанія въ развитіи высшихъ органовъ съ вытекающими изъ ихъ наклонности къ повѣшенной дѣятельности болѣе или менѣе властными и принудительными специфическими влеченіями. Одинъ изъ примѣровъ послѣдняго рода намъ представляетъ знаменитый Моцартъ. Будучи еще трехъ лѣтъ отъ роду, онъ уже съ величайшимъ удовольствіемъ отыскивалъ терціи на фортепіано. Съ этихъ раннихъ поръ усиленное и обусловленное прирожденными особенностями развитіе однѣхъ частей организаціи уже рѣзко проявлялось и необходимо было слѣдить, чтобы ребенокъ не забывался за фортепіано. Его чувствительность къ звукамъ, ясно указывающая на усиленную и богатую инервацію соотвѣтствующихъ органовъ, была на столько велика, что звукъ трубы вызывалъ у него конвульсіи. Гайденъ также съ самого ранняго возраста испытывалъ величайшее наслажденіе при звукахъ музыки, которую онъ всегда предпочиталъ всѣмъ дѣтскимъ играмъ. Усиленное развитіе опредѣленныхъ частей организаціи ясно проявлялось и у него въ необычайномъ влеченіи къ музыкѣ; оно деспотически заставляло его, еще восьмилѣтняго ребенка, усиленно заниматься ею по 16 и 17 часовъ въ сутки, рѣшительно забывая о привлекательныхъ

для всѣхъ другихъ дѣтей дѣтскихъ играхъ. Подобно этому Микель-Анджело проявлялъ усиленную раннюю склонность къ краскамъ и рисованію.

Еще болѣе рельефный примѣръ преобладанія въ развитіи однихъ органовъ и органическихъ системъ и обусловливаемыхъ ими влеченій надъ другими намъ представляетъ полная лишеній жизнь венгерскаго ученаго Mentelli, который, не смотря на свои обширныя знанія, открывавшія ему широкій путь въ жизни, отказался отъ всего и все принесъ въ жертву своему неодолимому и ненасытному влеченію къ знанію. Полный жажды знанія бѣднякъ Mentelle покинулъ родную страну, чтобы пѣшкомъ выходить всю Европу, все увидѣть, все узнать. Въ Парижѣ, подъ игомъ своего влеченія, онъ отказался отъ возможной для него и хорошо оплачиваемой каѳедры и поселился въ плохо сколоченной лачугѣ въ саду, гдѣ всецѣло и предался своимъ занятіямъ. Онъ спалъ въ ящикѣ и выходилъ только одинъ разъ въ недѣлю, чтобы давать урокъ, который и доставлялъ ему средства существованія. Болѣе одного урока онъ не бралъ. Во время своего выхода онъ закупалъ и провизію на цѣлую недѣлю. Послѣдняя состояла изъ хлѣба и кортофеля, которыми онъ питался, и масла, которое онъ жегъ въ лампѣ во время своихъ занятій. Питьемъ для него служила вода. Особенности организаціи Mentelli уже ясно проявлялись въ томъ, что, при всѣхъ своихъ лишеніяхъ, онъ регулярно работалъ по двадцати часовъ въ сутки. Одинъ лишній кусокъ пищи производилъ уже разстройство въ его организмѣ, а одинъ стаканъ вина вызывалъ у него лихорадочныя явленія. Въ 1814 году онъ не имѣлъ уроковъ и вынужденъ былъ обратиться въ одно заведеніе. «Очень немного пищи»,—сказалъ онъ, обращаясь къ профессору,—«съ меня будетъ достаточно; для помѣщенія я удовольствуюсь всякимъ угломъ, а денегъ мнѣ вовсе не

надо. Доставьте мнѣ то, что я прошу у васъ, и я вамъ обѣщаю употребить всѣ усилія, чтобы быть полезнымъ». Оказалось, что онъ въ совершенствѣ знаетъ латинскій и греческій языки и ихъ литературу. Онъ получилъ занятія и принялся за свою прежнюю жизнь. Онъ отказался отъ употребленія бѣлья, носилъ грязные лохмотья до тѣхъ поръ, пока они не сваливались, и позволялъ себѣ одну только роскошь,—покупать разъ въ недѣлю немного лакомствъ, которыя онъ съ наслажденіемъ раздавалъ дѣтямъ. Онъ отличался всегда необычайною ровностью характера, спокойствіемъ, пріятнымъ настроеніемъ и ясностью ума. Онъ не чувствовалъ никакихъ неудобствъ и ни на что не жаловался. Когда однажды друзья и поклонники прислали ему въ подарокъ множество платья, онъ было надѣлъ нѣкоторое, но потомъ сложилъ все въ коробъ, и пошелъ продавать, чтобы вырученныя деньги употребить на покупку книгъ. Во время осады Парижа союзниками, бомбы ихъ начали падать въ садъ, гдѣ жилъ Mentelli. Его пришли предупредить объ опасности и застали за какою-то задачей. Онъ поднялъ голову и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ сказалъ пришедшимъ: «Что эти бомбы имѣютъ общаго со мной? оставьте ихъ падать, но и оставьте меня въ покоѣ». Mentelli утонулъ въ 1836 году, имѣя 60 лѣтъ отъ роду. Въ теченіе своей многолѣтней жизни онъ всегда оставался вѣренъ себѣ и всегда былъ самимъ собою. Въ немъ мы наблюдаемъ человѣка съ сравнительно мало развитыми органическими системами жизни растительной и, напротивъ, усиленно развитыми системами органовъ жизни мыслительной. Послѣдніе, какъ значительно сильнѣйшіе, и предъявляютъ свои повелительныя требованія, господствуютъ надъ всѣми остальными безъ протеста, придаютъ особый отпечатокъ всему существу и опредѣляютъ ихъ обладателя къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ.

Въ лицѣ Mentelli мы имѣемъ передъ собою типъ личности не вполнѣ уравновѣшенной,—съ усиленнымъ развитіемъ влеченій высшаго порядка. Теперь познакомимся съ личностью, также не уравновѣшанной, но инаго, низшаго типа, у которой влеченія низшаго порядка господствуютъ надъ всѣмъ существомъ и ярко опредѣляютъ особенности ея нравственной окраски.

Въ какой мѣрѣ Mentelli посвятилъ всѣ свои силы на служеніе своему ненасытному влеченію къ знанію, въ такой же мѣрѣ субъектъ, о которомъ теперь пойдетъ рѣчь, посвятилъ ихъ на служеніе влеченіямъ и аппетитамъ своего желудка, которые налагали рѣзкій отпечатокъ на все его душевное существо. Это нѣкто Н., су-префектъ въ Альзасѣ, бывшій на весьма далекое разстояніе извѣстнымъ своею необычайною любовью къ ѣдѣ и своимъ обжорствомъ. Не проходило ни одного обѣда, ни одного собранія съ ѣдой, на которое Н. не явился бы участвовать. Онъ какъ бы чутьемъ угадывалъ такое собраніе и всегда являлся вовремя. Къ большимъ обѣдамъ онъ готовился долгимъ искусомъ, напередъ предвкушая ожидаемое наслажденіе. Всѣ его помыслы были сосредоточены на ѣдѣ и поглощены ѣдой. Онъ искренно уважалъ только гастрономовъ и поваровъ. Когда одинъ изъ его знакомыхъ оставилъ однажды званный обѣдъ, не дождавшись его окончанія, то, при первой встрѣчѣ съ нимъ, Н. сказалъ ему: «Бѣдный, какъ вы могли оставить такой обѣдъ, когда еще предстояло два блюда? Какое продолжительное наслажденіе они доставили бы мнѣ»! Узнавъ о смерти сестры Марты, матери солдатъ и героини великой арміи, о которой всѣ много говорили, онъ, воскликнулъ, обращаясь къ собесѣдникамъ: «Вы говорите только о сестрѣ Мартѣ, тогда какъ намъ угрожаетъ большое бѣдствіе; Riffenac, бѣдный

Riffenac теперь въ опасности, и если мы потеряемъ этого повара, имѣющаго европейскую извѣстность, то кто намъ замѣнитъ его когда-нибудь? Это будетъ, я полагаю, потеря гораздо большая, нежели ваша сестра Марта».

Въ этой оцѣнкѣ сказался весь человѣкъ. При этомъ въ ней интересно наблюдать, какъ чувствованія отъ усиленно развитыхъ органовъ—въ данномъ случаѣ чувствованія желудочныя,—какъ бы одѣваются соотвѣтствующими представленіями, фиксируютъ мысль на опредѣленныхъ предметахъ и придаютъ всему мышленію особую желудочную окраску, если можно такъ выразиться.

Убранству стола Н. всегда придавалъ громадное значеніе, а потому еще за 2 дня до смерти своей жены онъ уже готовилъ тарелки для ея похороннаго пира. Часто и чрезмѣрно удовлетворяя своему господствующему влеченію, на которомъ сосредоточивался интересъ всей его жизни, Н. столь же часто страдалъ усиленными и болѣзненными разстройствами пищеваренія. Въ одинъ изъ такихъ приступовъ, на увѣщанія д-ра Morel'я о воздержности, Н. отвѣтилъ: «Не говорите мнѣ никогда о діэтѣ. Я довольствуюсь чашкой чая только въ тѣ дни, когда долженъ съѣсть больше. Что же дѣлать, докторъ? Ѣсть—это мое единственное наслажденіе». И это наслажденіе погубило Н.

Однажды онъ давалъ обѣдъ и съ утра занимался пробою различныхъ блюдъ, закусокъ и дессертовъ. Наконецъ, гости собрались, но хозяинъ еще до начала стола долженъ былъ удалиться. Долго не видя его возвращенія, приглашенные начали безпокоится и отправились на поиски. Было, однако, уже поздно: Н. палъ жертвою своего влеченія, которое деспотически господствовало надъ нимъ въ теченіе всей его жизни. Онъ, очевидно, принадлежалъ къ тому типу желудочныхъ лич-

ностей, которыя, при видѣ или при мысли о съѣдобномъ, начинаютъ захлебываться, теряютъ всякое равновѣсіе духа и самообладаніе, усиленно возбуждаются и приходятъ въ состояніе, близкое къ состоянію экстаза,—когда весь окружающій міръ со всѣми послѣдствіями связи явленій исчезаетъ изъ сознанія и въ немъ господствуютъ только мощные тоны усиленно вибрирующаго и возбужденнаго влеченія.

Другой субъектъ того же типа организаціи, хотя и нѣсколько иной разновидности, нѣкто М., также посвятилъ всю свою жизнь служенію своему желудку. Онъ изъѣздилъ всѣ мѣстности Франціи, хотя чѣмъ либо замѣчательныя по съѣдобной части. Онъ ревностно изучалъ физіологію пищеваренія, а также исторію и путешествія, но съ кулинарной точки зрѣнія. Онъ прекрасно зналъ и любилъ разсказывать, въ какомъ году, при какомъ королѣ, что изъ съѣдобнаго, кѣмъ и откуда вывезено. Онъ почти ни о чемъ не говорилъ болѣе, какъ только о гастрономіи и посвящалъ все свое свободное время рѣшенію трудныхъ кулинарныхъ задачъ и съ этою цѣлью производилъ многообразные опыты. М., повидимому, и самъ понималъ значеніе подобнаго типа организаціи. «Если дѣло идетъ о выборѣ начальника»,—говорилъ онъ,—«и если выбираемый имѣетъ большіе рѣзцы, отвергните его: это грызунъ народа. Если онъ имѣетъ большіе клыки, отвергните также, потому что онъ истерзаетъ его. Если выступающій кандидатъ обладаетъ широкими коренными зубами, берегитесь подавать за него голосъ: это великій ѣдокъ, а эта раса людей постоянно перевариваетъ, и такъ какъ пищевареніе поглощаетъ умственныя способности, то онъ будетъ постоянно спать на скамьяхъ центра и будетъ просыпаться только для того, чтобы выкрикнуть о закрытіи засѣданія для ускоренія времени своего обѣда».

Къ тому же типу принадлежалъ и знаменитый Tome Bogestone, который въ шесть лѣтъ проѣлъ состояніе въ 50 т. фунтовъ стерлин. годичной ренты. Онъ изъѣздилъ всю Европу съ гастрономическими цѣлями, не миновалъ и Россію и вездѣ издерживалъ колоссальныя суммы на свой желудокъ. Онъ имѣлъ агентовъ въ Мексикѣ, Китаѣ, Канадѣ, и пр., которые высылали ему лакомые кусочки. Оставшись съ гинеей въ карманѣ, онъ купилъ себѣ бекаса, зажарилъ его по всѣмъ правиламъ кулинарнаго искусства, далъ желудку два часа на пріятное пищевареніе, и насладившись имъ въ послѣдній разъ, пошелъ и утопился,— потому что смыслъ жизни безъ денегъ для удовлетворенія требованія его всесильнаго желудка для него былъ исчерпанъ. Онъ былъ приспособленъ только къ пищеваренію и для него только и жилъ. Мнѣ лично приходилось близко наблюдать примѣръ личности того же типа организаціи, про которую я могу сказать, что это былъ движущійся, дѣйствующій и думающій желудокъ.

Разнообразныя разновидности описанной желудочной породы были особенно распространены въ Римѣ временъ имперіи, когда, по свидѣтельству современниковъ, невоздержность, лѣнь, разгулъ, пьянство и сонъ овладѣли всѣми, когда, раскошь, погоня за наживой и чувственность достигли ужасныхъ размѣровъ, когда гордая римская знать унижалась и ползала, какъ рабъ, ради займовъ и богатыхъ наслѣдствъ, когда значительное число людей, носившихъ имя римскихъ гражданъ, превратились въ какіе то ходячіе желудки и когда послѣдніе сдѣлались богами руководящихъ классовъ римскаго общества. «За столомъ, если не посцѣетъ съѣсть чего»,— читаемъ мы описаніе нѣкоторыхъ изъ подобныхъ личностей — паразитовъ у Cud. Аполлинарія, — «такъ украдетъ; плачетъ,

если слишкомъ скоро наѣстся; жалуется на то, что все хочется пить. Хвастунъ, привыкшій къ побоямъ, любитель попьянствовать, еще бо́льшій охотникъ поклеветать, онъ, кажется, въ одно время извергаетъ изо рта и грязь, и винный запахъ. Паразитъ отличается большими ушами, какъ у слона. Носъ его съ широкими ноздрями и узкимъ переносьемъ; отсюда противный видъ и дыханіе спертое. Потомъ слѣдуетъ ротъ, окаймленный свинцовыми губами, съ звѣриною пастью, съ нечистыми деснами, желтыми зубами; изъ дупла коренныхъ, почти подгнившихъ, исходитъ удушливый запахъ, съ которымъ смѣшивается отрыжка отъ вчерашнихъ блюдъ, обременяющихъ желудокъ, и худо переваренныхъ ужиновъ. Лобъ его наморщенъ отвратительнымъ образомъ съ длинными бровями. Все лицо такъ блѣдно, какъ будто видѣнія и тѣни приходятъ пугать его. Я ничего не скажу о его тѣлѣ, одержимомъ подагрою и потопленномъ въ жиру. Умолчу и о томъ, что вслѣдствіе короткости шеи, его плечи сходятся на затылкѣ. Умолчу о его груди, обвисшей отъ жиру. Умолчу о его животѣ, опустившимся чуть не до земли... Что сказать о его спинѣ, о позвоночномъ хребтѣ? Хотя отъ него идутъ вокругъ ребра, чтобы прикрывать грудь, но этотъ вѣтвистый скелетъ затопленъ вышедшимъ изъ береговъ желудкомъ. Но, несмотря на всю безобразность частей своего тѣла, полуживой и безсильный, онъ не въ состояніи ходить безъ поддержки и является еще отвратительнѣе въ словахъ, чѣмъ въ своей внѣшности».

А вотъ и примѣры личностей другаго типа организаціи. Gall разсказываетъ про одну очень интеллигентную и хорошо воспитанную женщину, которую еще съ дѣтства одолѣвали сильныя половыя влеченія. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ она отдалась имъ необузданно, но ничто не могло удовлетворить ее,

а, напротивъ, только разжигало ея страсти. Чтобы сколько нибудь умѣрить властныя велѣнія своего темперамента, она, наконецъ, вынуждена была бѣжать изъ города въ тихое уединеніе деревни и тамъ предаться занятіямъ садоводствомъ. Черезъ нѣсколько времени, вернувшись снова въ городъ, она увлеклась на старый путь, вслѣдствіе чего снова была вынуждена бѣжать въ деревню, по возвращеніи изъ которой она совѣтовалась съ Gall'емъ, причемъ разсказывала ему: «Повсюду меня преслѣдуютъ самые похотливые образы; демонъ сладострастія преслѣдуетъ меня безостановочно вездѣ, во время обѣда, даже во время сна; я представляю предметъ отвращенія для самой себя». Тотъ же авторъ разсказываетъ про одного очень талантливаго и хорошо воспитаннаго молодого человѣка, мысль котораго съ самаго дѣтства тяготѣла къ области эротизма. Съ своими усиленными похотливыми влеченіями онъ старался бороться при посредствѣ развитой въ немъ наклонности къ набожности. Впослѣдствіи, когда онъ зажилъ самостоятельной жизнію, онъ съ безпокойствомъ замѣтилъ, что часто ему было весьма трудно отвлечь свое вниманіе отъ преслѣдовавшихъ его повсюду сладострастныхъ образовъ и сосредоточивать его на важныхъ и даже нетерпящихъ отлагательства дѣлахъ. Все его существо было какъ бы пропитано грубой чувственностью.

У личностей этого типа организаціи, также весьма многочисленныхъ въ Римѣ временъ упадка, ихъ преобладающія влеченія въ большей или меньшей степени опредѣляютъ все направленіе жизни и дѣятельности и удовлетвореніе этихъ влеченій становится главной, а иногда и исключительной ихъ цѣлью. Разительный примѣръ этого рода приведенъ, между прочимъ, въ картинной галлереѣ неуравновѣшенныхъ личностей д-ра Trélat.

Это нѣкая, V. женщина 73 л., заключенная въ Sâlpètriere

вслѣдствіе ея неудержимыхъ похотливыхъ влеченій и вызываемыхъ ими скандальныхъ эксцессовъ. Влеченія эти владѣли ею съ ранняго возраста и до самой ея смерти. Наружно, въ выраженіи лица, позахъ, жестахъ и словахъ она всегда была вполнѣ сдержанна и прилична, но стоило ей только остаться наединѣ съ мужчиною, молодымъ или старымъ и даже ребенкомъ, чтобы она «атаковала ихъ съ дикой энергіей», по выраженіи Trélat. Она всѣми способами вызывала мужчинъ и, не смотря на горе, причиняемое роднымъ, и всѣ примѣнявшіяся ими мѣры, не смотря на всѣ непріятности, скандалы и даже побои со стороны лицъ затронутыхъ, неудержимо продолжала свой распущенный образъ жизни, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что она была женой, матерью, а потомъ и бабушкой. «Чѣмъ болѣе она совершала эксцессовъ, тѣмъ болѣе она пріобрѣтала дородства, блеска, свѣжести». Будучи вынуждена, вслѣдствіе своей старости, въ послѣдніе годы своей жизни покупать удовлетворенія своихъ пылкихъ вожделѣній, она по цѣлымъ днямъ работала съ величайшимъ рвеніемъ, прибавляла свой заработокъ къ своей небольшой пенсіи и этимъ способомъ добывала нужныя ей деньги.

Въ недостаточностяхъ и различныхъ аномаліяхъ состава и окраски самочувствія, стоящихъ въ связи съ указанными уже соотношеніями въ особенностяхъ организаціи, и должно искать ближайшій психологическій источникъ существованія недостаточныхъ, несчастныхъ, дефективныхъ и предрасположенныхъ натуръ, которыя, при наличности неблагопріятныхъ окружающихъ условій, могутъ и дѣйствительно даютъ намъ преступниковъ. Въ эпоху паденія древняго Рима и порчи его прежнихъ нравовъ подобныя натуры, какъ уже было замѣчено выше, нарождались во множествѣ. Все это были на-

туры болѣе или менѣе неуравновѣшенныя, порочныя и дегенерированныя, но не больныя въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Но почему, спросятъ меня, вы называете всѣ описанныя явленія вырожденіемъ? Да потому, что съ физической стороны они представляютъ болѣе или менѣе рѣзкія и важныя уклоненія отъ поколѣній восходящихъ и, притомъ, уклоненія, болѣе или менѣе неблагопріятныя не только для дальнѣйшаго развитія, но и для поддержанія прежняго его уровня и для благополучной жизни. То же самое представляютъ они и со стороны психической, а также и со стороны соціальной.

Человѣкъ изначала жилъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, къ нему приспособлялся всѣми сторонами своего существа и вмѣстѣ съ нимъ и его различными частями развивался и преуспѣвалъ. Но вырождающіеся, особенно въ тѣхъ разновидностяхъ, которыя занимаютъ насъ теперь, перестали удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ обществомъ къ ихъ психическимъ проявленіямъ, а потому необходимая степень соотвѣтствія между ними и обществомъ нарушилась, и они начали болѣе или менѣе какъ бы выдѣляться изъ общества и дѣлаться болѣе или менѣе чуждыми ему, болѣе или менѣе вредными для него и обреченными, иначе говоря, вырождающимися.

Здѣсь не лишне замѣтить, что въ средѣ большой публики съ понятіемъ вырожденія почти всегда соединяется представленіе о чемъ-то очень дурномъ и отталкивающемъ. На самомъ дѣлѣ хотя и бываетъ такъ, но далеко не всегда. Явленія вырожденія не представляются однообразными и всегда одинаковыми. Существуетъ много типовъ вырождающихся, и нѣкоторые изъ нихъ болѣе или менѣе симпатичны. Для примѣра укажу хотя бы на литературный типъ

Обломова, который несомнѣнно представляетъ собою недостаточную и вырождающуюся натуру и въ то же время многими своими чертами располагаетъ къ себѣ читателя. Но уголовное право, по самому существу дѣйствій, запрещаемыхъ и караемыхъ уголовнымъ закономъ, имѣетъ дѣло преимущественно съ самыми худшими разновидностями вырожденія, у которыхъ, кромѣ основныхъ недостатковъ ихъ существа, развивается еще много производныхъ—необходимыхъ слѣдствій ихъ порочной и преступной карьеры.

Конечно, какъ и повсюду въ природѣ, въ сферѣ преступленія не легко провести рѣзко-разграничительныя линіи между вырождающимися, населяющими пріюты и лечебниницы для душевно-больныхъ, подъ именемъ страдающихъ folie de caractère, folie lucide, folie d'action и т. д., и вырождающимися, населяющими тюрьмы. Здѣсь все вопросъ мѣры и количества, здѣсь все безчисленные и неуловимые переходы. Но хотя между преступниками и есть душевно-больные, тѣмъ не менѣе громадное большинство ихъ вовсе не больные въ точномъ смыслѣ этого слова, а только болѣе или менѣе недостаточныя, неуравновѣшанныя, порочныя и вырождающіяся натуры.

При этомъ самъ собою напрашивается вопросъ о такъ называемыхъ случайныхъ преступникахъ, въ противоположность профессіональнымъ. Я, конечно, не имѣю возможности останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ въ той мѣрѣ, въ какой онъ бы того заслуживалъ. Замѣчу лишь, что и этотъ вопросъ есть также вопросъ мѣры и количества.

Недостатки и порочности натуры въ однихъ случаяхъ могутъ быть настолько сравнительно незначительны, что ихъ неблагопріятное вліяніе будетъ достаточно сильно проявляться и предрасполагать къ преступленію только при наличности исключительно неблагопріятныхъ положеній, въ которыя чело-

вѣкъ попадаетъ не часто. Конечно, общее субъективное основаніе преступности будетъ налицо и въ этихъ случаяхъ, но оно будетъ сравнительно слабо развито и выражено и притомъ, конечно, будетъ выражено въ самыхъ различныхъ степеняхъ, смотря по индивидуальностямъ.

Въ другихъ случаяхъ такъ называемой случайной преступности недостатки и пороки натуры, предрасполагающіе къ преступленію, при наличности неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, могутъ быть преходящими или, иначе говоря, могутъ быть результатами временныхъ, болѣе или менѣе длительныхъ и болѣе или менѣе устойчивыхъ психофизическихъ состояній, изъ которыхъ и слагается жизнь человѣка, представляющаго собою величину, постоянно болѣе или менѣе измѣняющуюся и колеблющуюся. На этой измѣняемости и основывается возможность приспособленія, воспитанія и перевоспитанія, которыя у различныхъ личностей совершаются, конечно, въ различной мѣрѣ трудно или легко. Нѣкоторыя изъ этихъ временныхъ уклоненій и длящихся состояній могутъ быть настолько неблагопріятны для душевнаго равновѣсія, что по своему вліянію на дѣятельность въ данное время основательно могутъ быть приравнены къ стойкимъ и важнымъ недостаткамъ и порокамъ натуры, чему можно привести множество примѣровъ.

Конечно, утвержденіе, что каждый преступникъ есть вырождающаяся натура, въ этой его общей формѣ можетъ казаться страннымъ для многихъ мало знакомыхъ съ вопросомъ и съ его фактической стороной. Скажутъ, неужели всякій здоровенный преступникъ, повидимому, не представляющій ничего особеннаго, есть вырождающійся? Но такія замѣчанія обыкновенно вызываются общимъ недостаткомъ, который присущъ всѣмъ общимъ опредѣленіямъ. Нигдѣ въ природѣ нѣтъ тождествъ, а всегда степени, цвѣта и оттѣнки, изъ которыхъ

пограничные часто до крайности трудно поддаются опредѣленіямъ.

До сихъ поръ мы говорили объ одномъ изъ факторовъ преступленія; теперь остановимся и на другомъ—вліяніи окружающихъ условій.

Всѣ особенности натуры развиваются мало-по-малу подъ непосредственнымъ вліяніемъ окружающей среды. Таковъ общій законъ, и таковъ законъ частный, управляющій формированіемъ недостаточныхъ, дурно-уравновѣшенныхъ и порочныхъ натуръ. Онѣ развиваются и подготовляются мало-по-малу иногда въ теченіе личной, а большею частію въ теченіе жизни поколѣній подъ вліяніемъ особенностей ежедневныхъ упражненій, привычекъ и нравовъ, которые представляютъ продуктъ жизни даннаго общества и въ данное время его существованія. Отсюда связь ясна. Очевидно, что вопросъ о преступности, тѣсно связанный съ вопросомъ о формированіи дурныхъ, порочныхъ и предрасположенныхъ натуръ, есть въ то же время и тотъ общественный вопросъ, который волнуетъ современныя общества.

Когда недостаточныя и порочныя натуры уже сформировались, тогда мы имѣемъ передъ собою готовый результатъ, который, при наличности предрасполагающихъ условій, даетъ мѣсто своимъ слѣдствіямъ: два фактора преступленія, будучи даны, образуютъ свою равнодѣйствующую—преступную дѣятельность. Поэтому для успѣшности борьбы съ преступленіемъ необходимо прежде всего дѣйствовать противъ причинъ, порождающихъ предрасположенныя натуры.

Одно наказаніе рѣшительно недостаточно. Будучи даже совершенно правильно организовано, оно можетъ уменьшать и иногда совсѣмъ уничтожать наклонность къ преступленію у предрасположенныхъ натуръ, уже подпавшихъ подъ наказаніе

и пришедшихъ въ тюрьму. Временно оно можетъ иногда удерживать страхомъ нѣкоторыя изъ такихъ натуръ отъ совершенія того или другого преступленія или проступка, но оно, какъ насъ учитъ опытъ вѣковъ, рѣшительно безсильно удерживать всѣ предрасположенныя натуры навсегда, а главное оно рѣшительно безсильно задержать увеличивающееся нарожденіе предрасположенныхъ натуръ, которыя безпрестанно приходятъ увеличивать ряды арміи преступленія. А между тѣмъ и дѣйствительное число приступниковъ не представляется точной мѣрой общественной опасности, проистекающей изъ указаннаго источника. Преступленіе только одинъ изъ симптомовъ болѣзни общественнаго организма, но далеко не единственный.

Однѣ изъ недостаточныхъ и порочныхъ натуръ совершаютъ преступленія и уходятъ въ тюрьмы и ссылки, а другія остаются въ обществѣ. Не совершая преступленій, онѣ тѣмъ не менѣе совершаютъ много зла и много содѣйствуютъ порчѣ и развращенію всего, приходящаго съ ними въ соприкосновеніе.

Только широкія мѣры предупрежденія, направленныя на то, чтобы поменьше нарождалось недостаточныхъ, неуравновѣшенныхъ и потому предрасположенныхъ натуръ, могутъ дать серьезныя улучшенія въ дѣлѣ борьбы съ преступленіемъ. Безъ этого— нужно сознаться въ томъ—нѣтъ достаточныхъ шансовъ.

На это возразятъ, конечно, что борьба съ преступностью въ такихъ формахъ крайне трудна и даже невозможна. Но понятіе о трудности—понятіе относительное. Почти все становится болѣе или менѣе легко и возможно, когда всѣ дѣятельно желаютъ, а дѣятельно желаютъ, когда хорошо понимаютъ и ясно предвидятъ всѣ слѣдствія. Конечно, борьба въ такихъ формахъ требуетъ не мало труда и усилій. Но что не требуетъ ихъ? Развѣ легко выносить громадный бюджетъ преступ-

ленія и бюджеты всѣхъ тѣсно связанныхъ съ нимъ областей? А между тѣмъ мы выносимъ ихъ.

Въ рукахъ современнаго государства и общества, располагающихъ всѣми почти необъятными успѣхами науки и техники, сосредоточены могущественныя средства. Одно изъ нихъ и притомъ одно изъ важнѣйшихъ—правильная и разумная организація общаго воспитанія и образованія, которыя — особенно первое—приспособляютъ человѣка къ жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ и дисциплинируютъ массы, развивая въ нихъ внутренніе задерживающіе элементы и усиливая ихъ способность разумно руководить своими дѣйствіями. Поэтому воспитаніе и образованіе, и преимущественно первое, по справедливому замѣчанію Macdonald'a, представляютъ собою надежнѣйшее средство предупрежденія.

Помимо этого въ рукахъ государства и общества есть и много другихъ средствъ упорядоченія и улучшенія. Для примѣра укажу хотя бы на борьбу съ алкоголизмомъ. Извѣстно, что однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ преступности является алкоголизмъ, который деградируетъ человѣка, подтачиваетъ нравственность, разъѣдаетъ семьи, наполняетъ тюрьмы преступниками, а рабочіе дома и учрежденія для бѣдныхъ—бродягами, нищими, пауперами, и который, будучи искуственно прививаемъ, развращаетъ даже животныхъ и дѣлаетъ ихъ нарушителями основныхъ условій ихъ общежитія. Успѣшно бороться съ этимъ великимъ зломъ одними карательными и ограничительными средствами, конечно, невозможно. Алкоголизмъ массъ несомнѣнно имѣетъ глубокіе корни и зависитъ отъ важныхъ причинъ. Крайняя неблагопріятность весьма многихъ жизненныхъ положеній, обездоленность, необходимость постоянно напрягаться далеко сверхъ мѣры данныхъ природою силъ и чрезъ то постоянно и постепенно истощаться и

т. д. — вотъ только нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ причинъ широкаго распространенія алкоголизма въ современныхъ обществахъ. Не даромъ говорятъ, что пьютъ съ радости и горя. Но, конечно, пьющихъ и заливающихъ до алкоголизма съ радости сравнительно немного, тогда какъ пьющихъ съ горя и незадачи — легіонъ. Одними запрещеніями много сдѣлать нельзя. Но государство имѣетъ и другія средства. Оно можетъ воспользоваться живыми силами въ самомъ обществѣ и направить ихъ на борьбу со зломъ. Оно можетъ возбудить общественное вниманіе и сосредоточить его на вопросѣ и тѣмъ самымъ подготовить общественное мнѣніе, безъ чего невозможно глубоко-захватывающая дѣятельность. Оно можетъ организовать всестороннее изученіе и обсужденіе явленія, его многочисленныхъ причинъ и дѣйствительныхъ мѣръ борьбы съ нимъ въ обширныхъ собраніяхъ научно-подготовленныхъ спеціалистовъ, можетъ широко распространять свѣдѣнія о дебатахъ и заключенія такихъ собраній и тѣмъ самимъ, и многимъ другимъ возбуждать и стимулировать общественное вниманіе и частныя усилія въ самыхъ различныхъ пунктахъ территоріи. Наконецъ, оно можетъ приходить на помощь начавшейся частной работѣ, направленной на ослабленіе и устраненіе глубокихъ причинъ алкоголизма, и можетъ поддерживать ее своими могущественными средствами и т. д. Однимъ словомъ, возможно многое и очень многое, лишь бы было желаніе и ясное пониманіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Неуравновѣшенные наслѣдственники и ихъ вліяніе на строй общественной жизни.

Съ развитіемъ за послѣднее время, съ одной стороны, физіологіи вообще и физіологіи нервной системы въ частности, а съ другой — психіатріи или патологіи души, понемногу стали вскрываться и тайники душевной жизни. Психологія получила, наконецъ, прочныя основы, понемногу начала занимать неоспоримо принадлежащее ей мѣсто въ семьѣ другихъ наукъ или, правильнѣе, отдѣловъ науки и стала оказывать постоянно возрастающее вліяніе на обществовѣдѣніе. Только почти полное отсутствіе научной психологіи могло и въ прежнее время обусловливать обособленную разработку соціальныхъ наукъ, почти внѣ всякой связи съ науками естественными, разрабатывавшимися путемъ опыта и наблюденія. Разъ психологія становится на научную почву,—она неминуемо должна сдѣлаться базисомъ наукъ общественныхъ и ихъ необходимою связью съ науками естественными *) составляющими съ первыми одинъ восходящій и постоянно осложняющійся рядъ. Иначе и быть не можетъ. Слагающей единицей или клѣточкой, изъ которыхъ составляется общество — это крайне сложное цѣлое—

*) Въ этомъ случаѣ я придерживаюсь общераспространенной, но едва ли правильной терминологіи. И обществовѣдѣніе, поставленное на правильныя основы, должно быть отнесено къ числу наукъ естественныхъ

является человѣкъ, и жизнь общества слагается исключительно изъ многообразныхъ дѣйствій и отношеній общественныхъ единицъ,—отдѣльныхъ людей. Дѣйствія же и взаимныя отношенія послѣднихъ представляютъ собою не болѣе, какъ обнаруженіе, проявленіе или выраженіе во-внѣ по большей части процессовъ сознанія, корни которыхъ въ свою очередь, какъ все яснѣе и яснѣе показываетъ подвигающееся впередъ изученіе, уходятъ въ глубь процессовъ безсознательно-растительной и инстинктивной жизни. Отсюда же слѣдуетъ, что многообразныя дѣйствія и взаимныя отношенія людей, *изъ которыхъ слагается вся общественная жизнь,* представляютъ собою не болѣе, какъ проявленіе и выраженіе во-внѣ всей совокупности органическихъ процессовъ какъ сознательныхъ, такъ и безсознательныхъ, однимъ словомъ, всего психофизическаго человѣка. Для поясненія сказаннаго возьмемъ, напр., человѣка съ нервно-истерическимъ темпераментомъ, осложняющимся и другими органическими особенностями, являющимися результатомъ органической неуравновѣшенности. Такой темпераментъ будетъ представлять собою «федерацію», какъ удачно выражается д-ръ Bouchut, различныхъ особенностей во всѣхъ областяхъ душевной жизни и будетъ придавать его обладателю своеобразную психическую окраску, не давая въ то же время достаточныхъ основаній отнести его къ числу людей больныхъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Самое большее—мы назовемъ такую личность личностью нервною, а такихъ въ настоящее время великое множество.

Теперь посмотримъ, что намъ представитъ она? Прежде всего постоянно рѣзкія колебанія настроенія отъ ясно выраженной подавленности къ столь же ясно выраженной возбужденности черезъ цѣлый рядъ посредствующихъ ступеней, и при томъ колебанія не мотивированныя, иначе говоря, пови-

димому, не обусловленныя никакими внѣшними причинами, которыя, какъ учитъ опытъ, вызываютъ такія рѣзкія колебанія у другихъ людей. Передъ нами будетъ хамелеонъ, быстро и рѣзко измѣняющій свои душевныя цвѣта, если можно такъ выразиться. У этого хамелеона, съ измѣненіемъ его настроенія, всегда будетъ измѣняться и его мышленіе какъ количественно, такъ и качественно, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко будетъ колебаться и характеръ его отношеній къ окружающимъ, и нашъ субъектъ будетъ превращаться изъ пессимиста въ оптимиста, изъ человѣка, повидимому, благожелательнаго въ узкаго эгоиста и пр., переходя часто черезъ стадіи спокойнаго отношенія. На ряду съ этимъ мы часто замѣтимъ въ немъ и другія второстепенныя психическія особенности: раздражительность, дурно сосредоточенное вниманіе, часто импульсивность, неуравновѣшенность, лицемѣріе, лживость, отсутствіе устойчиваго уваженія къ чему либо, неустойчивость воли, усиленно развитое самолюбіе, страстное желаніе показываться, быть на виду, возбуждать собою удивленіе окружающихъ и проч., однимъ словомъ, по выраженію Legrand du Saulle, мы найдемъ въ немъ личность «ни разумную, ни безумную», извѣстную на научномъ языкѣ подъ именемъ личности дурно уравновѣшенной, предрасположенной, вырождающейся. Повседневный опытъ, не находя иныхъ, болѣе удовлетворительныхъ объясненій, обыкновенно отмѣчаетъ такую личность именемъ человѣка страннаго. Эта кличка, конечно, не объясненіе, потому что она не выясняетъ никакой связи явленій, но въ то же время она представляетъ собою вѣрное констатированіе факта. Впрочемъ, чтобы лучше выяснить все сказанное, приведемъ, вмѣсто общихъ описаній, конкретный и рѣзко выраженный примѣръ. Его я заимствую изъ сочиненія того же Legrand du Saulle—«Les hystériques».

Передъ нами молодая дѣвушка, которая *въ періодъ половой зрѣлости* (этотъ періодъ, какъ извѣстно, представляется крайне критическимъ для наслѣдственниковъ) стала проявлять нѣкоторые признаки истеричности, а на ряду съ ними и усиленную наклонность къ воровству. Родители поэтому считали нужнымъ особенно развивать въ ней религіозныя чувства, подъ вліяніемъ которыхъ она стала отличаться усиленной набожностью.

Двадцати лѣтъ она вступила послушницей въ монастырь. Здѣсь она сдѣлалась сварлива, странна и крайне тщеславна. Она обманывала довѣріе всѣхъ, выдумывала множество лживыхъ разсказовъ, которые влекли за собою иногда непріятныя послѣдствія для общины, писала анонимныя письма, обвинила одного священника въ томъ, *что онъ ее изнасиловалъ*, и, наконецъ, бѣжала изъ монастыря.

Водворенная въ родительскомъ домѣ, она почти постоянно занималась чтеніемъ романовъ, говорила неприличности, принимала на улицахъ вызывающія позы и была мученіемъ для семьи, которая, чтобы сложить съ себя тягостную отвѣтственность, рѣшила выдать ее замужъ.

Два первые года замужества прошли вполнѣ спокойно и счастіе новой семьи, повидимому, оправдывало рѣшеніе родителей. Это продолжалось, однако, не долго. Послѣ двухъ послѣдовательныхъ родовъ, молодая мать (вѣроятно органически нѣсколько ослабленная) начала *пить водку*, *бить своего мужа и прислугу*, воровать въ магазинахъ *и посѣщать развратныхъ женщинъ*. Тогда супруги разлучились и молодая женщина вскорѣ исчезла. Впослѣдствіи узнали, что одинъ коммерсантъ, прельщенный ея красотой, увезъ ее за-границу, гдѣ она вела самую постыдную жизнь, была осуждена на шесть мѣсяцевъ заключенія за умышленіе

и покушеніе на убійство (здѣсь я обращаю вниманіе читателя на крайне интересные и важные въ психологическомъ отношеніи переходы: усиленная набожность, половыя, повидимому, галлюцинаціи (обвиненіе священника), усиленная похотливость, жестокость, буйность и душевное движеніе въ направленіи къ убійству), занималась *проституціей* и умерла двадцати семи лѣтъ въ госпиталѣ, зараженная сифилисомъ.

Какъ уже замѣчено выше, мы нарочно выбрали очень рѣзко выраженный примѣръ личности нервно-истеричнаго типа, неуравновѣшенной со стороны половой системы, чтобы яснѣе оттѣнить читателю, повидимому, странный механизмъ различныхъ влеченій и движеній души.

Обращаясь теперь къ анализу нашего примѣра, мы спросимъ себя, что можетъ выяснить намъ въ этомъ странномъ рядѣ явленій анализъ исключительно сознательной жизни субъекта? Въ прошедшей передъ нами пестрой и безпорядочной смѣнѣ какихъ-то странныхъ и немотивированныхъ состояній души, повидимому, нѣтъ логической связи явленій. Въ ней все причудливо, измѣнчиво, нежданно, непонятно. Какъ можно такъ странно, такъ порочно, а подъ часъ и преступно хотѣть?— вотъ вопросъ, на который анализомъ логической стороны мы не подыщемъ отвѣта. Все, что могутъ дать намъ наблюденіе и анализъ смѣны исключительно сознательныхъ состояній—констатированіе факта, но не болѣе того. А между тѣмъ наблюдавшіяся нами особенности сознательной жизни, механизмъ которыхъ отъ насъ ускользаетъ, окрасили опредѣленною краскою всѣ отношенія занимавшей насъ личности ко всѣмъ ея окружавшимъ и съ нею соприкасавшимся, всѣ ея дѣйствія, однимъ словомъ, всѣ ея проявленія во-внѣ, которыя вмѣстѣ съ такими же проявленіями прочихъ людей и составляютъ

элементы общественной жизни, а стало быть и элементы объекта изученія наукъ общественныхъ. Чтобы выяснить занимающія насъ странныя особенности въ ихъ неизбѣжной связи съ другими явленіями, т. е. въ ихъ закономѣрности, намъ прійдется внимательно присмотрѣться и заглянуть въ тайники безсознательной жизни, изъ которыхъ поднимались своеобразныя ощущенія, опредѣлявшія настроеніе, а черезъ него движенія чувства, мышленіе и дѣйствія, и въ которыхъ коренятся на первый взглядъ рѣшительно непонятныя явленія.

Приведу еще одинъ демонстративный примѣръ изъ наблюденій д-ра Magnan'a (Lesons cliniques sur les maladies mentales); въ немъ ясно проявляется безсиліе волевой власти, которое такъ часто наблюдается въ сферѣ преступленія и о которой (волевой власти), напротивъ, такъ много говорятъ криминалисты.

Евгенія М...., жена В.. Она преподавательница по профессіи. Ея отецъ былъ пьяница, ея бабка съ матерней стороны кончила жизнь самоубійствомъ, ея два брата здоровы. Дѣтство ея протекало безъ болѣзней и безъ какихъ либо особенныхъ происшествій.

Въ 1850 г., будучи 20 лѣтъ, Евгенія почувствовала неодолимое влеченіе къ монашеской жизни. Послѣ многихъ колебаній со стороны родителей, она наконецъ вступила въ монастырь кармелитокъ и здѣсь съ удивительнымъ жаромъ стала выполнять самыя строгія монастырскія требованія: она дурно питалась, постилась, проводила часто почти безсонныя ночи, подвергала себя всевозможнымъ лишеніямъ и проч. Подъ вліяніемъ такого образа жизни ея отъ природы причудливое воображеніе развилось еще болѣе и направилось на чудесное.

Однажды во время молитвы она имѣла первую галлю-

цинацію: ей казалось, что ангелы явились къ ней въ келью, чтобы укрѣплять ее (интересна въ этомъ случаѣ нѣкоторая горделивость и самомнительность содержанія галлюцинаціи, которыя имѣютъ нѣкоторое діагностическое значеніе по отношенію къ такимъ личностямъ, какъ Евгенія). Тогда она впала въ экстазъ, который продолжался нѣсколько часовъ.

Среди ангеловъ Евгенія вскорѣ увидала лицо другой монахини, необычная мягкость взгляда которой произвела на нее *невыразимое впечатлѣніе*. Мало-по-малу головки ангеловъ исчезли изъ видѣнія, и экстазъ продолжался только передъ чертами лица товарки по манастырю.

Съ этого дня обѣ женщины стали искать встрѣчъ другъ съ другомъ; въ нихъ вспыхнула глубокая взаимная любовь, о которой онѣ сообщали глазами другъ другу, потому что не рѣшались говорить, и проводили дни глядя другъ на друга (весьма характерны эти состоянія зародившейся половой страсти). Этимъ, однако, отношенія не ограничились: скоро послѣдовали взаимныя ласки, а затѣмъ и взаимный онанизмъ.

Даже по прошествіи 30 лѣтъ, Евгенія, разсказывая объ этомъ происшествіи, «испытывала нѣчто, что ее приводило внѣ себя». «Это упреки, соединенные со стыдомъ, которые вызываютъ въ ней извѣстное наслажденіе». «Вы не можете себѣ представить», говорила она однажды д-ру Magnan'у, «какъ тяжело упрекать себя за воспоминаніе, которое составляетъ самое пріятное воспоминаніе моей жизни».

Подъ вліяніемъ завязавшихся отношеній, у Евгеніи явилось сильное желаніе выйдти замужъ, и она бѣжала изъ монастыря. Мужъ однако въ теченіи нѣкотораго времени не находился, и она стала тосковать о порванныхъ отношеніяхъ и о прежней жизни въ монастырѣ.

Въ періодъ этой тоски началось сватанье, имѣвшее, однако,

дурной исходъ. Горе Евгеніи было безгранично, и она покусилась на самоубійство посредствомъ угара. Вовремя подоспѣвшая помощь спасла ей жизнь.

Послѣ этой попытки Евгенія вскорѣ вышла замужъ, но не нашла въ замужествѣ искомаго удовлетворенія, и въ новой семьѣ возникли несогласія (что и нужно было ожидать, имѣя дѣло съ такимъ страннымъ и неуживчивымъ характеромъ).

Чтобы забыть ихъ, Евгенія начала пить. Она обвиняла своего мужа, который увезъ ее въ Испанію и здѣсь будто бы завелъ любовную связь. Ей надо было мало вина, чтобы напиться: три стаканчика уже «приводили ее внѣ себя» (эта особенность дѣйствія алкоголя часто наблюдается у наслѣдственниковъ). Въ такомъ состояніи она была буйна, поносила окружающихъ, дѣлала скандалы, била мужа и однажды нанесла ему удары во время большаго обѣда, въ присутствіи многихъ лицъ.

Евгенія однако отдавала себѣ отчетъ въ своемъ положеніи. Уже тогда по временамъ она чувствовала *неодолимое влеченіе къ пьянству*. Въ промежутки между приступами ей казалось, однако, что влеченіе не повторится болѣе, но не смотря на самое твердое рѣшеніе противостоять, оно снова и снова повторялось, и она снова и снова уступала ему.

Передъ приступами она бывала *печальна*, *обезкуражена*, *раздражительна и чувствовала упадокъ силъ; голова ея становилась тяжела*, *въ желудкѣ чувствовалось сжатіе и она задыхалась*. Въ такіе моменты Евгенія забывала о всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ и хорошихъ намѣреніяхъ и начинала пить, чтобы придать себѣ бодрости. Желая однако вселить въ себя отвращеніе къ вину и водкѣ, она подмѣшивала въ нихъ различныя мерзости и всетаки пила.

Вскорѣ у нея снова пробудилось влеченіе къ самоубійству, а потомъ и къ убійству: *ей хотѣлось то задушить, то зарѣзать* мужа (обращаемъ вниманіе на этотъ кровожадный какъ бы инстинктивный зудъ); иногда же у нея появлялось желаніе убить такихъ людей, къ которымъ она не питала никакого нерасположенія.

Мужу стала, наконецъ, не подъ силу такая жизнь и онъ бѣжалъ отъ жены въ Австралію. Евгенія тогда вернулась въ Парижъ, гдѣ ей сначала помогали братья. Она, однако, скоро съ ними разошлась, снова предалась пьянству и впала въ бѣдность. Промежутки между приступами стали короче, и у нея, подъ вліяніемъ запойныхъ экцессовъ, развился алкогольный бредъ. Тогда она совершила новое покушеніе на самоубійство, но неудачно, и попала въ госпиталь.

По выходѣ изъ него, она снова предалась пьянству, снова совершила три покушенія на самоубійство и за пьянство не разъ попадала въ полицейскіе посты. Къ приступамъ тоски у нея скоро присоединились галлюцинаціи: ей казалось, что братья и умершая мать укоряютъ ее. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ она выпила абсенту для храбрости и сдѣлала попытку на убійство брата, но не удачно, и снова попала въ госпиталь. Здѣсь у нея появлялась мысль о самоубійствѣ, были короткіе приступы угнетенія, въ промежутки между которыми она была вполнѣ разумна и трудолюбива.

По выходѣ изъ госпиталя, у нея повторился приступъ: она начала пьянствовать, снова появились галлюцинаціи и она опять попала въ госпиталь.

Выпущенная на свободу, Евгенія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ вела правильную жизнь и занималась работой, но потомъ, вслѣдствіе какой-то совершенно маловажной причины, почувствовала ослабленіе и начала терять сонъ. *Обыч-*

ная работа сдѣлалась для нея настолько тягостна, что она вынуждена была прервать ее. «Я видѣла, говорила она, что не могу ничего достигнуть». *Скоро ее охватила глубокая тоска.* Она жаловалась на *безпокойство* и ощущала неясныя боли, отражавшіяся отъ подложечки къ спинѣ, ощущала нѣкоторое сжатіе, отъ котораго задыхалась, какъ будто большая тяжесть сжимала ей грудь. *Малѣйшее усиліе было для нея крайне тягостно и надъ всѣмъ ея существомъ господствовало, если можно такъ выразиться, чувство непреоборимаго безсилія* (эти рѣзко выраженныя явленія весьма важны для пониманія сущности лѣни и склонности къ бездѣлію въ менѣе рѣзко выраженныхъ примѣрахъ), *которое препятствовало ей дѣйствовать и даже думать.*

Понимая значеніе этихъ предвѣстниковъ, Евгенія пыталась бороться и принимала различныя мѣры, но все было напрасно. Мало-по-малу утрачивался аппетитъ, затѣмъ ей сдѣлалось невозможно глотать говядину, и только молоко и бульонъ проходили безъ большихъ затрудненій. Она почти не спала: ее преслѣдовали кошмары, отъ которыхъ она пробуждалась, и которые повергали ее въ такой ужасъ, что она обливалась холоднымъ потомъ и не смѣла шевельнуться до свѣта. Наконецъ у нея появилась мысль о водкѣ. Въ первое время она съ энергіей гнала ее прочь. «Я пыталась бороться», разсказывала она Magnan'у, «и повторяла громкимъ голосомъ совѣты, которые вы мнѣ часто давали и которымъ, я думала, легко слѣдовать. Я угрожала себѣ всѣми несчастіями и всевозможнымъ позоромъ, которыхъ роковою причиною будетъ эта пагубная страсть; *я была увѣрена, что моя слабость приведетъ меня къ пагубѣ, но ничто не помогало, необходимо было пить*» (здѣсь

мы просимъ читателя обратить особенное вниманіе на этотъ механизмъ органически безнадежной борьбы, въ которую однако были вовлечены всѣ силы души Евгеніи). Нестерпимая жажда пожирала Евгенію, въ горлѣ у нея пересыхало, и она не выдержала, выпила первый стаканъ, думая, что онъ ей поможетъ устоять въ борьбѣ, за нимъ другой, третій и т. д., до опьяненія.

На другой день она вернулась домой, провела дома три дня, не имѣя возможности ѣсть ничего болѣе, какъ только бульонъ и молоко, и чувствуя *неодолимое отвращеніе къ вину и водкѣ*. Черезъ три дня влеченіе пробудилось снова, и она снова напилась. Сознавая, однако, свое положеніе, она провела ночь въ погребѣ, потому что совѣстилась вернуться домой, боясь встрѣтить кого либо изъ жильцевъ. Утромъ она, наконецъ, рѣшилась пробраться въ свою комнату и пробыла тамъ два дня, по прошествіи которыхъ влеченіе загорѣлось снова. Дѣлая попытку устоять противъ него, она купила ревеню и примѣшала его къ литру вина и двумъ стаканамъ водки. Ночью она принялась за свою смѣсь, ее вырвало, но тѣмъ не менѣе она докончила все и затѣмъ полупьяная снова отправилась покупать вино и водку. Подъ вліяніемъ стыда и отчаянія она, однако, сдѣлала новую попытку удержаться, и съ этою цѣлью примѣшала къ водкѣ собственныя испражненія и поставила на ночь смѣсь около себя. Разбуженная кашмаромъ, она съ проклятіями и послѣдующей рвотой выпила часть этой отвратительной смѣси и заснула съ вонючимъ вкусомъ во рту. Скоро она проснулась снова и допила остатокъ. «Я имѣла рѣшительное желаніе», разсказывала она, «возможно скорѣе потерять разсудокъ, чтобы не присутствовать долѣе при моемъ собственномъ позорѣ».

Остатокъ ночи Евгенія провела съ страшными галлюци-

націями. На другой день она сдѣлала попытку самоубійства, но была удержана, и спустя нѣкоторое время опять попала въ госпиталь.

Здѣсь у нея повторился приступъ со всѣми своими уже извѣстными намъ особенностями, съ полнымъ измѣненіемъ всего ея духовнаго существа и съ галлюцинаціями, которыя — что особенно интересно — были двухстороннія: съ лѣваго уха она всегда слышала непріятныя вещи, ругательства и упреки, а съ праваго, напротивъ, всегда слова ободренія, которыя по временамъ ей говорилъ Богъ.

Такова картина бурной психической жизни этого страннаго и наслѣдственно отмѣченнаго существа. Въ ней мы встрѣчаемся съ явленіями, отчасти извѣстными намъ и изъ нашей собственной душевной жизни, но только съ явленіями, *по ихъ интензивности* нѣсколько странно окрашенными. Впрочемъ, эта странная окраска не измѣняетъ ихъ существа, а только болѣе оттѣняетъ ихъ механизмъ и тѣмъ освѣщаетъ многое и въ явленіяхъ такъ называемой нормальной психической жизни. Поэтому, не смущаясь названіемъ дипсоманіи, мы отмѣтимъ въ представленной картинѣ нѣкоторыя интересныя по ихъ общему значенію душевныя явленія.

У Евгеніи мы отмѣтимъ прежде всего ясность ума и логическую правильность мышленія, а на ряду съ ними неодолимыя чувственныя влеченія, въ данномъ случаѣ съ поразительной наглядностью обусловленныя органическими причинами (замѣтимъ, что механизмъ чувственныхъ влеченій играетъ необычайно важную роль въ преступленіи), и полную недостаточность задерживательной силы представленій. Затѣмъ мы подчеркнемъ странные и знакомые уже намъ переходы влеченій: влеченіе къ монашеской жизни, похотливыя влеченія и послѣ нихъ

влеченіе къ самоубійству и убійству. Эти переходы влеченій не рѣдко наблюдаются въ психіатрической клиникѣ. Мы отмѣтимъ также періодическія рѣзкія колебанія настроенія и по временамъ наступавшіе, при полной ясности и логичности мышленія, періоды подавленности и упадка душевныхъ силъ—явленіе, съ различными степенями котораго часто приходится встрѣчаться у различнаго рода вырождающихся и дурно уравновѣшенныхъ личностей, и которое объясняетъ весьма многое въ явленіяхъ человѣческой порочности и преступности. Наконецъ, отмѣтимъ и тѣ своеобразныя, крайне тяжелыя внутреннія состоянія (въ данномъ случаѣ въ существованіи ихъ нѣтъ сомнѣній), которыя обыкновенно проходятъ почти незамѣтно для посторонняго глаза, но которыя, возникая изъ тайниковъ органической жизни, роковымъ образомъ вліяютъ на все психическое существо человѣка, на его аффекты, на содержаніе его мышленія, на всю его дѣятельность, и наталкиваютъ его на тѣ или другія дѣйствія, до преступленія включительно.

Теперь еще одно послѣднѣе наблюденіе. Его я заимствую у д-ра Trélat («La folie lucide»).

Дѣвица В., будучи богата одарена въ умственномъ отношеніи, со стороны настроенія представляла странную двойственность, будто въ ней были соединены двѣ различныя личности, попеременно дѣйствовавшія. Эта странная особа періодически вела то крайне развратную и разнузданную жизнь, сопровождавшуюся до дерзости смѣлыми кражами, навлекавшими на нее частыя осужденія, то, напротивъ, становилась спокойна и скромна. Въ такіе періоды относительнаго затишья В. обыкновенно являлась къ директриссамъ женскихъ учебныхъ заведеній съ просьбами о мѣстѣ младшей учительницы. «Можетъ быть, я могла бы

быть вамъ полезна», говорила она съ обворожительною улыбкою; «я знаю англійскій, нѣмецкій и итальянскій языки; я хорошо рисую и знаю музыку». И она говорила правду. Очарованная ея умомъ, манерами и скромностью директрисса обыкновенно давала ей занятія у себя или, въ случаѣ ихъ неимѣнія, снабжала рекомендаціями въ другія заведенія. Иногда же В., въ періодѣ своего относительнаго спокойствія, вмѣсто директриссъ являлась къ какой-нибудь знатной и благочестивой дамѣ S. Germain'скаго фобурга и держала къ ней такую рѣчь: «Madame, я имѣла несчастіе получить лишь свѣтское воспитаніе и образованіе. Ни мое сердце, ни мой умъ не были просвѣщены свѣтомъ религіи. Я чувствую пустоту и несчастіе такого положенія. Не будете ли вы моею путеводительницею и моей опорой на томъ пути, который я начинаю предвидѣть? Я еще не крещена. Не согласитесь ли вы быть моею воспріемницею»? Подкупленная произведеннымъ впечатлѣніемъ, знатная благотворительница обыкновенно поручала ея религіозное воспитаніе какой-нибудь старшей сестрѣ религіозной общины, проникнувъ въ которую В. съ жаромъ и ревностью принималась за свое религіозное просвѣщеніе, причемъ съ самымъ смиреннымъ и, повидимому, наивнымъ видомъ начинала разсказывать своей наставницѣ, не останавливаясь ни передъ какою клеветою, объ ужасныхъ нравахъ и дурномъ поведеніи сестеръ общины. И все это дѣлалось такъ ловко, вкрадчиво, что миръ и согласіе въ тихомъ убѣжищѣ обыкновенно нарушались и въ немъ возникали раздоры и смуты. Но вотъ сравнительно спокойный періодъ заканчивался, и дѣвица В. снова начинала предаваться разврату и объѣзжать часовые и ювелирные магазины, гдѣ и совершала ловкіе и дерзкіе обманы, которые влекли

за собой новыя осужденія. Въ одно изъ такихъ ея пребываній въ тюрьмѣ S. Lazare, ее посѣтилъ д-ръ Trélat. На его вопросъ, почему она, обладая прекраснымъ умомъ и знаніями, совершаетъ такіе дурные и унизительные поступки, В. посмотрѣла на него свысока съ улыбкой презрѣнія и едва удостоила короткимъ отвѣтомъ. Когда же докторъ продолжалъ настаивать, то она нѣсколько разгорячилась и отрѣзала: «Милостивый государь, я здѣсь плочу свои долги. Разъ долгъ уплоченъ, общество не можетъ ничего болѣе требовать отъ меня. Выйдя отсюда, я снова становлюсь на прежнюю высоту и не буду затрудняться жить ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Германіи и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Я говорю на всѣхъ языкахъ Европы. Думаю, что въ подобномъ положеніи вы были бы болѣе затруднены, нежели я». Черезъ два года послѣ этого разговора Trélat встрѣтилъ ее въ сифилисѣ, а затѣмъ совсѣмъ потерялъ изъ виду. Поводомъ къ знакомству съ нею ему послужила ея мать, находившаяся въ то время въ Sàlpétrier'ѣ. Отецъ и дѣдъ послѣдней были душевно-больные. Сама г-жа В. была въ Sàlpétrier'ѣ нѣсколько разъ и всегда оставляла по себѣ самыя ужасныя воспоминанія. Ея имя въ спискахъ центральной администраціи госпиталей сопровождалось слѣдующей отмѣткой одного изъ администраторовъ: «Fsprit infernal, capable des plus grands mefaits», и дѣйствительно, каждый разъ, при ея вступленіи въ заведеніе, въ немъ всегда начинались кражи, ссоры, всевозможныя нарушенія порядка, по отношенію къ которымъ г-жа В. умѣла всегда оставатся въ сторонѣ, хотя была или ихъ авторомъ, или подстрекательницею къ нимъ. Она обыкновенно все ловко сваливала на другихъ, неподражаемо устраивала alibi и сама же часто доносила обо всемъ, извращая при этомъ факты. По временамъ у нея бывали приступы возбужденія, въ те-

ченіе которыхъ она, однако, сохраняла, по словамъ Trèlat «полное сознаніе всего, что она дѣлала, что говорила и слышала». «Я не знаю» замѣчаетъ Trèlat про г-жу В., «примѣра жизни, болѣе причинившей зла и болѣе вредной для общества». Все время своего душевнаго здоровья (temps de raison) г-жа В. употребляла на организованіе искусныхъ кражъ или на устройство мѣстъ разврата для знати, причемъ она принимала туда только молодыхъ, красивыхъ и образованныхъ дѣвушекъ, знавшихъ музыку и говорившихъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Въ нихъ же она торговала и двумя собственными дочерьми (объ одной изъ нихъ уже упоминалось раньше).

Но мнѣ скажутъ пожалуй: вы берете личности ненормальныя, личности почти душевно-больныя, а говоря объ общественныхъ явленіяхъ всегда нужно имѣть въ виду людей здоровыхъ и нормальныхъ. Высказанныя вами соображенія быть можетъ и справедливы по отношенію къ первымъ, но не по отношенію ко вторымъ. Вторые не представляютъ тѣхъ-немотивированныхъ влеченій, той импульсивности и вообще тѣхъ странныхъ явленій, на которыя вы указываете, а потому къ нимъ и должны примѣняться мѣрки иныя, мѣрки логически-послѣдовательныхъ и здоровыхъ людей.

На это замѣчу, что въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ одинаковымъ въ его существѣ механизмомъ психической жизни. Въ первомъ случаѣ послѣдняя представляетъ усиленіе или ослабленіе, или тѣ или другія явленія неуравновѣшенности, но все однихъ и тѣхъ же процессовъ. При этомъ нѣкоторые изъ этихъ процессовъ, особенно оттѣняясь и выдѣляясь изъ ряда всѣхъ остальныхъ, составлявшихъ съ ними прежде одно, нераспознаваемое цѣлое, этимъ только облегчаютъ свое изученіе и пониманіе, не измѣняясь въ своемъ

существѣ. Въ обоихъ случаяхъ типъ и механизмъ явленій одинаковы,—разница въ силѣ и соотношеніяхъ. Поэтому изученіе такъ называемыхъ ненормальныхъ душевныхъ процессовъ, совершающееся при условіи ихъ особеннаго выдѣленія изъ ряда всѣхъ остальныхъ, бросая яркій свѣтъ на ихъ значеніе въ экономіи душевной жизни, вовсе не тождественно съ изученіемъ чего-то особаго, не имѣющаго соотвѣтствія въ жизни человѣка здороваго. И у послѣдняго работаетъ тотъ же механизмъ, только доля участія отдѣльныхъ частей его, вслѣдствіе значительной уравновѣшенности и сориспособленности ихъ дѣйствій, представляется мало или и вовсе неуловимой и мераспознаваемой. Поэтому мы съ полнымъ основаніемъ можемъ повторить вмѣстѣ съ д-мъ Tebaldi (Ragione e pazzia), что «возвышеннымъ изслѣдованіямъ экспериментальной психологіи сумашествіе предназначено доставить драгоцѣнные элементы», и что «съ извѣстной точки зрѣнія сумашествіе есть психологическій экспериментъ», экспериментъ, который, знакомя насъ съ явленіями болѣе рельефными и рѣзче выраженными, тѣмъ самимъ освѣщаетъ намъ и тайники здоровой психической жизни.

Во-вторыхъ, нельзя не замѣтить, что лица, которыхъ мы имѣемъ въ виду, не могутъ быть названы и больными, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Они продукты не столько болѣзни, сколько всей совокупности упражненій, жизненныхъ опытовъ и обычнаго образа жизни ихъ восходящихъ и ихъ самихъ. Они, можетъ быть, люди неустойчивые, люди уклоняющіеся въ направленіи регресса, люди, принадлежащіе къ вырождающимся разновидностямъ и потому люди, болѣе или менѣе отличающіеся отъ общественно-приспособленныхъ людей, но не больные, въ тѣсномъ смыслѣ это слова. Распространять и на нихъ понятіе душевной болѣзни,—значило бы «обоб-

щать сумасшествіе сверхъ мѣры (Brierre de Boismont—«Du Suicide»). По выраженію д-ра Morel'я, это суть уклоненія отъ первоначальнаго типа и результаты патологическихъ вліяній нравственнаго или физическаго характера. Ихъ особенности передаются наслѣдственно, при чемъ эта передача такова, что носящій ея зачатки становится все болѣе и болѣе неспособнымъ выполнять свои функціи въ человѣчествѣ (см. его соч. «Traité des dégénérescences» и «Traite des maladies mentales»). Отличительныя свои особенности они уже приносятъ съ собою на свѣтъ; подъ ихъ вліяніемъ они ростутъ и развиваются и, при отсутствіи воздѣйствій разумнаго воспитанія, подъ ихъ вліяніемъ развиваютъ всѣ свои качества въ ихъ первоначальномъ неблагопріятномъ направленіи. Даже особенности выбранныхъ много для примѣра личностей, повидимому, суть прирожденныя слѣдствія *особенностей* ихъ нервнокровеносной системы вообще и половой въ частности. Такіе и подобные типы психофизической организаціи представляютъ собою скорѣе какъ бы «органическія разновидности», имѣющія, по удачному выраженію д-ра Laborde, свой «особый образъ существованія» (Les hommes et les actes de l'insurrection de Paris devant la psychologié morbide). Подобныя личности въ своемъ дальнѣйшемъ ростѣ и при стеченіи неблагопріятныхъ для нихъ жизненныхъ условій, если и приходятъ къ чему, такъ это къ такъ называемой folie lucide (свѣтлое сумашествіе). Объ нихъ въ этомъ ихъ состояніи д-ръ Trélat говоритъ: «Эти больные суть сумасшедшіе, но они не кажутся сумасшедшими, потому что они объясняются съ ясностью. Они *скорѣе сумасшедшіе въ ихъ дѣйствіяхъ*, нежели въ ихъ рѣчахъ. Они обладаютъ достаточнымъ вниманіемъ, чтобы не упускать ничего, что совершается кругомъ ихъ, чтобы не оставлять безъ отвѣта ничего, что они слышатъ, и часто,

чтобы не дѣлать никакихъ упущеній въ исполненіи какого-либо проэкта. Ясность ихъ умственныхъ способностей простирается даже до ихъ безумныхъ концепцій. Ихъ сумасшествіе есть свѣтлое сумасшествіе» (La folie licide). Поэтому понятно, почему подобныя личности, сталкиваясь съ уголовнымъ правосудіемъ и поражая окружающихъ и наблюдателей своими странностями, часто вызываютъ неудомѣнія даже между спеціалистами и порождаютъ нескончаемые и горячіе споры о границахъ и различіяхъ порочности преступной и порочности болѣзненной. Приведемъ здѣсь въ значительно сокращенномъ видѣ весьма рельефное клиническое описаніе нѣкоторыхъ изъ подобныхъ личностей, которое намъ даетъ Legrand du Saulle («La folie héréditaire»).

Упомянувъ о нѣкоторыхъ наслѣдственникахъ, представляющихъ собою «постоянныхъ кандидатовъ на сумасшествіе», Legrand du Saulle продолжаетъ: «На ряду съ этими случаями существуютъ другіе; въ нихъ наслѣдственная передача подмѣчается *съ самаго зарожденія психическихъ проявленій* и придаетъ имъ неизгладимый отпечатокъ, *который еще не есть отпечатокъ душевной болѣзни, въ собственномъ смыслѣ этого слова.* Многіе наслѣдственники дѣйствительно не представляютъ собой истинно душевно-больныхъ, въ научномъ смыслѣ этого слова, но тѣмъ не менѣе ихъ душевный динамизмъ находится въ ненормальныхъ условіяхъ. *Стоя на границѣ физіологическаго и патологическаго состояній*, послѣдовательно въ теченіи нѣкотораго времени то безумные, то разумные, или скорѣе частично сумасшедшіе и частично разумные, эти предрасположенныя личности, эти несовершенно сумасшедшіе (если позволительно употребить это выраженіе, которое хорошо передаетъ мою мысль) составляютъ многочисленную группу». У нихъ «въ

громадномъ большинствѣ наблюденій, констатируется существованіе мигреній, невралгій, гастралгій и сверхъ того *общаго непріятнаго состоянія, представляющаго собою нѣчто въ родѣ общей разсѣянной невралгіи*, которая причиняетъ имъ ужасныя страданія и иногда объясняетъ ихъ гипохондрическія безпокойства». «Жизнь мнѣ въ тягость» пишетъ одинъ самоубійца, я усталъ отъ нея, я ее ненавижу; міръ внушаетъ мнѣ отвращеніе, скука меня пожираетъ» («Du Suicide»), «*Рѣдко случается*, продолжаетъ Legrand du Saulle, *чтобы у нихъ (наслѣдственниковъ) половыя функціи были правильны* (а извѣстно, какое важное значеніе имѣютъ функціи половой системы въ экономіи душевной жизни). То наблюдается инстинктивная возбужденность половаго чувства, которая наталкиваетъ ихъ на онанизмъ или эксцессы въ совокупленіяхъ, то, напротивъ, наблюдается полное отсутствіе половыхъ влеченій», а иногда и безплодіе.

«Наслѣдственники суть существа періодическія». Ихъ существованіе постоянно слагается изъ «серіи періодовъ спокойствія и періодовъ возбужденія (часто смѣна этихъ состояній слабо выражена; здѣсь, какъ и вездѣ въ природѣ, мы находимъ безчисленное множество переходовъ). Подобныя колебанія настроенія въ настоящее время вообще наблюдаются не рѣдко, правильно слѣдуютъ другъ за другомъ, съ болѣе или менѣе долгими интервалами. Довольные, радостные, полные иниціативы въ теченіе одного изъ этихъ періодовъ, они становятся печальными, угрюмыми, меланхоличными и апатичными въ теченіе слѣдующаго. Иногда они видятъ все въ розовомъ цвѣтѣ и испытываютъ замѣчательное благосостояніе; иногда, напротивъ, они видятъ все въ черномъ цвѣтѣ и испытываютъ неопредѣленное безпокойство, которое парализуетъ всѣ силы ихъ существа».

«Наслѣдственники часто обладаютъ очень развитыми умственными способностями: иногда они занимаютъ въ обществѣ очень высокія положенія, съ полной ясностью выполняя обязанности своей профессіи. Болѣзненныя вліянія проявляются у нихъ странностями характера и эксцентричностями». «Ихъ умственныя способности очень часто весьма дѣятельны; они быстро схватываютъ, обладаютъ извѣстной долей воображенія и говорятъ съ легкостью, даже изяществомъ. Прибавьте къ этому инстинктивныя способности къ музыкѣ, поэзіи и проч., и вы тогда поймете, какимъ образомъ эти личности почти всегда извѣстны въ обществѣ. Иногда на нихъ смотрятъ, какъ на оригиналовъ, но ихъ никогда не принимаютъ за то, что они есть на самомъ дѣлѣ».

Вниманіе наслѣдственниковъ обыкновенно легко разсѣивается и «они не могутъ сосредоточиваться въ теченіи долгаго времени на предметахъ серьезныхъ, а потому имъ невозможно принудить себя къ правильной и усидчивой работѣ». «Основа ихъ характера резюмируется въ двухъ словахъ: *спѣсь и эгоизмъ*». «Болтливые, тщеславные и деспотичные, *они любятъ занимать своей личностью общественное вниманіе и повсюду ищутъ средствъ привлечь его*». «Они насмѣшливы, сварливы, склонны къ противорѣчіямъ и сверхъ всего неблагодарны. Неспособные къ возвышеннымъ чувствамъ, они не знаютъ ни преданности, ни любви къ ближнимъ, ни патріотизма, ни чести. *Вся нравственность резюмируется для нихъ въ ихъ интересѣ данной минуты; честность имъ неизвѣстна; лицемѣріе и ложь имъ кажутся совершенно естественными, когда они могутъ извлечь изъ нихъ пользу*. Часто они фанфароны порока, холодные циники и расточители по суетности».

«*Подвижность ихъ привязанностей и ненавистей удивительна.* Самое ничтожное обстоятельство измѣняетъ ихъ чувства». «*Существа измѣнчивыя, непостоянныя, непослѣдовательныя, парадоксальныя и безчувственныя*, они всегда реагируютъ капризно и преувеличенно».

«*Въ качествѣ инстинктивныхъ личностей*, наслѣдственники совершаютъ странныя и сумасбродныя дѣйствія, совершаютъ безъ основанія, безъ мотивовъ, *какъ будто они роковымъ образомъ наталкиваются на нихъ своей организаціей.* Никакія концепціи бреда не вызываютъ этихъ дѣйствій и никакія несвязности рѣчи не объясняютъ ихъ». Свойства этихъ дѣйствій чрезвычайно измѣнчивы: иногда это ребячливыя дѣйствія, незначущія сами по себѣ, глупыя, странныя, сумасбродныя; иногда же это дѣйствія опасныя, безстыдныя, жестокія и преступныя». «Нѣтъ ничего, болѣе обыкновеннаго, какъ наблюдать у наслѣдственниковъ инстинктивныя влеченія ко злу во всѣхъ ихъ формахъ. Эти развращенные инстинкты *проявляются иногда съ самаго нѣжнаго возраста.* Малолѣтніе наслѣдственники часто представляютъ ужасающую жестокость; они мучатъ животныхъ, обдираютъ ихъ живьемъ, жгутъ ихъ и съ наслажденіемъ смотрятъ на ихъ агонію и страданія. Имъ доставляетъ наслажденіе бить своихъ маленькихъ товарищей и заставлять ихъ терпѣть всевозможныя страданія, которыя они могутъ только изобрѣсти. Выростая, они вносятъ съ собою въ жизненный обиходъ то же влеченіе ко злу» [1]).

Таково, общее и схематическое описаніе регресси-

---

[1]) „Съ ясными сумасшедшими“ (fous lucides), говоритъ Trélat, «особенно съ сатирами, дипсоманами, надменными и злыми совмѣстная жизнь невозможна. Бѣгите ихъ. Это болѣе нежели право; это обязанность».

рующихъ разновидностей въ ихъ болѣе типичныхъ и рѣзко охарактеризованныхъ представителяхъ, которое намъ даетъ практическій психіатръ.

Подобныя лица свободно живутъ и функціонируютъ въ обществѣ, часто занимая въ немъ, какъ уже замѣчено выше, высокіе посты. Въ качествѣ составляющихъ общество единицъ, — его клѣточекъ, они принимаютъ участіе въ его свободной жизни и въ большей или меньшей мѣрѣ направляютъ ея теченіе и такимъ образомъ творятъ исторію. Ихъ изъ исторіи, какъ изъ пѣсни слова, не выкинешь, а потому при изученіи ея явленій и съ ними намъ надо считаться и ихъ намъ необходимо принимать во вниманіе, какъ слагающія части общественныхъ силъ. Въ приведенныхъ выше примѣрахъ я выбралъ личности въ этомъ отношеніи особенно рѣзко очерченныя которыя, однако, большею частью свободно жили въ обществѣ, вліяя соотвѣтственно своимъ особенностямъ на все окружавшее и съ ними соприкасавшееся. А что сказать про множество подобныхъ же или сходныхъ личностей, недостаточность психофизической организаціи которыхъ только нѣсколько менѣе рѣзко выражена? Они обыкновенно уже вовсе или почти вовсе не обращаютъ ничьего вниманія своею странностью, и подъ именемъ неуживчивыхъ, порочныхъ и дурныхъ людей проходятъ свое жизненное поприще, вліяя при этомъ, соотвѣтственно своему качеству и количеству, на ходъ общественныхъ событій. Въ нѣкоторыя же эпохи общественнаго существованія, *подъ вліяніемъ широко дѣйствующихъ тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій общественной жизни*, такія дурно-уравновѣшенныя, дурно-приспособленныя и общественно-регрессирующія личности нарождаются въ значительномъ числѣ, и тогда ихъ участіе въ общественной жизни, какъ и участіе многихъ дурныхъ инструментовъ въ ор-

кестрѣ, становится весьма ясно замѣтно и окрашиваетъ особымъ, тѣмъ или инымъ цвѣтомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ особенностямъ ихъ качествъ, цѣлые историческіе періоды. «Если вы представите себѣ», основательно замѣчаетъ д-ръ Laborde, «этого индивидуума (дурно уравновѣшенную личность) участвующимъ въ общественныхъ дѣлахъ и приносящимъ въ нихъ неотдѣлимые аттрибуты своей нравственной организаціи, отмѣченной его предрасположеніемъ, то не станутъ ли вамъ немедленно ясны необходимыя слѣдствія такого участія? И если, идя далѣе логическимъ путемъ этой гипотезы, вы предположите соединенными и дѣйствующими на одномъ театрѣ общественныхъ дѣлъ совокупность организмовъ, вооруженныхъ, такъ сказать, ихъ взаимными предрасположеніями, то не будете ли вы имѣть ясное представленіе о спектаклѣ, который можетъ представить такое собраніе думающихъ и дѣйствующихъ аномалій?» «Въ организмѣ и въ жизни народа», столь же основательно замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «какъ и въ жизни и въ организмѣ индивидуума, можно наблюдать въ нѣкоторыя эпохи аномальныя проявленія, представляющія несомнѣнные признаки разстройства разума — настоящую душевную болѣзнь, нѣчто въ родѣ коллективнаго помѣшательства, способнаго производить самыя глубокія потрясенія общественнаго механизма и порождать самыя ужасныя преступленія и самыя ужасныя бѣдствія». Въ подобныя эпохи, представляющія собою, какъ уже замѣчено выше, эпохи белѣе или менѣе значительнаго размноженія дурно уравновѣшенныхъ и почти вовсе непригодныхъ къ общественной жизни личностей, правильное теченіе послѣдней становится невозможнымъ, и дѣлаются неизбѣжными болѣе или менѣе важныя потрясенія общественнаго порядка и даже общественыя катастрофы, въ которыхъ вполнѣ ясно и проявляется существующее несоот-

вѣтствіе психофизическихъ особенностей множества дѣйствующихъ личностей съ наличными условіями общественной жизни. Ближайшее изученіе историческихъ эпохъ, отмѣченныхъ такими катастрофами, всегда ясно указываетъ намъ, что имъ предшествуютъ общественныя нестроенія, извращеніе нравовъ и, вслѣдствіе того, болѣе или менѣе усиленное размноженіе грубочувственныхъ, сластолюбивыхъ, дурно-уравновѣшенныхъ и регрессирующихъ личностей, внутренній разладъ которыхъ проявляется во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ окружающимъ, и многочисленность которыхъ рѣшительно несовмѣстима съ сохраненіемъ общественнаго равновѣсія. Эти личности обыкновенно отличаются подавленностью чувствъ благожелательности и симпатіи къ людямъ и усиленно развитыми чувственными влеченіями, *которыя господствуютъ надъ ихъ волею и не даютъ имъ возможности уравновѣшивать и совмѣщать ихъ интересы съ интересами окружающихъ, а напротивъ, какъ бы подталкиваютъ ихъ препятствовать развитію и преуспѣянію послѣднихъ*; удовлетвореніе ихъ требованій невозможно безъ принесенія имъ въ жертву жизненныхъ интересовъ ихъ ближнихъ. Очевидно, что такія личности, вслѣдствіе своихъ качествъ, мало или вовсе непригодны для общественной жизни, внѣ которой человѣкъ, какимъ по крайней мѣрѣ мы знаемъ его, существовать не можетъ. Многія изъ такихъ личностей по своимъ особенностямъ представляютъ слабыя или, лучше сказать, начальныя степени вырожденія, въ которыхъ, однако, кроются зачатки дальнѣйшаго. Тѣ ихъ качества, которыя дѣлаютъ ихъ неприспособленными къ общественной жизни, приводятъ ихъ въ столкновенія и въ противоположеніе съ окружающими, къ борьбѣ съ ними, наталкиваютъ ихъ на дальнѣйшіе вредные эксцессы и, такимъ образомъ, ухудшаютъ ихъ самихъ и по-

степенно выработываютъ въ рядѣ ихъ нисходящихъ поколѣній—если только не привзойдутъ какія либо благотворныя внѣшнія вліянія—болѣе рѣзко выраженные типы органически-вырождающихся и нравственно оскудѣлыхъ личностей.

Въ какой формѣ и съ какою силою, при указанномъ условіи нарожденія въ обществѣ множества дурно уравновѣшенныхъ личностей, проявятся нарушенія общественнаго порядка и спокойствія—это уже зависитъ отъ качествъ и количества такихъ неприспособленныхъ личностей и отъ ихъ численнаго отношенія къ личностямъ внутренно хорошо уравновѣшеннымъ. Впрочемъ, говоря все это о ближайшихъ дѣятеляхъ катастрофъ, я при этомъ вовсе не имѣю въ виду распространять сказанное и на самые принципы, залегавшіе часто въ основу всѣхъ подобныхъ движеній. Моя мысль иная.

Человѣкъ въ частности и человѣчество вообще въ значительной мѣрѣ находятся подъ твердой властью традицій, установившихся привычекъ и обычаевъ. Чтобы люди стали усиленно стремиться къ ихъ существеннымъ измѣненіямъ, для этого необходимо, чтобы нѣчто тяжелое налегло на нихъ, сильно давило ихъ и дѣлало бы ихъ положеніе очень неудобнымъ. Въ данномъ случаѣ это тяжелое — неблагопріятныя условія общественной жизни, вредоносно и разрушительно вліяющія на психофизическія организаціи множества членовъ общества, ухудшающія ихъ структуру и создающія изъ нихъ представителей органическаго вырожденія, которые, не будучи сумасшедшими, тѣмъ не менѣе, по причинѣ своей неуравновѣшенности и неустойчивости, представляются внутренно глубоко распавшимися и въ то же время часто глубоко несчастными. Вслѣдствіе неправильной тонаціи своего общаго чувства, *вслѣдствіе усиленнаго преобладанія въ немъ рѣзко и непріятно звучащихъ струнъ* самочувствія, вслѣд-

ствіе прихотливости, измѣнчивости и непріятности своего настроенія, они жадно стремятся къ сильнымъ возбужденіямъ и возбудителямъ, болѣзненно отзываются на непосильныя для нихъ внѣшнія раздраженія и живо и ярко ощущаютъ недовольство, отдаленныя причины котораго хотя и отходятъ на разстояніе, къ внѣшнимъ условіямъ, но ближайшія и непосредственныя лежатъ въ нихъ самихъ и ими только проецируются во внѣшній міръ.

Подъ вліяніемъ такихъ внутреннихъ состояній, они упорно и страстно ищутъ причины своего недовольства въ окружающей средѣ *) и изыскиваютъ мѣры къ ихъ устраненію. При этомъ ихъ часто крайне живые умы, подъ вліяніемъ не рѣдко почти болевыхъ настроеній, если можно такъ выразиться, подвергаютъ, не стѣсняясь никакими традиціями, безпощадной критикѣ строй общественныхъ отношеній, улавливаютъ его дѣйствительно тѣневыя и вредныя стороны, содѣйствующія нарожденію дурно уравновѣшенныхъ личностей, рѣзко указываютъ на нихъ обществу и, по живости своей натуры, а главное по живости и яркости ощущаемаго ими внутренняго недовольства и раздражительности, упорно начинаютъ стремиться къ кореннымъ и быстрымъ перемѣнамъ и улучшеніямъ, и къ созданію счастія, недостатокъ котораго лично ими внутренно столь живо и болѣзненно ощущается. Они ищутъ недостающаго имъ личнаго спокойствія и довольства, но ищутъ ихъ своеобразно. Въ этой погонѣ за общимъ счастіемъ ихъ

*) Болѣе уже рѣзко выраженный и очерченный механизмъ такого проецированія мы наблюдаемъ, напр., у людей, страдающихъ такъ называемымъ бредомъ преслѣдованія, который, однако иногда выражается въ такихъ тонкихъ формахъ, что вводитъ въ заблужденіе рѣшительно всѣхъ окружающихъ. См. крайне богатое фактическимъ матеріаломъ сочиненіе Legrand du Saulle: „Le délire des persécutions“.

двигателями, даже не замѣтно для нихъ самихъ, является то, что у нихъ есть на лицо, — непропорціонально и усиленно развитое самочувствіе и часто довольно замаскированное себялюбіе, которыя и служатъ причиной того, что они такъ легко со всѣми сталкиваются, вездѣ плохо уживаются и приходятъ въ совершенный разладъ съ окружающими. Иначе и быть не можетъ, потому что въ этихъ лицахъ процессомъ вырожденія уничтожены именно тѣ особенности, которыя вырабатываются только правильной совмѣстной жизнію и которыя безусловно необходимы для нея. Въ подтвержденіе всего сказаннаго я могъ бы привести много подробныхъ біографій нѣкоторыхъ дѣятелей общественныхъ катастрофъ. Впрочемъ, читатель, припоминая подробности послѣднихъ, въ которыхъ несомнѣнно отражались качества дѣйствовавшихъ личностей, легко убѣдиться въ этомъ и безъ моей помощи.

Дурно уравновѣшенныя натуры встрѣчались и встрѣчаются во всѣ эпохи. Пока ихъ немного—общественная жизнь течетъ своимъ чередомъ, безъ крупныхъ потрясеній, и они являются въ качествѣ отдѣльныхъ, хотя и весьма безпокойныхъ личностей, въ качествѣ людей эксцентричныхъ, странныхъ, экзальтированныхъ, неистовыхъ, крайне страстныхъ и инстиктивныхъ. Совсѣмъ не то, когда вслѣдствіе предшествующихъ неблагопріятныхъ условій общественной жизни, вслѣдствіе предшествующей значительной порчи нравовъ, эти продукты органическаго регресса нарождаются сравнительно въ значительномъ числѣ, когда они появляются во всѣхъ слояхъ общества сверху до низу и часто становятся его руководителями на верхнихъ ступеняхъ общественной іерархіи, когда они вслѣдствіе своей многочисленности получаютъ силу и значеніе и создаютъ общественныя теченія — тогда ихъ дурная уравновѣшенность и ихъ неприспособленность не замедливаютъ ска-

заться во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни, и тогда общество, одинаково въ рядахъ консерваторовъ и радикаловъ, начинаетъ кишить недовольными и безпокойными личностями, которыя носятъ причины своего недовольства главнымъ образомъ въ самихъ себѣ и потому никакъ и нигдѣ не могутъ успокоиться, которыя въ качествѣ различныхъ общественныхъ дѣятелей не останавливаются ни передъ какими насиліями и безправіемъ, и своею беспокойностью и страстностью часто увлекаютъ въ свой водоворотъ и личностей довольно хорошо уравновѣшенныхъ. Но если въ обществѣ здоровыхъ силъ еще достаточно, то кризисъ, явившійся прямымъ слѣдствіемъ предшествующей нравственной распущенности, корни которой отходятъ въ глубь индивидуальной жизни, минуетъ, воздухъ постепенно очищается, и уравновѣшенные общественные элементы снова берутъ перевѣсъ и возстановляютъ нарушенное равновѣсіе.

Было бы впрочемъ крайне ошибочно заключать изъ сказаннаго, что сознаніе значительной неудовлетворительности многаго изъ существующаго и стремленіе къ его значительнымъ измѣненіямъ не могутъ зарождаться и у хорошо уравновѣшенныхъ людей; дѣйствительность намъ показываетъ противное. Но у нихъ это сознаніе и это стремленіе, не сопровождаясь слишкомъ живо ощущаемымъ недовольствомъ, крайней раздражительностью легко задѣваемаго самолюбія и другими неблагопріятными особенностями, которыя суть слѣдствія внутренней, присущей самому психофизическому организму неуравновѣшенности, не отмѣчаются столь же страстнымъ характеромъ, столь же крайней нетерпѣливостью, и сдерживаются въ извѣстныхъ предѣлахъ чувствомъ благожелательности и симпатіи къ людямъ и потому не ведутъ къ излишествамъ чрезмѣрно обостренной борьбы. Ихъ дѣйствія не оттѣняются ха-

рактеромъ страстныхъ влеченій, которымъ, вслѣдствіе внутренней боли, недовольства, раздражительности и нѣсколько болѣзненнаго влеченія къ сильнымъ ощущеніямъ, отличаются дѣйствія людей дурно-уровновѣшенныхъ. Впрочемъ и такіе люди, если только ихъ дѣйствія не переходятъ извѣстнаго предѣла, несмотря на указанныя свойства ихъ дѣятельности, въ механизмѣ природы часто выполняютъ полезную роль для сохраненія и развитія цѣлаго. Внося въ свою нетерпѣливую, часто почти лихорадочную дѣятельность лично-страстный характеръ, они тѣмъ самимъ иногда способствуютъ быстрѣйшему уясненію и даже сравнительно быстрому устраненію тѣхъ условій, которыя неблагопріятно и вредоносно дѣйствуютъ на общество.

Таковъ, повидимому, въ самыхъ общихъ чертахъ механизмъ общественныхъ катастрофъ. Внимательно присматриваясь и спокойно вдумываясь въ него, нельзя не припомнить словъ д-ра Tebaldi, который совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ психологіи сумасшествія (она охватываетъ и ученіе о вырожденіяхъ) намъ рисуется исторія человѣческой цивилизаціи, и что рѣзкія краски и странные контрасты первой освѣщаютъ новымъ свѣтомъ глубочайшіе общественные вопросы (Ragione e pazzia).

Послѣ всего сказаннаго становится понятно важное значеніе изученія психологіи для обществовѣдѣнія. Только при такомъ изученіи, какъ намъ кажется, станетъ возможно глубокое пониманіе общественныхъ явленій, которыя, какъ мы это старались показать, представляютъ собою не болѣе, какъ внѣшнее проявленіе внутренней жизни составляющихъ общество единицъ со всѣми ея особенностями, отражающими особенности безсознательно-органической жизни.

Все это приводитъ насъ къ заключенію, что основою для

изученія общества должно служить тщательное изученіе составляющей общество единицы— человѣка, иначе говоря, должна служить психофизіологія или даже, правильнѣе, антропологія. Если безъ такого изученія невозможно открытіе законовъ душевной жизни отдѣльнаго человѣка, то безъ него, какъ мы старались показать, невозможно и открытіе законовъ жизни множества людей или общества.

Но человѣкъ, какимъ мы его знаемъ въ дѣйствительности, несмотря на единство названія, въ одномъ и томъ же обществѣ представляетъ крайнія разновидности и безчисленные переходы отъ вполнѣ непригодныхъ къ общественной жизни типовъ къ типамъ, составлявшимъ и составляющимъ украшеніе человѣческаго общества. Поэтому и психофизіологія, долженствующая служить основою для обществовѣдѣнія, не можетъ и не должна ограничиваться болѣе обычными типами, а напротивъ должна изучать и различные промежуточные типы, типы уклоненій, которые живутъ и свободно дѣйствуютъ въ обществѣ, вносятъ свою соотвѣтствующую долю въ характеръ его жизни и не рѣдко, какъ мы видѣли, налагаютъ особый отпечатокъ на цѣлыя историческія эпохи. Только захватывая и эти типы и соединяясь съ психо-патологіей она будетъ въ состояніи освѣтить дѣйствительный смыслъ многихъ историческихъ событій.

Таковы требованія, которыя вслѣдствіе развитія знаній сами собою предъявляются къ человѣку, занятому изученіемъ общественныхъ явленій. Въ настоящее время, время далеко подвинувшагося впередъ изученія природы, а въ томъ числѣ и человѣка, соціологъ не долженъ уклоняться отъ прочнаго обоснованія своей науки. Только такой базисъ придастъ ей то плодотворное направленіе, потребность котораго уже давно ощущается многими умами нашего времени. При современномъ

развитіи наукъ вообще, задачи общественныхъ наукъ не могутъ ограничиваться описательнымъ изученіемъ. Нѣтъ, они требуютъ большаго,—основаній для творческой дѣятельности въ соціальной области, иначе говоря, основаній для прикладныхъ общественныхъ наукъ. А для этого необходимо изученіе законовъ общественныхъ явленій, что между прочимъ предполагаетъ и изученіе условій какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, при которыхъ развиваются и формируются различные человѣческіе типы во всѣхъ ихъ разновидностяхъ, и изученіе самихъ этихъ типовъ. Только при такомъ условіи общественныя науки будутъ вполнѣ выполнять свою роль и сдѣлаются плодотворнымъ источникомъ совершенствованія человѣческихъ отношеній, а чрезъ то и самого человѣка, и источникомъ упорядоченія жизни человѣчества, согласно указаніямъ и требованіямъ науки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Убійства и убійцы.

Преступленіе, какъ и всѣ дѣйствія человѣка вообще, представляетъ собою проявленіе тѣхъ или другихъ сторонъ его психической личности во внѣ, — въ рядѣ болѣе или менѣе сложныхъ и разсчитанныхъ движеній и дѣйствій, которыя и являются, такимъ образомъ, выразителями, хотя и своеобразными, предшествующихъ имъ внутреннихъ душевныхъ состояній. Каковы послѣднія, таковы соотносительно и первыя. Ясно поэтому, что особенности дѣйствій, а слѣдовательно и преступленій, имѣютъ свой источникъ въ особенностяхъ личности и переживаемыхъ ею состояній, въ которыхъ и надо искать ихъ объясненій.

Обращаясь къ генетическому изученію личности, мы прежде всего подмѣчаемъ въ ней, какъ уже было говорено выше, и по времени первичную основу, первичный фонъ,—сферу чувствованій, сферу настроеній. Сфера эта и образуетъ то, что можно назвать чувственной личностью.

Опытъ учитъ, что этотъ первичный фонъ, по отдѣльнымъ индивидуумамъ до крайности разнится въ своей чувственной окраскѣ, и что къ различнымъ личностямъ не можетъ быть примѣняема одна и въ особенности наша собственная мѣрка. Наблюденіе открываетъ внимательному наблюдателю удивительное и неожиданное разнообразіе и притомъ не въ дета-

ляхъ только, но и въ основныхъ особенностяхъ. Одинъ воспринимаетъ и чувствуетъ всѣ впечатлѣнія отъ окружающаго его міра и реагируетъ на нихъ такъ, а другой совершенно иначе. Въ этой области нѣтъ однообразія, а, напротивъ, крайнее разнообразіе индивидуальныхъ психологій. Обратимся, напр., къ фактамъ изъ области преступленія и послушаемъ, что говорятъ они. Въ то время, какъ одни чувствуютъ неодолимое отвращеніе къ крови, ко всякому мучительству и, какъ учитъ опытъ суда и тюрьмы, даже вступивъ на путь преступленія, выбираютъ не убійства, а иныя преступныя средства для достиженія своихъ цѣлей — другіе, напротивъ, къ крови чувствуютъ какое-то загадочное влеченіе и проявляютъ поразительную наклонность дѣйствовать убійствомъ. Мысль о немъ, въ качествѣ средства, какъ бы инстинктивно подсказывается имъ и возникаетъ у нихъ сама собой всякій разъ, когда имъ приходится достигать какихъ-либо болѣе исключительныхъ цѣлей, которыхъ другіе люди достигаютъ другими средствами, и они не задумываются о лишеніи жизни лицъ, такъ или иначе стоящихъ на пути къ осуществленію ихъ желаній *).

«И, говоря откровенно, я любилъ кровь» — такъ разсказывалъ приговоренный къ казни убійца Chodron. «Я не знаю, что-то дѣлаетъ меня жестокимъ помимо моей воли». «Между этими людьми есть много погибшихъ навсегда», говоритъ одинъ содержавшійся въ тюрьмѣ Sainte-Pélagie, «между ними есть лютые звѣри, которые всегда жаждутъ крови и убиваютъ

*) По Сибири бродяжитъ отъ 30 до 40 т. человѣкъ, большею частью бѣглыхъ съ поселенія и каторги. Всѣ эти люди находятся въ самыхъ тяжелыхъ жизненныхъ положеніяхъ и тѣмъ не менѣе только сравнительно незначительная ихъ часть посягаетъ на убійства и пролитіе крови, но за то среди этой части есть по истинѣ дикіе звѣри, жестокость и кровожадность которыхъ наводитъ ужасъ даже при разсказахъ о нихъ.

для удовлетворенія своихъ даже маловажныхъ инстинктовъ; между ними есть похожіе на пантеръ и тигровъ, и кажется, что дѣлать зло имъ доставляетъ удовольствіе». И такихъ не одинъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи они пройдутъ предъ нами длинной вереницей, при чемъ каждый изъ нихъ выступитъ съ своими индивидуальными особенностями.

Но, спрашивается, гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ искать рѣшеніе ужасной загадки о любви къ крови и о болѣе или менѣе неодолимомъ влеченіи къ ней, влеченіи, которое такъ извращаетъ существо человѣка и вноситъ такъ много жгучихъ чувствъ въ среду человѣческаго общества? Опытъ учитъ, что его надо искать въ основѣ личности,—въ сферѣ чувствованій и въ ихъ извращеніяхъ, но не въ бѣглыхъ, мимолетно вспыхивающихъ и быстро проходящихъ чувствованіяхъ, а въ чувствованіяхъ болѣе постоянныхъ и стойкихъ, присущихъ данному индивидууму, т. е. въ его обычномъ самочувствіи и болѣе обычныхъ оттѣнкахъ его настроенія. Этотъ отвѣтъ подсказываетъ намъ и самъ дѣятель кровавыхъ преступленій. «Я любилъ кровь». «Я отъ природы былъ жестокъ», пояснилъ убійца Chodron, характеризуя тѣмъ не моментально охватывавшее его чувство, а длящійся, устойчивый вкусъ къ крови и стойкое влеченіе къ ней, которые, какъ и всякій вкусъ и влеченіе, могутъ имѣть свой источникъ только въ стойкихъ и основныхъ особенностяхъ личности, а такими и являются болѣе постоянный строй и оттѣнки самочувствія, съ механизмомъ котораго въ общихъ чертахъ мы уже познакомились.

Одною изъ важнѣйшихъ составныхъ частей самочувствія въ общественномъ отношеніи является половое, оно же и родовое чувство. Значеніе этого чувства въ жизни души обратило на себя особо напряженное вниманіе въ наукѣ со времени появленія въ 1870 г. въ «Archiv für Psychiatrie» ме-

муара проф. Westphal'я, озаглавленнаго: «Die contröre Sexualempfindung Symptom eines neuropatichen (psychopatichen) Zustand [1]). Съ тѣхъ поръ обнародовано весьма много отдѣльныхъ тщательныхъ наблюденій и успѣло появиться значительное число статей и болѣе или менѣе всесторонних работъ, посвященныхъ изученію вліянія уклоненій и извращеній родоваго чувства, которое вдохновляетъ поэзію и литературу народовъ и которое часто двигаетъ массами и принимаетъ участіе въ наиболѣе возвышенныхъ проявленіяхъ души. Охватывая человѣка, оно иногда временно перерождаетъ его, на моменты дѣлаетъ его какъ бы независимымъ отъ матеріальныхъ условій, заставляетъ его забывать все, а по временамъ и возвышаетъ его до удивительнаго героизма. Конечно, на такіе подъемы способны далеко не всѣ, а только особыя натуры, съ особымъ составомъ самочувствія. Но эти натуры свои удивительно могучіе порывы обыкновенно бываютъ способны передавать массамъ, электризовать ихъ, увлекать ихъ за собою и вызывать поразительныя по силѣ и все захватывающія движенія. Одинъ изъ подобныхъ примѣровъ въ послѣднее время представлялъ собою Давидъ Lazzaretti, увлекавшій своимъ вдохновеніемъ толпы; онъ былъ убитъ въ 1878 г.

Одною изъ наиболѣе важныхъ въ общественномъ отношеніи особенностей родоваго чувства, какимъ мы его наблюдаемъ въ жи-

---

[1]) Изъ работъ, предшествовавшихъ мемуару Westphal'я въ особенности надо назвать работу Kann'a 1844 г., работу Michea 1849 г. и брошюры Karl Ulrichs'a о Mannmannliche Liebe, которыя кажется и навели Westphal'я на развитую имъ мысль о такихъ извращеніяхъ чувства, при которыхъ «женщина въ физическомъ отношеніи—женщина, а въ психическомъ—мужчина, и мужчина въ физическомъ отношеніи—мужчина, а въ психическомъ—женщина».

вотномъ царствѣ вообще, представляется усиленное влеченіе испытывающаго его субъекта въ сторону другихъ ему подобныхъ. Влеченіе это обыковенно сопровождается большей или меньшей долей самозабвенія, доходящаго иногда до полной потери чувства самосохраненія и до нечувствительности къ личной гибели. Остальныя системныя чувства, какъ бы обограничивающіяся самимъ субъектомъ, не представляютъ намъ ничего подобнаго, и въ нихъ нѣтъ этого оттѣнка.

Уже по этому одному мы можемъ разсматривать родовое чувство, какъ высшее изъ чувствъ, дающее основаніе высшей формѣ жизни — жизни общественной, покоющейся прежде всего на влеченіи одного субъекта къ другимъ, ему подобнымъ. Въ своихъ низшихъ формахъ въ животномъ царствѣ оно, правда, представляетъ собою влеченіе къ субъектамъ противоположнаго пола. Но и здѣсь въ извѣстные періоды, а именно въ періодъ выхаживанія, оно выходитъ за эти узкіе предѣлы и переносится на продукты брачнаго сожительства—на дитенышей, которыхъ матка холитъ и защищаетъ, поистинѣ, съ удивительнымъ самопожертвованіемъ. Въ царствѣ человѣка родовое чувство является прочнѣйшею связью людей между собою и своими оттѣнками и видоизмѣненіями образуетъ *основу* всѣхъ лучшихъ и высшихъ чувствъ, справедливо составляющихъ гордость человѣчества,—чувства идеальной любви, чувства дружбы, симпатіи, патріотизма и проч. По справедливому замѣчанію проф. Ball'я, нѣтъ другаго чувства, которое бы оказывало большее вліяніе на характеръ и умственную сферу.

Вліяніе родоваго или половаго чувства на всю нравственно-умственную сферу особенно рѣзко обнаруживается въ періодъ половаго развитія, въ періодъ общаго измѣненія физическаго и нравственнаго существа человѣка, сопровождающійся у

нервно-нестойкихъ натуръ болѣе или менѣе рѣзко выраженными болѣзненными явленіями. Въ самочувствіе подростковъ въ эту эпоху ихъ жизни врываются широкой волной тоны вновь зазвучавшаго системнаго чувства, измѣняющіе все ихъ существо, и для нихъ начинается новая, доселѣ невѣдомая жизнь. Развиваются новые органы, появляются новыя потребности, въ тиши зарождаются новыя идеи, которыя проявятся впослѣдствіи, и цѣлая революція совершается въ чувствахъ и мышленіи.

Внѣшній видъ подростковъ въ значительной мѣрѣ измѣняется. Взглядъ становится гораздо болѣе экспресивенъ: онъ то мечтателенъ и подернутъ, то загорается небывалымъ прежде блескомъ и становится живъ. Голосъ въ свою очередь измѣняется: онъ дѣлается гибче и въ немъ начинаетъ звучать болѣе внутренней теплоты и чувства. Краска и стыдъ чаще начинаютъ появляться на лицѣ и легко вызываются эмоціями. Походка и движенія измѣняются и становятся болѣе граціозными.

Чувствованія повышаются въ своей напряженности и обостряются. Появляются незнакомые прежде порывы и волненія. Настроеніе становится гораздо болѣе измѣнчивымъ и колеблющимся. Оно начинаетъ оттѣнятся большей или меньшей степенью восторженности, мечтательности и поэтичности. Иногда проявляются небывалые до того таланты. Въ юной и чистой душѣ развивается стремленіе къ общему, таинственному и непостижимому. Зарождаются новыя, до того невѣдомыя влеченія къ идеалу, добру и красотѣ. Въ это время человѣкъ большею частью любитъ доброе и прекрасное вообще; онъ любитъ ихъ въ нихъ самихъ. Онъ болѣе или менѣе любитъ весь міръ и всю природу, и его иногда охватываютъ порывы къ самопожертвованію для самопожертвованія, для

жертвы. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ эти туманныя влеченія получаютъ болѣе опредѣленныя очертанія: происходитъ олицетвореніе и постепенно все яснѣе вырисовывается идеалъ совершеннаго человѣка, который потомъ начинаетъ стремиться къ пріурочиванію и дѣйствительно пріурочивается.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ настроенія и чувствъ глубоко измѣняется и умственная сфера. Не рѣдко проявляется блестящее воображеніе, умственныя способности значительно развиваются, измѣняются въ своемъ направленіи и начинаютъ сосредоточиваться на такихъ идеяхъ, которыя прежде не привлекали вниманія.

Не то у кастрата. Съ порчею органической системы и нарушеніемъ ея функцій «періодъ наступленія половой зрѣлости, отличающійся столь рѣзкими явленіями у нормальнаго человѣка, проходитъ безслѣдно для кастрата, оскопленнаго въ дѣтствѣ. Тѣлесное развитіе его въ то время всею ближе подходитъ къ женскому организму (даже скелетъ кастрата болѣе приближается къ женскимъ формамъ), не придавая ему ни одной изъ тѣхъ прелестей, тѣхъ физическихъ и нравственныхъ прекрасныхъ качествъ, которыми природа такъ щедро надѣляетъ молодую созрѣвающую дѣвушку. Все тѣло получаетъ вялый, отдуловатый видъ, лицо его дѣлается блѣдно желтымъ, *безжизненнымъ*, но моложавымъ, а иногда, напротивъ старообразнымъ, морщинистымъ». «Высокія стремленія души къ благородной дѣятельности, къ совершенію подвиговъ, чувство преданности отечеству» чужды оскопленнымъ въ дѣтствѣ (опытъ показываетъ, что ихъ мозгъ измѣняется). Они «безразличны къ окружающей средѣ; въ ихъ душѣ нѣтъ и зачатка благородныхъ стремленій, сознанія долга, обязанности гражданина». «Имъ чужды мужество и высшая фантазія». «Взамѣнъ этихъ качествъ, у нихъ развиваются многіе пороки людей съ огра-

ниченнымъ кругозоромъ, съ низкимъ уровнемъ нравственности: эгоизмъ, хитрость, коварство, алчность и т. п». Между кострата́ми «нѣтъ солидарности, нѣтъ семейныхъ связей. Ихъ отличаетъ полное отсутствіе любви къ ближнимъ и даже враждебность къ нимъ».

Извращенія родоваго чувства идутъ всегда рука объ руку съ общественными нестроеніями и потрясеніями. «Я полагаю», справедливо замѣчаетъ Sorel, «что для того, чтобы проникнуть въ психологію общественныхъ классовъ, необходимо возможно тщательнѣе изучить проявленія половаго чувства. Половой инстинктъ есть важнѣйшій; въ естественномъ порядкѣ онъ значительно преобладаетъ надъ интересами, страстями, эгоизмомъ, однимъ словомъ, надъ всѣмъ, что относится къ сохраненію индивида: онъ поистинѣ основной двигатель». И далѣе онъ формулируетъ такое правило: «проявленіями половаго инстинкта измѣряются величина и направленіе человѣческихъ дѣятельностей».

Здѣсь я не стану, впрочемъ, говорить о нормальной психологіи родоваго чувства. Для насъ, какъ криминалистовъ, особый интересъ предоставляетъ то, что въ соціальномъ отношеніи можно назвать извращеніемъ этого чувства и въ чемъ надо искать главнѣйшій и непосредственный источникъ нѣкоторыхъ видовъ преступности. Но какъ же заглянуть въ тайники чувства и самочувствія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ тайники преступной души? Единственный путь—путь наблюденія выраженій чувствованій во внѣ, ихъ проявленій въ дѣйствіяхъ и сравненіе и изученіе сходныхъ особенностей этихъ послѣднихъ у различныхъ личностей.

Не звучатъ въ человѣкѣ достаточно напряженныя чувства—и онъ не дѣйствуетъ, потому что нѣтъ въ немъ на лицо внутреннихъ стимуловъ для дѣятельности. Зазвучали та-

кія чувства— и человѣкъ опредѣляется и переходитъ къ болѣе или менѣе энергичной и сложной дѣятельности, при чемъ особенности послѣдней всегда соотвѣтствуютъ особенностямъ вызывающихъ ее чувствъ. Любитъ или ненавидитъ человѣкъ, радуется или отчаявается онъ — все это такъ или иначе отражается и на его проявленіяхъ во внѣ,—на дѣятельности, которая происходитъ въ средѣ человѣческаго общества.

Оцѣнивая и опредѣляя чувствованія и слагающееся изъ нихъ самочувствіе и настроеніе человѣка именно со стороны ихъ общественнаго значенія, мы должны будемъ сказать, что аномаліи и извращенія суть такіе ихъ оттѣнки, которые подсказываютъ и вызываютъ дѣйствія болѣе или менѣе невыгодныя и вредоносныя для благополучія и благоденствія общества и самого совершающаго ихъ человѣка. Какъ только у человѣка развиваются уклоненія отъ приспособленія въ чувствахъ, такъ слѣдомъ за ними начивается и разладъ съ требованіями общественности, проявляющійся въ особенностяхъ дѣятельности, въ вредоносности дѣйствій для окружающихъ и для самого человѣка. Я не стану останавливаться здѣсь на изученіи болѣе обычныхъ измѣненій родоваго чувства, которыя въ общественномъ отношеніи, по справедливости, могутъ быть причисляемы къ извращеніямъ,—на различныхъ оттѣнкахъ злобнаго отвращенія и ненависти. Замѣчу только, что родовое чувство, являясь съ присущими ему особенностями чувства симпатіи и любви, неудержимо влечетъ и притягиваетъ людей другъ къ другу, дѣлаетъ ихъ способными радоваться чужою радостью и утѣшаться чужимъ счастьемъ. Напротивъ, то же родовое чувство, видоизмѣняясь въ своей чувственной окраскѣ и являясь съ особенностями злобнаго отвращенія и ненависти, порождаетъ отталкиванія и заставляетъ одного наслаждаться неудачами, горемъ и страданіями дру-

гого. Симпатія и любовь—элементъ созидающій и важнѣйшее основаніе добра, злое отвращеніе и ненависть—элементъ, подкапывающій и разрушающій, основаніе зла. Ихъ общее—что они иногда заставляютъ вполнѣ забывать о себѣ, о своихъ удобствахъ и радостяхъ, заставляютъ даже жертвовать собою, и цѣною жертвы покупать въ одномъ случаѣ благоденствіе, а въ другомъ—страданіе любимаго или ненавидимаго лица. Онѣ жаждутъ и требуютъ самоудовлетворенія, часто вполнѣ забывая и попирая всѣ остальные интересы ихъ носителя,—любящаго или ненавидящаго человѣка.

Перейдемъ теперь къ случаямъ, въ которыхъ различныя въ своихъ своеобразныхъ оттѣнкахъ измѣненія и извращенія родоваго чувства являются непосредственными основаніями въ различныхъ степеняхъ рѣзко выраженной наклонности прибѣгать къ убійству, дѣйствовать и даже наслаждаться имъ. Для лучшаго освѣщенія всего послѣдующаго, начну съ разсмотрѣнія основныхъ явленій.

Опытъ учитъ, что повышенному половому возбужденію нерѣдко бываетъ присущъ элементъ того остраго раздраженія, которое окрашивается злобнымъ оттѣнкомъ и что самый послѣдующій актъ отличается болѣе или менѣе судорожнымъ характеромъ. «Существуетъ такъ много аналогіи», замѣчаетъ Esguirol, «между слабымъ эпилептическимъ припадкомъ и спазматическимъ возбужденіемъ, которымъ заканчивается актъ воспроизведенія, что древніе называли послѣдній epilepsia brevis».

Индивидуальныя различія въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ остальныхъ, конечно, весьма значительны. Нѣкоторые остаются сравнительно холодны, тогда какъ возбужденіе у другихъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ, ослабляя и понижая ясность сознанія и мыслительныхъ процессовъ въ разныхъ степеняхъ. Проф. Bouchut приводитъ, напр., случай 19-лѣт-

ней дѣвушки, которая въ періодъ усиленнаго половаго возбужденія теряла всякую стыдливость, вызывала всѣхъ мужчинъ, причемъ раздраженіе у ней достигало крайней степени, ей хотѣлось всѣхъ убить, сжечь домъ и проч.

По мѣрѣ возрастанія возбужденія, повидимому, усиливается и элементъ остраго раздраженія, о которомъ я упомянулъ сейчасъ. Подъ вліяніемъ его, а также и подъ вліяніемъ судорожнаго характера акта, сопровождающагося большимъ или меньшимъ сокращеніемъ мускуловъ сгибателей, у нѣкоторыхъ субъектовъ вполнѣ мимовольно развивается констатируемое наблюденіемъ болѣе или менѣе напряженное влеченіе причинять боль, грызть, рвать, щипать и даже душить. Профес. Ball разсказываетъ, что у него въ клиникѣ былъ одинъ паціентъ, который во время акта воспроизведенія отъѣлъ носъ у своей любовницы, при чемъ пострадали не только хрящи, но и самая кость. Въ 1891 г. передъ сенскимъ ассизнымъ судомъ прошелъ нѣкто Vaubourg по обвиненію въ задушеніи спавшаго съ нимъ въ одной кровати молодаго сотоварища. Надъ Vaubourg тяготѣли еще подозрѣнія въ задушеніи и изнасилованіи маленькой дѣвочки и въ покушеніи на задушеніе. Проститутка, бывшая предметомъ послѣдняго, разсказала, что однажды зашедшій къ ней Vaubourg просилъ доставить ему молодаго человѣка. Получивъ отказъ, онъ совершилъ попытку насильственной педерастіи, но безуспѣшно. Потерпѣвъ неудачу, Vaubourg одно мгновеніе стоялъ неподвижно, прислонившись къ стѣнѣ. При этомъ его лицо совершенно исказилось, глаза выкатились и онъ казался ужасенъ. Несчастная въ смертельномъ страхѣ брасилась къ окну и едва успѣла крикнуть, какъ Vaubourg снова кинулся на нее, опрокинулъ, схватилъ за горло, сильно сжалъ его и пытался продолжать начатое. Д-ръ Marro приводитъ интересный случай одного изнасилователя, который,

несмотря на то, что на крики сбѣжались сосѣди, такъ крѣпко держалъ подъ собою дѣвушку, что его нужно было почти задушить, крѣпко сжимая ему горло, чтобы вырвать у него его жертву.

Нѣкто Verzeni, обвинявшійся въ задушеніи нѣсколькихъ женщинъ, признался, что дѣлалъ это для половаго удовлетворенія. Одно прикосновеніе къ шеѣ жертвы вызывало у него половое возбужденіе и самый актъ душенія удовлетворялъ его въ половомъ отношеніи. Во время этого акта и послѣ него, онъ судорожно прижимался къ тѣлу жертвы, кусалъ ее и сосалъ кровь, что доставляло ему половое удовольствіе.

Самое чувство боли у нѣкоторыхъ субъектовъ во время половаго возбужденія совершенно утрачивается (примѣръ такой утраты представлялъ, между прочимъ, извѣстный осквернитель труповъ, сержантъ Bertrand), или же настолько ослабляется, что раздраженія, вызывающія обычно болѣе или менѣе нестерпимую боль, становятся въ это время похотливо-пріятными. Carlier въ своей работѣ о проституціи разказываетъ про одного мужчину, бывшаго извѣстнымъ подъ именемъ принцессы Саломеи. Онъ чувствовалъ влеченіе къ лицамъ одного съ нимъ пола и, во время своихъ любовныхъ похожденій, заставлялъ сильно бить и обирать себя. Бившихъ бывало по пяти и шести человѣкъ. Сначала онъ обмѣнивался съ ними ласками, а затѣмъ начиналось битье и обираніе, процессъ которыхъ онъ стремился продолжать возможно долѣе. При этомъ онъ плакалъ, рыдалъ и звалъ на помощь. Всѣ эти дѣйствія составляли одинъ сложный процессъ, служившій средствомъ для вызыванія сладострастнаго возбужденія и наслажденія имъ.

Тотъ же авторъ разсказываетъ, что у нѣкоторыхъ про-

ститутокъ находятъ цѣлые арсеналы орудій и инструментовъ для причиненія боли и физической муки,—длинныя иголки, плети, хлысты, ремни, утыканные булавками, веревки съ узлами и со слѣдами крови на нихъ и проч. Въ одномъ изъ нумеровъ Archivio di Psichiatria за истекшій годъ разсказанъ случай одного пожилаго господина, который по нѣсколько разъ въ недѣлю приходилъ въ публичный домъ къ одной и той же проституткѣ, заставлялъ связывать себя и наносить себѣ пораненія для похотливаго наслажденія испытываемыми при этомъ ощущеніями.

Всѣ подобные факты, извѣстные во множествѣ, ясно показываютъ, что ощущенія отъ бичеванія, наносимыхъ ударовъ, видъ пораненій и крови заставляютъ звучать въ самочувствіи *нѣкоторыхъ* тоны половаго чувства и вызываютъ у нихъ сладострастное возбужденіе, какъ объ этомъ упоминаетъ, на основаніи своего субъективнаго опыта, въ своей «Исповѣди» и Жанъ-Жакъ Руссо, что, конечно, возможно исключительно подъ условіемъ значительнаго ослабленія или даже исчезновенія чувства боли и замѣны и перехода его въ чувство пріятности и удовольствія. Когда къ этому пріятному половому возбужденію, *зарождающемуся при такихъ условіяхъ*, присоединяется еще болѣе или менѣе порывистая страстность, тогда слагающіяся изъ такихъ элементовъ самучувствіе и настроеніе проявляются со всѣми атрибутами сладострастной кровожадности, которая всего ярче обнаруживается въ случаяхъ окровавленія разврата. Когда же, при наличности всѣхъ прочихъ элементовъ, элементъ порывистой страстности отсутствуетъ, тогда самочувствіе и настроеніе окрашиваются оттѣнкомъ холодной жестокости.

Не вдаваясь въ изложеніе возможныхъ гипотезъ для объясненія указанныхъ явленій, примемъ ихъ, какъ несомнѣнный

фактъ, констатируемый точными наблюденіями, и при этомъ только отмѣтимъ пока, что описанные оттѣнки половыхъ чувствованій, входящихъ въ составъ настроенія, даютъ всѣ элементы, необходимые въ субъективномъ отношеніи для совершенія убійства. Пробуждаясь и вибрируя въ самочувствіи, они, подъ вліяніемъ закона ассоціацій чувствованій и представленій, легко могутъ подсказывать мысль объ убійствѣ и порождать наклонность дѣйствовать имъ. Лица съ такими особенностями въ своихъ субъективныхъ чувственныхъ состояніяхъ, очевидно, не встрѣтятъ препятствій къ исполненію кроваваго, дѣла, представленіе о которомъ не вызоветъ въ нихъ содраганія и ужаса, а, напротивъ, легко еще породитъ нѣкоторое даже болѣе или менѣе пріятное возбужденіе, обыкновенно предрасполагающее къ активности. «Никогда я и не думалъ, чтобы было такъ легко убивать» говорилъ Gigax, покончивъ свое первое двойное убійство, послѣ котораго онъ отправился въ фотографію снимать свое изображеніе на ограбленныя деньги. Во время сеанса онъ былъ совершенно свѣжъ и спокоенъ, при чемъ на его лицѣ отражалась такая ясность, что на него, по словамъ фотографа, было даже пріятно смотрѣть.

Послѣ только что совершенной предварительной и наводящей па руководящую мысль экскурсіи въ область фактовъ, перейду теперь къ послѣдовательному изученію убійствъ въ ихъ различныхъ типахъ, причемъ попытаюсь располагать эти типы въ одинъ убывающій рядъ, чтобы, благодаря постепенности переходовъ, внутреннее сродство явленій, если такое существуетъ, выступало возможно рельефнѣе. Вполнѣ ясно обнаруживается непосредственныя связь между занимающими насъ оттѣнками чувствованій и образующимся при ихъ участіи самочувствіемъ съ одной стороны, и наклонностью дѣйствовать убійствомъ и легкостью возникновенія мысли о немъ—съ дру-

гой, въ случаяхъ убійствъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ злобнаго раздраженія изъ-за неудавшагося обладанія субъектомъ, возбудившимъ страсть и похоть. Въ этихъ случаяхъ раздраженное половое чувство является единственнымъ двигателемъ, вооружающимъ руку убійцы и подсказывающимъ ему его образъ дѣйствій. Вслѣдствіе очевидности причинной связи а также недостатка мѣста, я не буду приводить относящіеся сюда многочисленные примѣры, которые, вѣроятно, извѣстны каждому.

Не менѣе ясно обнаруживается та же связь между занимающими насъ оттѣнками половыхъ чувствованій и самочувствія и наклонностью дѣйствовать убійствомъ въ случаяхъ убійствъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ ревности — сложнаго чувства, коренящагося, однако, главнымъ образомъ, въ половомъ чувствѣ. Въ подобныхъ случаяхъ весьма поучительно наблюдать и прослѣживать, какъ легко и непосредственно возникаетъ и укореняется мысль объ убійствѣ предмета страсти и дѣйствительнаго или мнимаго соперника, причемъ иногда злобное раздраженіе ревности не ограничиваетси подсказываніемъ мысли объ убійствѣ только этихъ лицъ, но и наталкиваетъ на убійство лицъ близкихъ имъ, видъ и представленія о которыхъ, вслѣдствіе вліянія закона ассоціацій, вызываютъ то же злобно-кровожадное раздраженіе и ненависть. Приведу одинъ изъ случаевъ этого рода. Нѣкто Montée ревновалъ свою жену къ одному изъ своихъ сосѣдей, Вагон, и подозрѣвалъ ее въ связи съ нимъ. Когда злое чувство, долго точившее его, какъ червь, значительно развилось и стало господствующимъ, оно подсказало соотвѣтствующіе планы и рѣшенія и толкнуло несчастнаго къ ихъ осуществленію. Выстрѣломъ изъ засады, направленнымъ въ окно жилища своего подозрѣваемаго соперника, Montée положилъ послѣдняго на мѣстѣ. Но убійства его одного ему было мало. Все дорогое

или близкое Вагоп, ассоціировавшееся съ нимъ въ представленіяхъ, вызывало то же злобное чувство ненависти, требовавшее крови и уничтоженія. Подъ его вліяніемъ, Montée, вслѣдъ за убійствомъ соперника, немедля схватилъ топоръ и съ нимъ бросился въ домъ своей жертвы. Здѣсь, на верху, онъ нашелъ десятилѣтнюю дочь Вагоп. Ударомъ топора онъ разсѣкъ ей черепъ, потомъ сталъ искать жену Вагоп, но не найдя ее, убилъ нѣсколькихъ овецъ, а самъ повѣсился. Вмѣстѣ съ своею жизнію онъ уничтожилъ и ужасное чувство злобы, ненависти и постояннаго безпокойства, которыя подсказали ему мысль объ убійствѣ, заставили дѣйствовать его руку и которыя такъ долго мучили его и отравляли ему существованіе, вызываясь представленіями о томъ, какъ его жена отдается другому.

Еще болѣе ясно проявляется связь между занимающими насъ оттѣнками половыхъ чувствованій и наклонностью дѣйствовать убійствомъ въ случаяхъ совершенія убійствъ съ цѣлью непосредственно слѣдующаго за тѣмъ удовлетворенія своей страсти. Въ такихъ случаяхъ и у такихъ лицъ видъ личности, отказывающей въ удовлетвореніи ихъ похотливыхъ желаній, возбуждаетъ только злобно-жестокое раздраженіе съ оттѣнкомъ кровожадности, которое легко, непосредственно и какъ-то само собой подсказываетъ мысль объ убійствѣ и своей субъективной окраской облегчаетъ его, не оставляя мѣста ни жалости, ни состраданію къ жертвѣ преступленія, къ ея мольбамъ, воплямъ и страданіямъ.

Нѣкто Joseph Lepage, юноша 16½ лѣтъ, былъ пріюченъ однимъ рабочимъ, любовница котораго вскорѣ возбудила въ немъ похотливыя желанія. Послѣднія особенно усилились во время ея болѣзни. «Всякій разъ, какъ я прикасался къ ея кожѣ», разсказывалъ Lepage, «я содрагался отъ желанія обла-

дать ею». «Чувствуя себя возбужденнымъ, при видѣ ея прекраснаго горла, сказалъ себѣ»: «я буду обладать ею живою или мертвою». «Такъ какъ я видѣлъ, что она не согласится, то у меня явилась мысль зарѣзать ее и хорошенько удовлетворить своему желанію. Пока тѣло еще тепло, это должно быть также пріятно». И Lepage совершилъ покушеніе на убійство, нанеся своей жертвѣ ударъ ножемъ въ то время, когда она спала съ ребенкомъ на кровати. Онъ пояснялъ потомъ, что, если бы ребенокъ шевельнулся въ этотъ моментъ, то онъ «однимъ ударомъ выпустилъ бы ему кишки».

Проф. Lombroso приводитъ примѣръ нѣкоего Diaz'a Garayo, который имѣлъ отягощенную наслѣдственность и былъ женатъ 4 раза.

Его первое кровавое дѣяніе, совершенное при жизни третьей жены, относится къ 1870 г., когда онъ, при встрѣчѣ съ одной 40-лѣтнею проституткой, предложилъ ей отдаться ему, но не сойдясь въ цѣнѣ, задушилъ ее, раздѣлъ до нага, изнасиловалъ, потомъ удалился и спокойно принялся за свои занятія. Въ 1871 г. онъ совершилъ такое же преступленіе надъ одной пожилой женщиной. Въ 1872 г. онъ задушилъ и изнасиловалъ 13-лѣтнюю дѣвочку, а вскорѣ потомъ —одну проститутку. Въ 1873 и 74 гг. онъ совершилъ два неудавшихся покушенія на задушеніе, одно изъ которыхъ было направлено на старуху нищую. Въ 1878 году онъ совершилъ неудавшееся покушеніе задушить мельничиху въ ея собственномъ домѣ. Черезъ пять мѣсяцевъ онъ также неудачно пытался задушить одну старуху нищую, а еще черезъ мѣсяцъ напалъ на дорогѣ на 25-лѣтнюю дѣвушку, схватилъ ее за горло, сдавилъ и предлагалъ отдаться ему. Получивъ отказъ, онъ выхватилъ кортикъ, нанесъ имъ своей жертвѣ нѣсколько ударовъ, изнасиловалъ ее и потомъ еще нѣсколько разъ уда-

рилъ ее кортикомъ. Найдя въ бывшей при дѣвушкѣ коробкѣ сласти и вино, онъ съѣлъ часть сластей, запилъ ихъ виномъ и спокойно пошелъ спать. Черезъ два дня онъ еще задушилъ и изнасиловалъ 52-лѣтнюю женщину, послѣ чего вырѣзалъ ей внутренности. Арестованный онъ признался во всѣхъ своихъ преступленіяхъ, при чемъ не выражалъ ни стыда, ни раскаянія. Онъ былъ осужденъ и казненъ.

Только что приведенный примѣръ, а равно и примѣръ Verzeni по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ непосредственно граничатъ съ явленіями влеченія окрававливать развратъ и похотливо-страстно наслаждаться видомъ крови жертвы и проявленіями испытываемой ею боли и мукъ. Уже въ случаяхъ Verzeni и Garayo задушеніе не является только средствомъ достигнуть обладанія. Въ нихъ мы подмѣчаемъ и стремленіе рѣзать задушаемыхъ и проливать ихъ кровь. Такъ Garayo у послѣдней изъ задушенныхъ имъ вырѣзалъ внутренности, а Verzeni кусалъ свои жертвы, сосалъ у нихъ кровь, а ранѣе рѣзалъ куръ и въ этомъ находилъ половое наслажденіе. Но у этихъ двухъ лицъ влеченіе къ окровавленію разврата и причиненію при этомъ боли и мукъ проявляется не вполнѣ еще ясно. Въ другихъ сопредѣльныхъ случаяхъ оно, напротивъ, обнаруживается съ поразительной яркостью. Одинъ изъ наиболѣе типичныхъ примѣровъ этого рода представлялъ собою маркизъ de Sade. Онъ создалъ теорію кровавыхъ наслажденій и утверждалъ, что, при половыхъ удовлетвореніяхъ, наслажденія одной стороны должны всегда соразмѣряться съ страданіями другой. Онъ выпустилъ въ свѣтъ снабженный соотвѣтствующими гравюрами романъ «Justine», въ которомъ описалъ различныя формы кровавыхъ наслажденій. Романъ этотъ строго запрещенъ и въ немъ, по словамъ проф. Ball'я, который имѣлъ его въ рукахъ, господствующими являются идеи истязаній и

изувѣченій. Одна изъ описанныхъ въ немъ формъ—обладаніе женщиною, у которой изъ глубокихъ разрѣзовъ, сдѣланныхъ на груди, обильно вытекаетъ кровь. Эту форму наслажденій практиковалъ самъ de Sade, заманивая къ себѣ женщинъ. Его похощникъ-лакей былъ казненъ, а de Sade, по приказанію Наполеона I, былъ заключенъ въ Charenton. «Долго послѣ того»—разсказываетъ проф. Ball—«видѣли этого любезнаго старика ведущимъ полные благожелательности разговоры съ своими созаключенными и старающимся убѣдить ихъ въ правильности своихъ доктринъ».

Другой разительный примѣръ намъ представляетъ маршалъ Франціи Gilles de Rays, который во время своихъ оргій перерѣзалъ для окровавленія разврата болѣе 800 чел. дѣтей. На вопросъ президента суда онъ отвѣчалъ, что дѣйствовалъ по влеченію сладострастія и что мучительство дѣтей ему доставляло невыразимое наслажденіе. Ближайшимъ толчкомъ къ началу его оргій послужило чтеніе исторіи Светонія, въ которой описаны формы окровавлявшагося разврата Тиверія, Нерона, Комода и другихъ цезарей.

Въ описываемой группѣ явленій наблюдаются и нѣкоторыя разновидности. Влеченіе въ крови и мучительству не всегда сопровождаетъ, какъ въ послѣднихъ примѣрахъ, половой актъ и не всегда загорается въ моментъ его, а, напротивъ, иногда сопослѣдуетъ ему. Предшествующее половое возбужденіе иногда какъ бы переходитъ въ него и оно представляетъ собою только какъ бы дальнѣйшее продолженіе этого возбужденія. Разсказываютъ, что такія проявленія наблюдались у египетской царицы Клеопатры, которая умерщвляла своихъ любовниковъ уже послѣ половаго сожительства съ ними. Въ свою очередь новѣйшее время представляетъ не мало точно наблюденныхъ случаевъ этого рода. Esquirol разсказываетъ, напримѣръ, про од-

ного 24 лѣтняго виноградаря, который, встрѣтивъ дѣвочку 12 лѣтъ, сначала совершилъ съ ней половой актъ, а потомъ вырвалъ ей половые органы и сердце, съѣлъ ихъ и запилъ свою ужасную пищу кровью несчастной.

Нѣкто Bichel, сначала насиловалъ дѣвушекъ, потомъ съ особымъ ожесточеніемъ рѣзалъ ихъ, разрубалъ на куски и зарывалъ въ заранѣе приготовленную яму. Привлеченный къ отвѣтственности послѣ одного изъ такихъ убійствъ, онъ разсказывалъ на судѣ, что во время всей процедуры рѣзанья и разрубанія онъ испытывалъ сильнѣйшее желаніе вырвать кусокъ изъ трупа. Въ приведенныхъ примѣрахъ влеченіе къ крови и мучительству такъ или иначе соединялось съ половымъ актомъ. Оно или существовало съ нимъ, или являлось какъ бы его продолженіемъ. Но бываютъ случаи въ которыхъ оба элементы не наблюдаются и специфическія проявленія половаго возбужденія отпадаютъ; влеченіе къ крови и мучительству какъ бы замѣщаетъ ихъ и одно наполняетъ всю сцену. Въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собой какое то загадочное влеченіе къ крови, мучительству и убійству въ чистомъ видѣ. Связующимъ звеномъ и какъ бы переходною ступенью между двумя группами явленій, т. е. между случаями, въ которыхъ ясно выраженныя специфическія проявленія половаго возбужденія такъ или иначе соединяются съ влеченіемъ къ крови и мучительству, и случаями съ замаскированной похотливостью и съ однимъ ясно выраженнымъ влеченіемъ къ крови, служатъ тѣ случаи, *въ которыхъ самыя дѣйствія, вызываемыя влеченіемъ къ крови и мучительству, влекутъ за собою половое удовлетвореніе со всѣми его послѣдствіями какъ бы замѣщаютъ собою половой актъ.*

Одинъ 30-лѣтній церковникъ L., о которомъ разсказы-

ваетъ д-ръ Mac Donald, совершилъ два убійства «Мотивомъ ихъ было сладострастіе самаго ужаснаго характера», какъ это призналъ и обвиняемый. Одна изъ убитыхъ была молодая женщина, а другая маленькая дѣвочка, которую L. заманилъ на колокольню своей церкви. Оба убійства были совершены тупымъ орудіемъ и въ каждомъ случаѣ было произведено много поврежденій, которыя всѣ находились выше шеи. Половые органы жертвъ оказались нетронутыми. Не было также совершенно изнасилованія или оскверненія труповъ, но брюки, бывшіе на L. во время убійства, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ носили слѣды обильнаго изверженія сѣмени, происшедшаго во время акта убійства, доставлявшаго половое удовлетвореніе. По этому поводу д-ръ Mac Donald справедливо замѣчаетъ: «Въ случаѣ L. имѣло мѣсто полное замѣщеніе сексуальности жестокостью».

Въ только что приведенномъ примѣрѣ пролитіе крови не имѣло мѣста. Въ другихъ однородныхъ случаяхъ убійство или только мучительства, замѣняющія половой актъ, напротивъ, окровавливаются, сопровождаются видомъ крови и наслажденіемъ имъ. Къ этой разновидности, повидимому, принадлежитъ случай извѣстнаго Джека потрошителя, разсказанный, между прочимъ, у того же Mac Donald'a.

Въ работѣ Demme, цитируемой Krafft-Ebing'омъ, приведены два подобныхъ примѣра. Въ одномъ изъ нихъ дѣйствующимъ лицомъ является рѣзатель дѣвушекъ, виноторговецъ Bortl. Съ 14 лѣтъ онъ испытывалъ сильнѣйшія половыя возбужденія и въ то же время чувствовалъ отвращеніе къ сожительству съ женщинами и къ онанизму. Между тѣмъ возбужденія не давали ему покоя, сосредочивали на себѣ его вниманіе и заставляли работать мысль. Однажды, какъ то само собой, ему пришло въ голову ранить дѣвушекъ, вызывать у нихъ кровь и тѣмъ

удовлетворять себя. Онъ сталъ осуществлять задуманное. Сначала онъ дѣлалъ разрѣзы, а потомъ началъ производить уколы, потому что ему казалось, что этимъ способомъ вызывается болѣе сильное кровотеченіе и сильнѣйшая боль. Интересно, что онъ пытался сдавливать руку или шею дѣвушкамъ, но этого было недостаточно для полноты удовлетворенія: вызывалась только эрекція, но не изверженія сѣмени.

Въ другомъ случаѣ нѣкто Н. съ 10-лѣтняго возраста почувствовалъ сильнѣйшее половое влеченіе. Сначала онъ предавался онанизму, потомъ практиковалъ садомію и, наконецъ, какъ то инстинктивно пришелъ къ мысли причинять уколы въ половыя части женщины и смотрѣть на стекающую съ ножа кровь. Эти манипуляціи сами по себѣ доставляли ему полное половое удовлетвореніе, а видъ стекающей крови вызывалъ у него высшее наслажденіе.

Отъ переходныхъ случаевъ обратимся къ разсмотрѣнію случаевъ уже упомянутой второй группы съ замаскированною похотливостью, въ которыхъ специфическія проявленія этой послѣдней вполнѣ замѣщаются какими-то загадочными и болѣе или менѣе сильными и иногда, повидимому, даже неудержимыми влеченіями къ крови и убійству, вполнѣ сходными въ своихъ проявленіяхъ съ тѣми, съ которыми мы только что познакомились въ приведенныхъ примѣрахъ. «Нѣкоторые больные чувствуютъ отвращеніе къ крови», замѣчаетъ бельгійскій психіатръ первой половины настоящаго столѣтія—Guislain, «тогда какъ другіе любятъ видѣть текущую кровь». Эта любовь къ крови, это влеченіе къ ней иногда достигаютъ сильнѣйшаго напряженія и, подобно половому чувству, которое повидимому, въ своихъ особыхъ оттѣнкахъ и образуетъ ихъ, овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка, создаетъ принудительно-навязчивыя представленія и уничтожаетъ всякое равно-

вѣсіе въ настроеніи, не даетъ ни отдыха, ни срока и властно требуетъ удовлетворенія, какъ его обыкновенно требуетъ сильно развитый половой инстинктъ. Въ своемъ мемуарѣ о мономаніи убійства Esquirol замѣчаетъ: «Онъ (т.-е. мономаніакъ) увлекается *слѣпымъ инстинктомъ, чѣмъ то необяснимымъ*, что его вынуждаетъ убивать».

Въ одномъ изъ многочисленныхъ случаевъ этого рода 25-лѣтній сынъ одного изъ крупнѣйшихъ негоціантовъ Парижа уморилъ себя угаромъ. Въ оставленной имъ посмертной запискѣ онъ говоритъ слѣдующее: «я лишаю себя жизни потому, что увѣренъ, что когда-нибудь я бы опозорилъ мою семью. Я одержимъ страннымъ помѣшательствомъ, которое не даетъ мнѣ покоя: я жажду крови и человѣческой крови въ особенности, мнѣ приходили ужасныя мысли объ убійствѣ; до сихъ поръ я могъ владѣть этими страшными инстинктами, но они усиливаются и я хочу покончить съ ними». При чтеніи этого письма, невольно приходитъ на память одно мѣсто изъ посланія Апостола Павла къ римлянамъ, въ которомъ онъ своимъ сильнымъ языкомъ живописуетъ слѣдующее душевное состояніе. «По внутреннему человѣку», говоритъ Апостолъ, «нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, *но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ* закона грѣховнаго, *находящагося въ членахъ моихъ*» «Добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю».

— Сколько разъ я дрался на дуэли, разсказывалъ д-ру Lauvergne одинъ господинъ, слѣдившій съ увлеченіемъ за казнію преступника, и какъ прыгало мое сердце отъ радости въ день боя»!

— А при видѣ казни, испытываете ли вы то же самое, спросилъ Lauvergne.

— Не вполнѣ; каторжный не англичанинъ; тѣмъ не менѣе, при видѣ безразличнаго для меня человѣка, который при томъ заслужилъ смерть, я смотрю на него съ чувствомъ удовлетворяемой потребности. Впрочемъ, я люблю кровь, прибавилъ онъ смѣясь.

«Къ тому же я очень люблю видѣть кровь», пояснялъ д-ру Laurent, какъ бы повторяя тѣ же слова, одинъ молодой преступникъ, который находилъ вполнѣ естественнымъ убить человѣка, чтобы достать денегъ.

Въ только что приведенныхъ случаяхъ мы наблюдаемъ какое-то загадочное влеченіе къ крови въ чистомъ видѣ, не сопровождаемое никакими специфическими проявленіями похотливости. Въ другихъ сходныхъ случаяхъ влеченіе къ крови въ чистомъ видѣ замѣщается такимъ же загадочнымъ влеченіемъ къ убійству. Впрочемъ, различать эти два вида влеченій въ практикѣ довольно трудно и не рѣдко трудно разрѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ влеченіемъ къ крови, для котораго убійство служитъ только средствомъ, или же мы имѣемъ дѣло съ влеченіемъ къ убійству, какъ таковому. Тѣмъ не менѣе, изученіе отдѣльныхъ случаевъ, повидимому, показываетъ, что такое различіе влеченій существуетъ, и мнѣ думается, что оно обусловливается различіями въ оттѣнкахъ самочувствія и настроенія. Когда въ нихъ преобладаютъ оттѣнки сладострастія, тогда, повидимому, развивается влеченіе и жажда крови, когда же, напротивъ, преобладаетъ элементъ злобно-судорожнаго раздраженія, тогда наблюдается влеченіе къ убійству. Высказываю это предположеніе, впрочемъ, со всею необходимою осторожностью.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ случаевъ влеченія къ убійству въ его чистомъ видѣ разсказанъ у проф. Lasègue. Нѣкто Thouviot умышленно, но безъ всякихъ поводовъ, убилъ въ

ресторанѣ, гдѣ онъ былъ всего въ первый разъ, совершенно незнакомую ему служанку Cotard. Thouviot родился въ тюрьмѣ Saint-Lazare отъ пятнадцатилѣтней дѣвушки, *отличавшейся распущенными нравами*, и имѣлъ отцомъ 65-лѣтняго еврея. Thouviot получилъ хорошее начальное образованіе, а частью и среднее и впослѣдствіи обучался разнымъ ремесламъ. *Въ возрастѣ половаго развитія* Thouviot впервые почувствовалъ сильное влеченіе убить жившую у одного съ нимъ хозяина няньку, противъ которой онъ не имѣлъ никакихъ неудовольствій. Нѣсколько разъ онъ заманивалъ ее въ погребъ, но привести въ исполненіе свое намѣреніе все не рѣшался. Между тѣмъ влеченіе было неотступно и сильно, такъ что у него, по его собственнымъ словамъ, мутилась голова. Тогда онъ на пять дней ушелъ изъ дому, а вернувшись отказался отъ мѣста и вскорѣ поступилъ лакеемъ въ одинъ пансіонъ. Съ перемѣною мѣста измѣнился предметъ, на которомъ до того времени сосредоточивалось влеченіе, но не оно само. У Thouviot тогда появилось напряженное желаніе убить свою мать, которую онъ обвинялъ въ дурномъ поведеніи, и это желаніе долго владѣло имъ.

Впослѣдствіи, во время коммуны, онъ служилъ въ числѣ «мстителей Парижа», потомъ поступилъ къ одному фабриканту, а затѣмъ—въ число зуавовъ и отправился въ Африку. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся въ Парижъ и здѣсь, имѣя 23 года отъ роду, совершилъ, послѣ сильной внутренней борьбы, длившейся, по его словамъ, цѣлыя сутки, извѣстное уже намъ убійство Cotard.

Ночь передъ убійствомъ онъ провелъ съ женщиной, которую ему также хотѣлось убить заранѣе приготовленнымъ красивымъ складнымъ ножемъ, но онъ не рѣшался нанести ударъ изъ боязни, что его заподозрятъ въ желаніи обокрасть

свою жертву. Утромъ послѣ того онъ зашелъ въ незнакомый для него ресторанъ, спросилъ завтракъ и во время его писалъ слѣдующее: «Всѣ спрашиваютъ, почему я убилъ! Просто для того, чтобы выйти изъ положенія, въ которомъ нахожусь. Я пробовалъ работать и хорошо вести себя; одимъ словомъ, я хотѣлъ быть счастливымъ, но въ моей судьбѣ написано, что я долженъ пойти въ каторгу или на эшафотъ.—Въ этотъ моментъ я завтракаю и спрашиваю себя, которую изъ двухъ женщинъ, находящихся въ заведеніи, я хочу убить. Послѣ нанесеннаго удара, я прошу у моихъ судей только одного— немедленно же отрубить мнѣ голову».

Окончивъ свой завтракъ, онъ удовлетворилъ своему неотступному влеченію и, проходя мимо Cotard, положилъ ей лѣвую руку на правое плечо, а правой рукой нанесъ ей въ грудь ударъ заранѣе приготовленнымъ ножемъ. Выполнивъ задуманное, онъ сначала бросился бѣжать, а потомъ пошелъ тихо. Остановленный и приведенный на мѣсто преступленія Thouviot сказалъ: «Да, это я убилъ». «Онъ полагалъ»—такъ разсказывалъ одинъ изъ свидѣтелей, Barbier, «что это мономанія, продолжавшаяся у него 6 лѣтъ и что сожительствовавшія съ нимъ женщины и не предвидѣли, что ожидало ихъ».

На вопросъ коммисара о мотивахъ преступленія, Thouviot отвѣчалъ: «Для выполненія мысли, бывшей у меня уже давно. Я не выбиралъ жертвы. Ножъ купилъ еще вчера и признаюсь, что пріобрѣлъ его съ намѣреніемъ осуществить свою мысль объ убійствѣ. Записки, которыя вы мнѣ теперь предъявляете, я писалъ до завтрака и во время завтрака и оченилъ карандашъ моимъ ножемъ».

Приведенный къ трупу, онъ въ отвѣтъ на одинъ вопросъ даже улыбнулся и спокойно описывалъ обстоятельства пре-

ступленія. Послѣднее представлялось настолько выходящимъ изъ ряда вонъ, что Thouviot былъ подвергнутъ медицинскому наблюденію. Самъ онъ рѣшительно отвергалъ всякую мысль о душевной болѣзни. Во все продолженіе времени наблюденія Thouviot писалъ, рисовалъ, былъ спокоенъ, послушенъ, не проявлялъ никакихъ болѣзненныхъ разстройствъ и о своемъ преступленіи «разговаривалъ свободно, безъ волненія и безъ раскаянія, какъ будто бы оно было совершено другимъ». Проф. Lasègue пришелъ къ заключенію, что преступленіе было совершено подъ вліяніемъ неодолимаго и преходящаго влеченія къ убійству. Thouviot былъ признанъ невмѣняемымъ и, какъ человѣкъ опасный, заключенъ въ Bicêtre, гдѣ онъ удавился въ 1881 г., т. е. черезъ 6 лѣтъ послѣ убійства. Въ написанныхъ имъ замѣткахъ о своей жизни Thouviot говоритъ: «Когда человѣкъ является на свѣтъ, судьба овладѣваетъ имъ: она слѣдуетъ за нимъ по всѣмъ этапамъ его жизни, она дѣлаетъ изъ него честнаго человѣка или злодѣя, а иногда—что еще хуже—убійцу». Далѣе слѣдуетъ описаніе счастливой жизни добродѣтельнаго рабочаго. Судьба, по словамъ Thouviot, захотѣла, чтобы онъ былъ убійцей, но кого же онъ долженъ былъ убить? Свою мать. И онъ выражаетъ сожалѣніе, что не остановился на этой мысли. Въ другой замѣткѣ онъ жалуется на несправедливость судьбы и прибавляетъ: «Я хотѣлъ поступать хорошо, но никогда не могъ прогнать мысли о преступленіи».

Въ приведенныхъ отрывкахъ Thouviot передаетъ намъ краснорѣчивое свидѣтельство своего самочувствія, описываетъ то, что онъ испытывалъ и излагаетъ заключенія, къ которымъ онъ приходитъ подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства и переживавшихся имъ темныхъ настроеній, корни которыхъ уходили въ глубь тайниковъ его инстинктивной жизни.

Весьма большой интересъ въ ряду занимающихъ насъ теперь случаевъ представляетъ случай, разсказанный д-мъ Mac Donald'омъ. Нѣкто, К., извѣстный подъ именемъ boy-torturer, съ чрезвычайной жестокостью убилъ одного маленькаго мальчика, имѣя самъ всего 14½ лѣтъ. Слѣдствіе показало, что это убійство не было единственнымъ проявленіемъ жестокости К., и что онъ, несмотря на свой юный возрастъ, насчитываетъ уже много жертвъ. Предаваться жестокостямъ онъ началъ въ возрастѣ 12 съ небольшимъ лѣтъ, при чемъ первыя проявленія влеченія къ нимъ у него были замѣчены еще въ возрастѣ 4 лѣтъ.

Въ разное время К. заманивалъ поодиночкѣ въ пустыя мѣста маленькихъ и незнакомыхъ ему мальчиковъ (всего 7 человѣкъ) и подвергалъ ихъ продолжительнымъ, систематическимъ и разнообразно-жестокимъ истязаніямъ, при чемъ не проявлялъ никакой раздражительности, а, напротивъ, выполнялъ все методически и иногда даже смѣялся во время своихъ манипуляцій. Онъ раздѣвалъ дѣтей до нага, связывалъ ихъ, затыкалъ имъ ротъ, жестоко сѣкъ веревкою или ремнемъ, кусалъ и билъ ихъ кулаками, дѣлалъ разрѣзы на тѣлѣ и наносилъ раны ножемъ, стараясь при этомъ ввести ножъ возможно глубже. Иногда К. заставлялъ истязуемыхъ читать молитвы, а затѣмъ произносить дурныя слова. Послѣ истязанія седьмаго мальчика, К. на время пріостановился, но затѣмъ безъ всякаго, повидимому, мотива совершилъ уже убійство одной маленькой дѣвочки, которой онъ перерѣзывалъ горло, отрѣзалъ голову и нанесъ нѣсколько ранъ въ бедро, животъ и пахъ. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ того К. совершилъ второе убійство. Онъ перерѣзалъ горло другому мальчику, нанесъ множество ранъ и, повидимому, пытался вырѣзать половые органы, причемъ отчасти изуродовалъ ихъ. На

вопросъ о мотивѣ преступленія, К. отвѣтилъ, что мотивъ ему самому необъяснимъ и что нѣчто, казалось толкало его. Впослѣдствіи онъ измѣнилъ объясненіе и сказалъ, что въ періодъ времени, когда имъ были совершаемы истязанія и убійства, въ его головѣ постоянно была мысль о пыткахъ и жестокостяхъ и что эта мысль зародилась у него подъ вліяніемъ чтеній о краснокожихъ.

Свидѣтели показали, что хотя у К. и замѣчались нѣкоторыя странности, но что въ умственномъ отношеніи онъ былъ очень одаренъ. Осмотръ показалъ, что К. хорошо развитъ, особенно въ половомъ отношеніи. Во время періода наблюденія К. ловко аргументировалъ, обдумывалъ свое положеніе, при чемъ въ немъ наблюдалось сознаніе нравственной отвѣтственоcти за свои поступки. Судомъ онъ былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію. Д-ръ Mac Donald видѣлъ его въ тюрьмѣ черезъ 17 лѣтъ послѣ его осужденія. Въ его наружномъ видѣ не замѣчалось ничего ненормальнаго. Его манеры были изящны и производили хорошее впечатлѣніе. Онъ отказывался говорить о своемъ преступленіи и, напротивъ, охотно говорилъ о своемъ наказаніи, которое находилъ несправедливымъ, утверждая, что онъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ.

Приведенное наблюденіе тѣмъ особенно и интересно для насъ, что въ немъ преобладающимъ влеченіемъ является загадочное и совершенно немотивированное влеченіе къ мучительству и истязаніямъ, которое красной нитью проходитъ чрезъ всѣ преступленія К. и подъ конецъ его преступной дѣятельности, повидимому, переходитъ во влеченіе къ убійству. Влеченіе къ мучительству—по меньшей мѣрѣ въ періодъ преступленій, выпадающій на эпоху полового развитія—настолько присуще натурѣ К., что онъ даже не можетъ понять

всю его чудовищность, не мучается имъ, а напротивъ, остается вполнѣ спокоенъ и ясенъ. Какихъ-либо обычныхъ внѣшнихъ проявленій похотливости мы при этомъ не наблюдаемъ у К. Истязая мальчиковъ, онъ не пытается совершать противоестественные акты и во время мучительства не предается онанизму. Половая природа влеченія, если и проявляется, то какъ бы мелькомъ въ выраженномъ имъ одной изъ жертвъ желаніи отрѣзать у нея половый органъ, въ попыткѣ вырѣзать у другой жертвы половыя части и въ ихъ изуродованіи, да развѣ еще въ принужденіи дѣтей произносить, вслѣдъ за молитвою, безстыдныя выраженія.

Въ связи съ предшествующими наблюденіями, напомню еще одинъ типичный примѣръ креола В.

Отецъ его былъ очевидцемъ возстанія и былъ такъ пораженъ происходившими кровавыми сценами, что воспоминанія о нихъ никогда не покидали его; онъ умеръ въ безуміи. Братъ В. былъ эпилептикъ, а его дочь, племянница В., съ ранняго возраста проявляла усиленную склонность къ разврату и, несмотря на прекрасное матеріальное положеніе и всѣ старанія своей бабушки, еще въ молодости предалась самой разнузданной проституціи. Многіе другіе члены семьи закончили самоубійствомъ.

Самъ В. представлялся богато одаренной натурой: это былъ человѣкъ сильный, интеллигентный, трудолюбивый и съ желѣзною волей. Еще въ дѣтствѣ онъ уже былъ не похожъ на всѣхъ прочихъ дѣтей и всегда проявлялъ рѣзкія крайности. Въ играхъ и во всемъ, когда дѣло шло о борьбѣ, онъ особенно воспламенялся. Противорѣчія и выговоры выводили его изъ себя. Онъ любилъ лишь то, что такъ или иначе напоминало разрушеніе. Большую склонность онъ питалъ къ оружію и разсказамъ объ убійствахъ. Съ раннихъ поръ онъ прояв-

лялъ замѣчательный талантъ рисованія, но рисовалъ только сцены убійствъ и побоищъ. Въ юности онъ съ особой любовью занялся стрѣльбою въ цѣль и фехтованіемъ. Онъ посѣщалъ усыпальницы мертвыхъ, съ жадностью слѣдилъ за крупными процессами и въ дни экзекуцій, чтобы не пропустить ни одной подробности, первый отправлялся на площадь S. Jacques. Видъ казней производилъ на него потрясающее впечатлѣніе: онъ становился блѣденъ, дрожалъ и тѣмъ не менѣе жадно искалъ ихъ зрѣлищъ, а потомъ, въ теченіе нѣкотораго времени, съ жаромъ разсказывалъ о видѣнномъ *). Въ дни волненій 1830 и 1837 гг. онъ бѣгалъ повсюду, ораторствовалъ, сопровождалъ уносимые трупы и появлялся повсюду, гдѣ только была кровь.

Онъ анатомически изучилъ наиболѣе опасныя мѣста для ударовъ кинжаломъ и создалъ собственную теорію послѣднихъ. Онъ бредилъ дуэлями и искалъ ссоръ съ незнакомыми людьми. Политическія дуэли крайне интересовали его. Онъ толковалъ о каждой изъ нихъ, всегда принималъ сторону побѣдителя и съ жаромъ доказывалъ, что, убивая противника, онъ только, пользовался неотъемлемо принадлежавшимъ ему правомъ. Съ чего бы ни начался разговоръ, онъ всегда такъ или иначе сводилъ его на разсказы о кровавыхъ происшествіяхъ. По ночамъ онъ посѣщалъ подозрительныя мѣста и повсюду искалъ приключеній. Онъ прекрасно зналъ каждое мѣстечко Парижа, отмѣченное какимъ либо трагическимъ происшествіемъ. Онъ быстро изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и съ увлеченіемъ занимался исторіей и изученіемъ хроникъ средневѣковаго періода.

Однажды одинъ итальянецъ сообщилъ ему, что его лю-

*) Какъ извѣстно, римскій императоръ, развращенный Калигула, не пропускалъ казней и всегда былъ ихъ страстнымъ зрителемъ.

бовница измѣнила ему. Не раздумывая и не требуя обясненій, В. взялъ оружіе, отправился къ обвиняемой и, войдя внезапно въ комнату, убилъ ее двумя выстрѣлами изъ пистолета, не произнося при этомъ ни единаго слова. Когда разнесся слухъ, что молодой художникъ изъ высшаго общества убилъ женщину, то всѣ знавшіе В., не задумываясь, называли его, такъ какъ всѣ были увѣрены, что рано или поздно онъ долженъ совершить что-либо кровавое. Никто не сомнѣвался, что онъ совершилъ убійство, уступая своему влеченію къ крови и только воспользовался возможной измѣной, какъ благовиднымъ предлогомъ. Самъ В. утверждалъ противное. Онъ говорилъ объ убійствѣ съ видомъ человѣка, выполнившаго тяжелую обязанность, и полагалъ, что судъ долженъ приравнять его къ мужу, отомстившему свою поруганную честь. Приведенный къ трупу, В. вмѣшался въ разговоръ о направленіи пуль и обсуждалъ этотъ вопросъ съ такимъ хладнокровіемъ и интересомъ, какъ будто онъ былъ совсѣмъ непричастенъ къ дѣлу. Судъ приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ на 10 лѣтъ.

По истеченіи срока, В., не медля вернулся въ Парижъ, принялся за свои обычныя занятія, погрузился въ работу и скоро снискалъ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ его знавшихъ.

Но и въ этотъ періодъ В. остался прежней личностью. Затишье было кажущееся. Какъ только въ февралѣ 1848 г. на улицахъ раздались первые выстрѣлы, В., не медля, вышелъ изъ своего спокойнаго состоянія. Не исповѣдуя никакихъ убѣжденій и въ тоже время будучи аристократомъ по рожденію и по всему складу своей личности, онъ тѣмъ не менѣе одѣлся въ блузу и съ карабиномъ въ рукахъ отправился на баррикады отстаивать несимпатичные ему народные интересы. Здѣсь онъ устроился съ удобствомъ и возможной безопасностью и началъ стрѣлять въ солдатъ, направляя пули въ сонныя

артеріи шеи. По окончаніи битвы, онъ отыскивалъ своихъ убитыхъ и повѣрялъ вѣрность своихъ выстрѣловъ. Въ іюнѣ онъ снова принялъ участіе въ борьбѣ, и только полученная рана заставила его покинуть баррикаду.

Такое же живое участіе принималъ онъ во время государственнаго переворота, произведеннаго Наполеономъ III. Видя, что во Франціи послѣ этого ему не скоро представится случай для новой стрѣльбы, отъ отправился въ Колифорнію и тамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ охотился на индѣйцевъ, а потомъ внезапно, по неизвѣстному поводу, котораго онъ никогда не хотѣлъ открыть, оставилъ Америку и вернулся въ Парижъ. Здѣсь онъ сдѣлался извѣстенъ своими археологическими работами. Онъ умеръ не пускаясь въ новыя приключенія.

Въ теченіе всей своей жизни В. являлся какимъ-то геніемъ и художникомъ убійства, къ которому неудержимо тяготѣли и которому покорно служили всѣ силы его богато одаренной натуры. Я не знаю болѣе поразительнаго и рельефнаго случая этого рода. Хотя въ немъ мы имѣемъ передъ собою тщательно обдумывающаго человѣка, дѣйствующаго не очертя голову, а выбирающаго удобное время и удобныя условія окружающей обстановки и всячески заботящагося о томъ, чтобы обезопасить себя отъ отвѣтственности, тѣмъ не менѣе, изучая жизнь этого человѣка, мы ясно видимъ, что на всемъ ея протяженіи чрезъ нее красной нитью проходитъ одно стойкое и властное влеченіе—влеченіе къ убійству. Оно всецѣло владѣетъ чувствами, вкусами, мыслями и всѣми способностями; оно является составною частью натуры и, сдержанное вчера и сегодня, проявится на завтра.

Теперь спросимъ себя, какія же существуютъ достаточныя основанія относить на долю извращенія все того же половаго

чувства нравственныя извращенія, наблюдаемыя въ только что приведенныхъ случаяхъ, хотя внѣшнія похотливыя проявленія въ нихъ не обнаруживаются ни въ чемъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, укажу прежде всего на поразительное сходство проявленій влеченія къ крови, мучительству и убійству, наблюдаемыхъ въ послѣднихъ случаяхъ, съ тѣми же проявленіями, наблюдавшимися въ случаяхъ предшествовавшихъ, въ которыхъ половое влеченіе окрашивалось особымъ чувственнымъ оттѣнкомъ, порождавшимъ влеченіе къ окрававленію разврата, къ истязаніямъ и даже убійству жертвы въ связи съ половымъ актомъ.

Помимо этого въ сферѣ научнаго наблюденія въ изобиліи уже накоплены факты, свидѣтельствующіе, что между влеченіями къ убійству, крови, мучительствамъ и наслажденію ими съ одной стороны и половымъ чувствомъ или правильнѣе тѣмъ, что называютъ его извращеніями, съ другой, существуетъ не совпаденіе только, а, повидимому, прямая связь и отношеніе фактора къ результату.

Факты эти различны и каждый ихъ видъ не создаетъ очевидности и достовѣрности, но свидѣтельство всей ихъ совокупности образуетъ собою, по моему мнѣнію, такое полное доказательство, на какое мы только можемъ расчитывать въ настоящее время въ сферѣ изученія нравственнаго міра человѣка.

Прежде нежели приводить относящіеся сюда факты, подчеркну въ послѣднемъ наблюденіи одну весьма характерную особенность. Въ то время, какъ самъ В. отличался стойкимъ и властнымъ влеченіемъ къ убійству, его родная племянница отличалась не менѣе стойкимъ и властнымъ влеченіемъ къ необузданному половому разврату. Послѣ всего того, съ чѣмъ насъ познакомило наблюденіе, фактъ сосуществованія влеченія къ крови и убійству и усиленнаго влеченія къ разврату

у дяди и племянницы—*лицъ происходившихъ изъ одной кровной семьи*—невольно наводитъ на мысль о томъ, не имѣемъ ли мы въ обоихъ случаяхъ дѣло съ явленіями унаслѣдованія, съ явленіями наслѣдственной повышенной раздражительности половыхъ чувствованій, различныя окраски которыхъ могутъ порождать или только похотливость, или же, какъ мы видѣли уже, и болѣе или менѣе сладострастную кровожадность и проявленія жестокости. Не приводя здѣсь примѣровъ такого унаслѣдованія, замѣчу лишь, что опытъ учитъ насъ, что чрезмѣрно развитыя половыя влеченія и раздражительно злобная жестокость и даже кровожадность съ ихъ слѣдствіями, какъ и другія особенности человѣка, наслѣдственно передаются и потому нерѣдко сосуществуютъ у различныхъ членовъ одной и той же семьи, а иногда отмѣчаютъ и цѣлыя семьи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ бы для большей демонстративности, эти явленія сосуществуютъ у одной личности, у которой тогда наблюдаются то сильнѣйшіе порывы похотливости, то неудержимое влеченіе къ мучительству, крови и убійству, развивающіеся раздѣльно и, повидимому, на почвѣ, по существу, однородныхъ настроеній.

Приведу здѣсь одинъ изъ случаевъ этого рода. Нѣкто В. съ раннихъ поръ отличался угрюмымъ, злымъ и предательскимъ характеромъ. Онъ любилъ истязать домашнихъ животныхъ и проявлялъ большую жестокость по отношенію къ своимъ младшимъ братьямъ и сестрамъ.

Однажды, подобно К. изъ наблюденія Mac Donald'a, онъ заманилъ одного маленькаго мальчика въ уединенное мѣсто, раздѣлъ его, сѣкъ, билъ, кусалъ и царапалъ ему руки и тѣло, грозилъ убить принесеннымъ съ собою ножемъ и только крики несчастнаго, быть можетъ, спасли ему жизнь. В. часто

тайкомъ наносилъ раны лошадямъ своихъ сосѣдей, душилъ и рѣзалъ у нихъ птицъ, не дѣлая изъ мяса никакого употребленія. Изобличенный въ томъ, онъ былъ приговоренъ въ тюрьму, по выходѣ изъ которой, совершилъ попытку задушить своего брата и украсть деньги у отца, за что и былъ снова заключенъ въ тюрьму на 7 лѣтъ. По отбытіи наказанія, онъ поступилъ въ кавалерійскій полкъ, гдѣ намѣренно утопилъ лошадь въ болотѣ, дезертировалъ и вернулся домой. Однажды его отецъ глубоко порѣзалъ себѣ руку, изъ которой въ обиліи потекла кровь. Присутствовавшіе ясно замѣтили, что, при видѣ крови, В. измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ и сталъ безпокоенъ и нервенъ. Воспользовавшись происшедшей суматохой, онъ ушелъ изъ дому и на сосѣдней фермѣ перерѣзалъ горло лошади, а затѣмъ убѣжалъ въ лѣсъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку и изнасиловалъ ее. За это В. былъ приговоренъ къ повѣшенію, но казнь была замѣнена ему пожизненнымъ заключеніемъ, отъ котораго онъ былъ помилованъ послѣ 10 лѣтъ пребыванія въ тюрьмѣ. Возвращаясь изъ заключенія, В. еще по дорогѣ страшно изувѣчилъ и изуродовалъ лошадь, вслѣдствіе чего и былъ заключенъ въ Кингстонскій азиль для душевно-больныхъ. Черезъ пять лѣтъ онъ бѣжалъ изъ него и въ теченіе часа, который пробылъ на свободѣ, совершилъ покушеніе на изнасилованіе одной молодой дѣвушки. Помѣщенный послѣ того въ азиль для преступниковъ, В. пытался однажды *кастрировать* одного слабоумнаго, вилкою проткнулъ животъ другому, искусалъ его и въ теченіе своего пребыванія въ заведеніи перерѣзалъ и задушилъ много животныхъ и птицъ. Онъ пріучилъ многихъ заключенныхъ къ онанизму и развилъ въ заведеніи самыя развратныя привычки.

Болѣе ясно обнаруживается взаимная связь и зависимость

занимающихъ насъ теперь явленій,—явленій влеченія къ убійству, крови и мучительству съ одной стороны и извращеній родоваго чувства съ другой въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ поразительная жестокость и кровожадность развиваются, по всѣмъ признакамъ, подъ вліяніемъ злоупотребленій онанизма, подобно тому, какъ, повидимому, развиваются онѣ и подъ вліяніемъ другихъ раздражителей въ сферѣ половой системы. Онанизмъ, особенно ранній, своими излишествами подтачиваетъ неразвитый организмъ, истощаетъ нервную систему и особенно тотъ ея отдѣлъ, который при этомъ функціонируетъ. Онъ порождаетъ повышенную раздражительность нервной системы и вслѣдствіе того ея чрезмѣрную впечатлительность, что вызываетъ у нѣкоторыхъ субъектовъ и, повидимому, у тѣхъ, у которыхъ половая система и отъ природы усиленно развита, такія состоянія самочувствія и настроенія, которыя служатъ основаніемъ проявляемой жестокости, влеченій къ крови, мучительствамъ и даже убійству.

Изъ множества извѣстныхъ фактовъ приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ. Напомню извѣстный случай, разсказанный Esquirol'емъ, въ которомъ 8-лѣтняя дѣвочка подъ вліяніемъ, какъ оказалось, онанизма, которому она начала предаваться съ четырехъ-лѣтняго возраста, стала проявлять поразительно устойчивое и цинично выражавшееся намѣреніе убить своихъ родителей. Сходный случай разсказанъ и Delasiauv'омъ. D-r Marro и Lombroso описали мальчика, который съ трехъ лѣтъ началъ предаваться онанизму. Въ возрастѣ 5 лѣтъ у него наблюдалось поразительное влеченіе дѣлать зло и не менѣе поразительная кровожадность. Въ работѣ Doursout разсказанъ случай молодаго человѣка, отличавшагося отъ природы кроткимъ, привязчивымъ и серьезнымъ характеромъ. Подъ вліяніемъ злоупотребленій онанизма послѣдній совершенно измѣнился:

развилось отвращеніе къ труду, раздражительность, страшный цинизмъ въ словахъ и поступкахъ, влеченіе дѣлать зло и влеченіе къ самоубійству.

Сходныя явленія не рѣдко сосуществуютъ и сопослѣдуютъ разврату въ его обычныхъ формахъ, который равнозначенъ онанизму. Онъ истощаетъ, какъ учитъ опытъ, живыя силы организма, притупляетъ умственныя способности, ослабляетъ ихъ управляющую власть, изсушаетъ всѣ лучшія чувства, порождаетъ истощенную раздражительность родоваго чувства и вообще глубоко разстраиваетъ самочувствіе. Являясь первоначально по большей части слѣдствіемъ усиленно развитой половой системы, онъ, въ свою очередь, въ качествѣ вторичнаго фактора, порождаетъ ея усиленную раздражительность и сопутствующіе этой раздражительности оттѣнки самочувствія, которые извращаютъ нравственную природу человѣка и фиксируютъ мысль на злѣ, крови и убійствахъ. «Что же касается до моихъ идей», писалъ до крайности развратный и кровожадный юноша Lepage, «то вотъ онѣ: убивать, воровать, рѣзать и заставлять плакать возможно большее число людей. Убить кого нибудь было моей постоянной идеей. Будучи маленькимъ, я всегда мечталъ объ ударахъ ножемъ». «Я всегда замѣчалъ», говоритъ Ж. Ж. Руссо, что молодые люди, рано испорченные и отдавшіеся разврату и женщинамъ, были безчеловѣчны». «Легкость, съ которой педерасты проливаютъ кровь, поистинѣ ужасна», замѣчаетъ Carlier. «Эти люди, столь застѣнчивые, жеманные и робкіе въ обыденной жизни, вдругъ становятся жестокими, на подобіе самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Развитіе жестокости, конечно, есть мозговое послѣдствіе привычекъ противоестественнаго разврата». Слѣдомъ за этимъ замѣчаніемъ Carlier приводитъ два глубоко возмутительныхъ случая. Въ одномъ изъ нихъ казненный въ Версалѣ, нѣкто

Lintz, нанеся отцу нѣсколько ударовъ ножемъ, поволокъ его по землѣ и, несмотря на мольбы, сначала изнасиловалъ и только потомъ дорѣзалъ окончательно. На вопросъ о причинахъ глубокаго паденія, одинъ осужденный на казнь юный убійца откровенно отвѣтилъ: «Я имѣлъ дурныя знакомства на Монмартрѣ». «Каждый день я посѣщалъ женщинъ и съ этихъ поръ я самъ чувствовалъ, что иду на убыль». «Вы хотите знать причину моей гибели», пояснилъ другой, «я думаю, что ею былъ развратъ». «Предумышленныя убійства, совершенныя очень юными дѣтьми», замѣчаетъ D'Haussonville, «почти всегда сопровождаются отвратительными подробностями проявленій жестокости». Онъ при этомъ напоминаетъ, что младшій членъ шайки Maillot, dit le Jaune, состоявшей изъ подростковъ, не медля послѣ убійства старухи, когда послѣдняя, быть можетъ, еще дышала, откусилъ ей палецъ, чтобы овладѣть кольцомъ. Въ Neuily трое еще мальчишекъ, послѣ отвратительной сцены разврата, буквально изрѣзали женщину. «Трудно представить», прибавляетъ D'Haussonville, «какую важную роль играетъ раннее развращеніе нравовъ въ этомъ развитіи преступности молодежи».

Не менѣе ясно проявляется связь и зависимость интересующихъ насъ явленій и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ тѣмъ или инымъ процессомъ затрогивается и усиленно раздражается половая сфера, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто у женщинъ во время менструацій. «Знаніе мономаніи убійства менструальнаго происхожденія», замѣчаетъ d-r Icard, «настолько же древне, какъ сама медицина». На тотъ же факторъ съ особою силою указываетъ и d-r Aubry въ своей работѣ объ убійствахъ, совершенныхъ женщинами, и замѣчаетъ, что онъ имѣетъ чрезвычайную возможность, при изученіи женской преступности.

Вотъ одинъ изъ случаевъ этого рода. Нѣкая Marie Lorentzen

явилась въ копенгагенскій судъ съ повинной. Разслѣдованіе показало, что всякій разъ, когда Lorentzen слышала прежде разсказы объ убійствѣ, она приходила въ ужасъ. Не задолго до преступленія у нея наступили значительныя неправильности въ менструаціяхъ, которыя потомъ и совсѣмъ прекратились.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и нравственный строй Lorentzen. Вмѣсто отвращенія у нея развилось неодолимое влеченіе къ убійству, подъ вліяніемъ котораго она и совершила покушеніе на жизнь своей хозяйки, противъ которой ничего не имѣла. Долго передъ этимъ она размышляла объ ожидающей ее казни, приходила въ отчаяніе отъ мысли, что обезчеститъ свою семью, и всетаки не устояла и совершила покушеніе. Послѣ него она сначала хотѣла посягнуть на самоубійство, но потомъ раздумала и принесла повинную.

Другая женщина, о которой разсказываетъ Henke, испытывала влеченіе къ убійству въ теченіи каждаго менструальнаго періода и во время одного изъ таковыхъ совершила убійство троихъ своихъ дѣтей.

Не приводя другихъ подобныхъ фактовъ, извѣстныхъ во множествѣ, замѣчу, что сходныя явленія, какъ явленія преходящія и при томъ противорѣчащія обычному характеру лица, наблюдаются также въ періодъ беременности и въ послѣродовой періодъ. «Извѣстно извращеніе чувствъ», замѣчаетъ проф. Dagonet, «которое характеризуетъ иногда послѣродовое душевное разстройство, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Влеченія къ убійству наблюдаются у роженицъ, какъ при маніи, такъ и при меланхоліи». Напомню, что то же преходящее влеченіе къ убійству наблюдается иногда и при болѣзняхъ половыхъ органовъ. Конечно, всѣ эти явленія наблюдаются далеко не у всѣхъ, а только у натуръ исключительныхъ и по своимъ особенностямъ болѣе или менѣе предрасположенныхъ,

но не будемъ забывать, что и наклонность къ преступленію вообще, а тѣмъ болѣе къ убійству въ свою очередь наблюдается далеко не у всѣхъ, а также только у болѣе или менѣе предрасположенныхъ натуръ.

Всѣ эти и многіе другіе факты изъ той же области, которыхъ я здѣсь приводить не стану, чтобы не утомлять вниманія, по моему мнѣнію, образуютъ въ своей совокупности полное доказательство того, что половая нервная система есть тотъ первичный центръ, изъ котораго исходятъ раздраженія и въ которомъ берутъ начало особые оттѣнки самочувствія, служащія основаніемъ кровожадныхъ настроеній и болѣе или менѣе напряженныхъ влеченій къ крови, мучительству и убійству. У нѣкоторыхъ лицъ кровожадныя настроенія и имѣющія одинъ съ ними источникъ влеченія къ мучительству и убійству вспыхиваютъ не подъ вліяніемъ только внутреннихъ факторовъ и не безъ обычныхъ внѣшнихъ поводовъ. Напротивъ, наклонность къ подобнымъ настроеніямъ у такихъ лицъ до времени какъ бы дремлетъ, остается въ скрытомъ состояніи и будто ждетъ соотвѣтствующихъ внѣшнихъ событій, чтобы пробудиться, овладѣть своими носителями и опредѣлить ихъ къ дѣйствію. Влеченіе при этомъ не является уже въ формѣ одного изъ тѣхъ темныхъ и загадочныхъ влеченій, съ которыми мы познакомились выше. Оно не исключаетъ размышленія, выбора, тщательной оцѣнки окружающихъ условій и выжиданія благопріятнаго момента для своего осуществленія. Случаи этого рода образуютъ собою какъ бы ближайшую нисходящую переходную ступень отъ разсмотрѣнныхъ уже нами случаевъ проявленія загадочныхъ влеченій къ крови и убійству къ случаямъ болѣе обычныхъ убійствъ, совершаемыхъ и по болѣе обычнымъ поводамъ, къ случаямъ, въ которыхъ дѣятель не влечется къ убійству, какъ таковому, а только прояв-

ляетъ наклонность дѣйствовать убійствомъ и предпочтительнѣе предъ всѣми другими способами избирать его средствомъ для достиженія своихъ цѣлей. Наблюдаемые въ подобныхъ случаяхъ оттѣнки различія нерѣдко бываютъ весьма тонки и улавливаются вполнѣ только послѣ тщательнаго сравненія и сопоставленія съ случаями иного типа.

Приведу здѣсь одинъ изъ относящихся сюда примѣровъ. Нѣкто, Mariani, сициліецъ и матросъ по профессіи, былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ находился и одинъ калабріецъ. Однажды Mariani серьезно поссорился съ послѣднимъ, при чемъ поклялся передъ товарищами, что распоретъ животъ своему врагу и напьется его крови. Сказано—сдѣлано. Будучи слабѣе калабрійца, Mariani, какъ тигръ, бросился на него изъ засады, нанесъ ему ножемъ нѣсколько ударовъ въ область сердца, разрѣзалъ одежду, припалъ губами къ ранамъ и сталъ сосать кровь.

Присужденный къ 15 годамъ заключенія, Mariani прекрасно велъ себя въ пенитенціаріи, но никогда не проявлялъ ни малѣйшаго раскаянія по поводу совершеннаго, а, напротивъ, заявлялъ, что если бы пришлось повторить, то онъ повторилъ бы. Небезъинтересно, что Mariani презиралъ и ненавидѣлъ воровъ вообще. Онъ говорилъ, что перевѣшалъ бы ихъ всѣхъ. Въ тюрьмѣ Mariani хорошо усвоилъ сапожное ремесло, вслѣдствіе чего ему дали для обученія юношу, осужденнаго за квалифицированную кражу. Mariani протестовалъ противъ обиды и просилъ избавить его отъ такого ученика, но просьба и протесты не помогли. Раздраженный Mariani началъ тогда доставлять себѣ злобное удовольствіе вымѣщать на немъ свое раздраженіе. Различными инструментами онъ дѣлалъ ему ссадины и однажды намѣренно сдѣлалъ глубокій разрѣзъ на рукѣ. При видѣ крови, Mariani не могъ скрыть чувства удо-

вольствія и вечеромъ признался сотоварищамъ, что причинилъ разрѣзъ намѣренно, чтобы видѣть текущую кровь. За это онъ былъ посаженъ на 60 дней въ карцеръ. По выходѣ изъ него, Mariani явился въ мастерскую и въ ней искалъ глазами своего прежняго ученика. Взоры ихъ встрѣтились. Mariani показалось при этомъ, что онъ подмѣтилъ на губахъ у виновника понесеннаго имъ наказанія насмѣшливую улыбку. Этого было достаточно. Жажда крови проснулась снова. Mariani бросился на свою жертву и ножемъ нанесъ ей глубокую рану въ животъ, послѣдствіемъ которой была смерть.

Довольно сходный съ Mariani типъ, повидимому, представлялъ собою и сообщникъ знаменитаго Lacenair'a, Avril, отправившійся послѣ совершеннаго имъ двойнаго убійства къ своей любовницѣ-проституткѣ, чтобы предаться съ нею половымъ наслажденіямъ. Въ его глазахъ обычно свѣтилась жестокость и онъ проявлялъ влеченіе къ убійству и «естественный вкусъ къ крови», но всегда дѣйствовалъ, какъ обыкновенный убійца и по обычнымъ поводамъ. Кровожадные инстинкты по отношенію къ обвинявшему его соучастнику проснулись въ немъ послѣ совершившагося примиренія, во время дружескаго прощальнаго обѣда въ тюрьмѣ, чуть не наканунѣ ожидавшейся ими казни. Lacenaire, хорошо знавшій Avril'я, предвидѣлъ возможность вспышки кровожаднаго озлобленія и предупредилъ сторожей, которые бросились на Avril'я въ тотъ моментъ, когда онъ со словами: «Все равно, господинъ Lacenaire, это вы меня толкаете на эшафотъ»,—готовился нанести ему ударъ.

Здѣсь передъ нами то же влеченіе и та же любовь къ крови, съ которыми мы уже познакомились въ предшествующихъ случаяхъ, съ тою лишь разницею, что въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ они обычно остаются какъ бы въ скрытомъ состояніи и вспыхиваютъ съ неудержимою силою только

по тѣмъ или другимъ внѣшнимъ болѣе или менѣе достаточнымъ поводамъ. Но это тѣ же влеченіе и любовь къ крови, присущія натурѣ и вытекающія изъ ея особенностей, какъ ихъ слѣдствія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію болѣе заурядовыхъ случаевъ и при этомъ, *по близости сродства*, поставимъ на первомъ мѣстѣ процессъ Gigax съ товарищами, о которомъ я уже упоминалъ мимоходомъ и въ которомъ основной двигатель дѣятелей преступленія представляется болѣе замаскированнымъ.

Ближайшимъ мотивомъ Gigax, Ruff'a и Wolf'a, конечно, была корысть, но мотивомъ болѣе отдаленнымъ, какъ показываютъ всѣ обстоятельства дѣла, былъ мотивъ инаго характера, подсказанный особенностями самочувствія и особенностями окраски настроенія, почему средствомъ было выбрано не воровство, не обманъ, а убійство и притомъ убійство, въ подробностяхъ котораго ясно обнаруживаются характерныя особенности дѣятелей.

Развратный Gigax, булочникъ по профессіи, мечтавшій о половыхъ удовольствіяхъ и одуряющихъ кутежахъ, подговорилъ двухъ другихъ—Ruff'a и Wolff'a—совершить убійство богатой старухи Reibell и ея служанки. О своемъ проектѣ онъ говорилъ нѣсколькимъ лицамъ, спокойно поясняя при этомъ: «Вы должны только покараулить, а я войду внутрь и задушу старуху». Другого сообщника, Wolff'a, Ruff рекомендовалъ, какъ лицо вполнѣ надежное, которому человѣка задушить ничего не стоитъ.

Сотоварищи пробрались въ жилище Reibell и здѣсь провели въ сараѣ остатокъ ночи и весь слѣдующій день, въ ожиданіи удобнаго момента. Когда вечеромъ въ сарай вошла служанка, Gigax и Ruff было содрогнулись и подались назадъ, но Wolff опрокинулъ вошедшую и началъ душить. «Тунеядцы»,

крикнулъ онъ товарищамъ, «если бы я былъ такой же, какъ и вы, то мы вѣкъ не покончили бы». Замѣчаніе оказало ободряющее дѣйствіе. Ruff также бросился на жертву, легъ на нее и старался сдерживать ея движенія, а Gigax, который, по словамъ Wolff'а, вертѣлся около, какъ бѣшеный, скрутилъ платокъ и имъ крѣпко стянулъ шею жертвы, «чтобы она» — какъ пояснялъ Gigax, «не могла спастись». Послѣ того сотоварищи отправились въ домъ. Здѣсь Gigax опрокинулъ Reibell и его пальцы впились въ шею несчастной. «Я сдѣлалъ ее мертвой» спокойно разсказывалъ онъ на судѣ, показывая свои большія руки и дѣлая ими жестъ сдавливанія. Ruff, какъ и въ первомъ случаѣ, бросился на жертву, легъ на нее и держалъ до тѣхъ поръ, пока исчезли всякіе признаки жизни. Wolff, почему-то не принимавшій участія во второмъ убійствѣ, выразилъ сожалѣніе по этому поводу. Онъ вырвалъ подсвѣчникъ изъ руки уже убитой и имъ разбилъ черепъ мертвецу, приговаривая при этомъ: «Умерла ли ты старая?». Онъ поднялъ платье у убитой и принялся разсматривать ея половыя части. Когда все было покончено, Gigax цинично замѣтилъ: «Пяти минутъ было достаточно для служанки; хозяйка взяла цѣлыхъ семь. Никогда я не думалъ, чтобы было такъ легко убивать».

Подѣливъ деньги, сообщники доѣхали до Страсбурга, гдѣ Wolff и Ruff съ приглашеннымъ ими незнакомымъ рабочимъ аппетитно поужинали. Ихъ случайный сотоварищъ, узнавъ черезъ день объ ихъ арестѣ, невольно воскликнулъ: «Это невозможно; не ѣдятъ съ такимъ аппетитомъ, имѣя два убійства на совѣсти!» Послѣ ужина Wolff и Ruff совершили свой первый выѣздъ въ публичный домъ. Затѣмъ, они переходили изъ одного публичнаго дома въ другой и вездѣ предавались самому необузданному разврату и разгулу. Въ это время они повздо-

рили, что обратило вниманіе одной изъ проститутокъ. Замѣтивъ это, Ruff загорячился и сказалъ: «Если бы ты вышла посмотрѣть на меня такъ, какъ на Wolff'а, то я бы задушилъ тебя». Часа черезъ три, дѣлая особый выразительный жестъ рукою, онъ снова безъ всякаго повода повторилъ то же выраженіе. Gigax снялъ въ Страсбургѣ свой фотографическій портретъ, при чемъ, какъ мы уже знаемъ, казался свѣжъ и ясенъ, а затѣмъ уѣхалъ въ Лондонъ и здѣсь осуществлялъ свои завѣтныя мечты. «Я жилъ, какъ принцъ», разсказывалъ онъ, «катался на прекрасныхъ лошадяхъ, покупалъ самыхъ красивыхъ женщинъ и не отказывалъ себѣ ни въ чемъ».

Съ дѣломъ Gigax и его товарищей мы уже вполнѣ вступили въ область *«обычныхъ»* преступленій убійства, совершаемыхъ и по *обычнымъ* поводамъ. Въ эту область мы вошли путемъ постепенныхъ переходовъ отъ самыхъ чудовищныхъ преступленій, поражающихъ своею уродливостью и странностью.

Въ глазахъ правосудія Gigax и его сотоварищи обыкновенные убійцы, совершившіе преступленіе съ цѣлью ограбленія. И такой взглядъ вполнѣ правиленъ. Но если мы мысленно вернемся назадъ и возстановимъ въ своей памяти весь восходящій рядъ вышеописанныхъ случаевъ, то дѣло представится намъ въ нѣсколько иномъ видѣ, при чемъ мы ясно замѣтимъ близкое сродство въ субъективной сторонѣ случая Gigax со всѣми остальными и даже такими крайними и чудовищными, какъ случай маркиза Gilles de Rays. Въ этомъ послѣднемъ, подъ вліяніемъ особенностей самочувствія, преступленія совершаются и кровь проливается для сладострастнаго наслажденія, для окровавленія разврата, подсказываемаго похотливымъ чувствомъ. Но въ преступленіи нѣтъ мѣста корысти и нѣтъ корыстнаго мотива, хотя въ то же время нѣтъ и недостатка въ матеріальныхъ средствахъ для удовлетворенія по-

хотливости, а потому нѣтъ и надобности въ ихъ добываніи.

Въ случаѣ Cigax мы имѣемъ передъ собой то же сильнѣйшее влеченіе къ разврату, которое овладѣваетъ всѣмъ существомъ дѣятелей, опредѣляетъ направленіе ихъ мыслей и дѣйствій и которое проистекаетъ изъ особенностей ихъ природы, ихъ самочувствіи. Оно-то и заставляетъ ихъ всѣми силами искать средствъ къ своему удовлетворенію какою бы то ни было цѣной и подсказываетъ имъ именно убійство, какъ удобнѣйшій способъ для добыванія матеріальныхъ средствъ, въ которыхъ у нихъ былъ полнѣйшій недостатокъ. Оно же увлекаетъ ихъ въ публичные дома почти немедля послѣ совершенія убійства и заставляетъ ихъ растрачивать въ оргіяхъ разнузданнаго разврата и кутежей добытое преступленіемъ. Преступленіе Gigax, однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ котораго является стремленіе къ разврату, въ значительной мѣрѣ напоминаетъ намъ тѣ случаи, когда убійство, предшествуя половому удовлетворенію, непосредственно сопутствуется и какъ бы вызывается имъ.

Разница въ случаяхъ Gilles de Rays и Gigax на первый взглядъ кажется заключающейся въ томъ, что въ одномъ изъ нихъ кровь проливается исключительно для наслажденія ею, для непосредственнаго удовлетворенія чувства похотливой кровожадности, просыпающагося единовременно съ самой похотью въ ея самыхъ обычныхъ проявленіяхъ, тогда какъ въ другомъ—пролитіе крови совершается, повидимому, только съ цѣлью добыванія средствъ для послѣдующаго удовлетворенія похотливости въ обычныхъ формахъ. При ближайшемъ анализѣ, однако, оказывается, что это различіе сводится къ различію въ степени напряженности примѣшивающагося къ самочувствію оттѣнка похотливой кровожадности, который подсказывалъ преступленія

Gilles de Rays и который очевидно вліялъ и въ случаѣ Gigax съ сотоварищами. Имъ несомнѣнно и обсусловливались многія выпуклыя черты въ картинѣ совершеннаго ими убійства. Онъ проявлялся въ всѣхъ дѣйствіяхъ Gigax въ моментъ преступленія, въ его отдѣльныхъ восклицаніяхъ и замѣчаніяхъ, въ его разсказахъ на судѣ, въ ненужномъ раскалываніи черепа у трупа, въ разсматриваніи половыхъ частей у него и въ повторномъ и никакимъ достаточнымъ поводомъ не вызванномъ восклицаніи Ruff'a, сопровождавшимся особымъ выразительнымъ жестомъ руки: «Если бы ты вышла посмотрѣть такъ на меня, какъ на Wolff'a, то я бы задушилъ тебя». Случай Gigax, представляющій, по особенностямъ его субъективной стороны, близкое внутреннее сродство со всѣмъ восходящимъ рядомъ уже описанныхъ случаевъ, въ тоже время представляетъ не менѣе близкое сродство и съ случаями, еще болѣе замаскированными въ отношеніи проявленій занимающихъ насъ теперь оттѣнковъ самочувствія. Случаи этой послѣдней категоріи можно расположить въ нисходящій отъ него рядъ и тогда ближайшую нисходящую ступень представятъ нѣкоторые развратные грабители-убійцы, усиленно наклонные къ сладострастному разгулу и сопутствующимъ ему кутежамъ. Болѣе отдаленною причиною ихъ преступленіи служитъ усиленное влеченіе къ разврату и оргіямъ, а ближайшею цѣлью—добыча чужаго добра, необходимаго имъ для возможности удовлетворенія ихъ похотливости въ разгарѣ кутежей. Такія лица не проливаютъ крови только ради ея пролитія, они не окрававливаютъ свой развратъ и не обнаруживаютъ въ способахъ совершенія преступленій тѣхъ характерныхъ особенностей, какія мы наблюдали у Gigax съ его сотоварищами, но присущій ихъ самочувствію и настроеніямъ оттѣнокъ злобно-кровожадной жестокости легко наталкиваетъ

ихъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ является нужда въ средствахъ для удовлетворенія ихъ развращенныхъ потребностей, на убійство, подсказываетъ имъ мысль о немъ и даетъ возможность совершать убійства не рѣдко съ поразительнымъ хладнокровіемъ и большей или меньшей жестокостью.

Такой именно типъ представлялъ собою, напримѣръ, девятнадцатилѣтній Abadie. Онъ былъ обвиненъ въ трехъ убійствахъ и приговоренъ къ казни. Въ первый разъ Abadie былъ осужденъ за побои, нанесенные матери, а потомъ за кражи, которыя должны были служить ему средствами для удовлетворенія его вкусовъ и влеченій, сильнѣйшимъ изъ которыхъ было влеченіе къ женщинамъ. Далеко не возмужавъ еще, Abadie переходилъ уже изъ объятій одной женщины въ объятья другой, мѣнялъ ихъ, какъ перчатки, и предавался съ ними величайшимъ излишествамъ. «Она пошла со мной», такъ, напримѣръ, разсказывалъ онъ про одно изъ своихъ многочисленныхъ похожденій, «и мы въ оргіи провели ночь, одну изъ тѣхъ ночей, которыя оставляютъ по себѣ воспоминанія, ночь наслажденій и опьяненія; мы оставались въ постели 22 часа подрядъ».

Въ числѣ многочисленныхъ женщинъ, отдававшихся Abadie, была—что весьма интересно для характеристики особенностей нравственной личности Abadie—убитая имъ впослѣдствіи исключительно съ цѣлью грабежа, нѣкто Basengaud. Ей, по собственному его признанію, онъ нанесъ двѣ раны ножемъ: одну въ животъ, а вторую въ грудь и ограбленные у нея часы подарилъ другой своей любовницѣ. Нуждаясь въ средствахъ для разгула, Abadie организовалъ изъ нѣсколькихъ подростковъ пятнадцати и шестнадцати лѣтъ шайку, которая совершала кражи и убійства. Онъ мечталъ съ помощью преступленій

составить для шайки капиталъ, съ которымъ «шайка могла бы функціонировать и тагда оргіи не прекращались бы». Abadie и его сообщникъ Gille написали уставъ шайки, въ 14 § котораго значилось: «Воспрещается имѣть любовницу сердца, а дозволяется имѣть только перемѣнныхъ женщинъ. Подъ страхомъ смерти имъ нельзя разсказывать ни слова изъ того, что касается сообщества». Сверхъ того Abadie изложилъ и цѣлую теорію, въ которой ярко отразились особенности его нравственной стороны, его самочувствія, наталкивавшія его на убійства, дававшія ему возможность легко выполнять ихъ и оставаться спокойнымъ послѣ ихъ совершенія. «Жизнь—это бой», писалъ онъ. «Я бью того, кто мнѣ представляетъ препятствія, а тебѣ, полиція, считать моихъ убитыхъ». «Надо отрѣзать головы тѣмъ, которые владѣютъ, чтобы мы въ свою очередь имѣли деньги.—Сильные поѣдаютъ слабыхъ». На судѣ и послѣ суда въ тюрьмѣ Abadie былъ спокоенъ и нахаленъ. «Слѣдуетъ вонзить ножъ въ горло», цинично поучалъ онъ присяжныхъ на судѣ, «и повернуть его направо и налѣво; такимъ образомъ расширенная рана всегда смертельна». На вопросъ, что бы онъ сталъ дѣлать, если бы когда-либо сдѣлался свободенъ, Abadie отвѣчалъ: «Я бы принялся за старое ремесло».

Конечно, во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ и во всемъ поведеніи Abadie было много напускнаго, была нѣкоторая бравада, но въ то же время несомнѣнно и то, что въ нихъ ярко отражались и дѣйствительныя особенности его нравственной стороны и его настроеній, какъ въ томъ убѣждаетъ насъ вся его предшествовавшая дѣятельность.

Слѣдующую затѣмъ ступень занимающаго насъ нисходящаго ряда представятъ всѣ тѣ, которые избираютъ убійство въ качествѣ способа для пріобрѣтенія средствъ къ жизни и къ покупкѣ ея разнообразныхъ наслажденій, дѣйствуя при

этомъ съ знакомыми уже намъ жестокостью и кровожадностью, но у которыхъ похотливость и стремленіе къ ея удовлетворенію не является самымъ сильнѣйшимъ и почти единственнымъ стимуломъ. Таковъ, напримѣръ, развитый и интеллигентный Lacenaire, который любилъ веселую, беззаботную жизнь и золото, добываемое безъ труда для покупки различныхъ жизненныхъ удобствъ и удовольствій. «Я никогда не имѣлъ господствующихъ страстей, если не считать страсти къ золоту», разсказываетъ онъ. «Я испытываю ужасъ отъ пустоты въ моемъ карманѣ... Я не могу жить безъ денегъ». По его собственнымъ словамъ, «убить человѣка ему было также легко, какъ выпить стаканъ воды». И эти послѣдніе слова не были одной пустою фразой, какъ наглядно показываетъ его кровавая дѣятельность, приведшая его въ 32 года на скамью подсудимыхъ по 30 обвиненіямъ въ кражахъ, мошенничествахъ, покушеніяхъ на убійство и убійствахъ. Процессъ Lacénair'а между прочимъ интересенъ и тѣмъ, что въ немъ, на ряду съ Lacenair'омъ и его кровожаднымъ помощникомъ Avril'емъ, мы встрѣчаемъ, какъ бы для противоположенія, двухъ профессіональныхъ преступниковъ и тюремныхъ сидѣльцевъ, которые, однако, ни за что не соглашаются принять участіе въ преступленіяхъ, связанныхъ съ кровью и лишеніемъ жизни. Первый изъ нихъ—воръ Baton. Самъ Lacenaire сказалъ ему: «Ты никогда не совершишь ничего такого, чтобы возвело тебя на эшафотъ». На сдѣланное ему предложеніе принять участіе въ убійствѣ, Baton отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ и только рекомендовалъ нѣкоего Francois, который, какъ говорилъ Baton, «убилъ-бы человѣка за 20 фр.» Второй — это Frechard, категорически заявившій сотоварищамъ по ремеслу, что онъ «никогда не обагритъ свои руки кровью человѣка».

Еще болѣе демонстративный примѣръ намъ представляетъ

случай убійства, совершеннаго въ 1860 г. въ Saint-Cyr'ской сельской коммунѣ. Были убиты и ограблены довольно зажиточная 30 лѣтняя вдова Gayet, ея 13 лѣтняя дочь и старуха мать, причемъ двѣ первыя оказались изнасилованными. Горло дѣвочки было перерѣзано и на каждомъ изъ труповъ зіяло по нѣскольку ранъ, нанесенныхъ тупымъ и острымъ орудіями и указывавшихъ на жестокость способа совершенія преступленій.

Въ качествѣ обвиняемыхъ были привлечены нѣкто Joanon 33 лѣтъ, и два родственника убитыхъ, расчитывавшихъ на ихъ наслѣдство и немедля же предъявившихъ свои права на него, Chrétien и Déchamps, 44 и 47 лѣтъ.

Joanon отличался угрюмымъ характеромъ, грубой похотливостью, крайней распущенностью нравовъ и въ то же время —какъ это нерѣдко наблюдается въ подобныхъ случаяхъ— отличался и большимъ ханжествомъ. Онъ заманивалъ къ себѣ старыхъ слабоумныхъ женщинъ, преслѣдовалъ своими вожделѣніями дѣвочекъ и однажды единовременно сваталъ троихъ. Двое другихъ, Chrétien и Déchamps, въ прошломъ не имѣли на своемъ счету ничего опорачивающаго и представляли собою обыкновенныхъ и сравнительно зажиточныхъ рабочихъ. Chrétien былъ мало развитъ умственно и, повидимому, имѣлъ нестойкій и нѣсколько нервный характеръ, онъ скоро сдѣлалъ полное признаніе. Déchamps въ умственномъ отношеніи былъ развитъ не болѣе своего сообщника. Онъ представлялъ собою грубую, жестокую и очень энергичную натуру. Онъ очень долго, упорно и съ бѣшенствомъ отвергалъ взводимое на него Chrètien'омъ обвиненіе, но, наконецъ, также сознался. До самой гиліотины не сознался одинъ лишь Joanon. На судѣ онъ ханжилъ, постоянно крестился и въ то же время нахально лгалъ, призывалъ Бога во свидѣтели, увѣрялъ, что онъ «не-

виненъ, какъ младенецъ»—его подлинное выраженіе—обвинялъ всѣхъ свидѣтелей въ лжи, въ желаніи преступно погубить его, взывалъ къ ихъ совѣсти и совѣтовалъ имъ вспомнить о душѣ и объ отвѣтственности передъ Богомъ.

Изъ совокупности показаній, признаній и доказательствъ вообще на судѣ выяснилось, что Joanon преслѣдовалъ вдову Gayet своими ласками и брачными предложеніями и однажды пытался ее изнасиловать, грозя задушить въ случаѣ сопротивленія. Потерпѣвъ полную неудачу въ своихъ исканіяхъ, Joanon, котораго несчастная семья боялась, заранѣе предвидя судьбу свою, подстрекнулъ Déchamps и Chrétien'a, указавъ имъ на открывающееся для нихъ наслѣдство. Убійство было напередъ обдумано и роли распредѣлены.

Вечеромъ, во время сильнѣйшей грозы, трое сговорившихся постучались къ ужинавшимъ Gayet, были приняты ими, какъ знакомые, и, поговоривъ, съ ними нѣсколько минутъ, по знаку, данному Joanon, бросились на заранѣе условленныя жертвы и звѣрски убили ихъ, потомъ уже изнасиловали или, правильнѣе, осквернили тѣла, еще проявлявшія нѣкоторыя признаки жизни. Joanon убилъ и осквернилъ предметъ своей похотливой страсти, а на долю Chrétien'a досталась дѣвочка. Послѣ убійства и окровавленной оргіи послѣдовалъ грабежъ и раздѣлъ имущества убитыхъ между соучастниками, совѣсть которыхъ не заговорила вплоть до самой смерти, оставляя мѣсто только страху и органическому отвращенію передъ перспективой казни.

Этотъ случай тѣмъ особенно и интересенъ для насъ, что въ немъ съ одинаковой жестокостью и кровожадностью обагрили руки въ крови одной семьи убійцы различныхъ, хотя и очень близкихъ, типовъ.

У Joanon главнымъ мотивомъ преступленія, какъ и у Lepag'a,

былъ мотивъ половаго характера; онъ являлся основнымъ мотивомъ его дѣятельности и въ предшествующей его жизни; онъ проходилъ красной нитью чрезъ все его существованіе и толкнулъ его на убійство и окрававленіе разврата. Но онъ былъ не единственный. На ряду съ нимъ, въ качествѣ мотива второстепеннаго, какъ бы подчиненнаго, дѣйствовала и корысть—стремленіе къ захвату имущественныхъ средствъ, нужныхъ главнымъ образомъ для удовлетворенія влеченія къ грубымъ половымъ и желудочнымъ наслажденіямъ, къ которымъ Joanon былъ очень склоненъ.

Напротивъ, у другаго убійцы, Chrétien, преобладающимъ мотивомъ является корысть, желаніе ограбить часть чужаго имущества и, въ качествѣ родственника, унаслѣдовать остальное. Занимающая насъ особенность натуры и самочувствія первоначально только наталкиваетъ Chrétien'а на убійство, какъ на средство, и дѣлаетъ субъективно возможнымъ его выполненіе, наблюдаясь при этомъ, какъ бы въ скрытой формѣ, въ формѣ кровожадности и жестокости, необходимыхъ для кроваваго дѣла. Но впослѣдствіи, на мѣстѣ преступленія, она уже ясно обнаруживаетъ свою дѣйствительную природу, проявляясь звѣрской похотью, которая охватываетъ убійцу, при видѣ крови, судорогъ и трепещущаго тѣла, а, быть можетъ, и при видѣ заразительнаго примѣра Joanon; она то и дѣлаетъ возможнымъ оскверненіе теплаго тѣла, о которомъ только мечталъ нѣсколько похожій на Chrétien'а Lepage.

Третій убійца, Déchamps, дѣйствуетъ уже исключительно подъ вліяніемъ корыстнаго мотива,—желанія ограбить имущество убитыхъ и стать ихъ наслѣдникомъ. Это желаніе является единственнымъ мотивомъ, мотива съ ясно половымъ характеромъ у него не наблюдается. Интересующее насъ сродство его натуры съ натурами его сообщниковъ проявляется

только въ присущей и ему одинаковой съ ними жестокости и кровожадности, источникъ и природа которыхъ теперь знакомы намъ и которыя предрасполагаютъ его дѣйствовать убійствомъ и дѣлаютъ для него возможнымъ присутствовать и спокойно выдерживать сцены рѣзни и окровавленнаго разврата безъ отвращенія и содроганья. Déchamps—это вполнѣ обычный убійца, сродство котораго со всѣми предшествующими съ перваго взгляда не бросается въ глаза, а обнаруживается только послѣ долгаго всесторонняго генетическаго изученія.

Сложный внутренній процессъ, которымъ подобныя личности доходятъ до убійства, по большей части въ общихъ чертахъ бываетъ таковъ. Тѣ или другія особенности ихъ жизненнаго положенія порождаютъ въ нихъ желаніе выйти изъ него или достигнуть чего-либо. И вотъ мысленно перебираются наличныя легальныя средства, но ни одно изъ нихъ не оказывается достаточнымъ. Между тѣмъ желаніе ростетъ въ своей напряженности и все настойчивѣе подступаетъ съ требованіями удовлетворенія. Тогда мелькаетъ мысль о возможности употребленія средствъ нелегальныхъ,—преступленія. Но какого? Жажда удовлетворенія порождаетъ возбужденіе и легко всколыхиваетъ злобное раздраженіе, которое легко и подсказываетъ имъ мысль, болѣе и менѣе сходную съ мыслію Abadie, что надо «рѣзать головы тѣмъ, которые владѣютъ, чтобы и мы въ свою очередь имѣли деньги». Такая мысль, при соотвѣтствующемъ составѣ самочувствія и настроеній, свойственныхъ такимъ натурамъ, легко пробуждаетъ и заставляетъ звучать присущую имъ жестокость и кровожадность, которыя, разъ овладѣвъ внутреннимъ міромъ человѣка, легко внушаютъ и подсказываютъ ему соотвѣтствующій планъ выполненія и, продолжая господствовать въ настроеніи, легко

увлекаютъ къ его осуществленію, а во время послѣдняго соотвѣтственно воодушевляютъ дѣятеля, если только здѣсь позволительно употребить такое выраженіе, поддерживаютъ крѣпость его руки и, быть можетъ, толкнутъ его на многія вовсе ненужныя для достиженія его цѣли жестокости и звѣрства. Такъ убійца и будетъ готовъ.

Конечно, не во всѣхъ случаяхъ внутренній процессъ во всѣхъ подробностяхъ будетъ таковъ, какъ описанный. Напротивъ, въ деталяхъ онъ будетъ измѣняться и варіировать отъ личности къ личности, но тѣмъ не менѣе основной типъ сохранится.

Что касается первичныхъ поводовъ, вызывающихъ стремленія выйти изъ того или другого положенія или достигнуть чего-либо, то они могутъ быть подсказываемы различными особенностями натуры. Не будемъ забывать, что существо человѣка представляетъ очень сложное цѣлое, въ которомъ различныя части дѣйствуютъ одновременно и вліяютъ на конечный результатъ въ соотвѣтствіи съ степенью своего развитія. Когда конечныя цѣли дѣятельности — что бываетъ нерѣдко — опредѣляются другими, а не интересующими насъ теперь особенностями натуры, тогда эти послѣднія, какъ мы видѣли, на примѣрѣ убійцы Déchamps, могутъ являться на служеніе уже намѣченнымъ цѣлямъ и только подсказывать и опредѣлять способъ дѣйствій, которымъ и явится въ такихъ случаяхъ убійство и пролитіе крови, требующія нѣкоторыхъ особенностей того, что можно назвать темпераментомъ. Это прекрасно выражено адвокатомъ Gori, косвенно фигурировавшимъ въ процессѣ Caserio. Дѣйствія анархистовъ, по его мнѣнію, зависятъ отъ индивидуальныхъ темпераментовъ. «Я, напримѣръ», пишетъ онъ, «будучи соціалистомъ-анархистомъ, былъ бы неспособенъ причинить малѣйшій вредъ моему ближнему или по-

будить къ тому другихъ». Преступленіе, какъ и всякое дѣйствіе вообще, есть весьма сложный результатъ различныхъ вліяній, доля участія которыхъ пропорціональна и соотвѣтственна ихъ природѣ и напряженности. Выяснить эти вліянія и размѣры ихъ и есть задача научнаго анализа.

Таковы убійцы въ основной своей особенности, которая и обусловливаетъ, что ея носители въ ряду остальнаго преступнаго люда становятся именно убійцами и выбираютъ убійство, какъ наиболѣе подходящее и удобное для нихъ средство достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей. Сравнивая начальное и конечное звено представленнаго ряда явленій,—случаи грубой похотливости, не останавливавшейся для своего удовлетворенія передъ насиліями и убійствомъ, и случаи жестокихъ корыстныхъ убійствъ, мы на первый взглядъ замѣтимъ въ ихъ субъективной сторонѣ мало общаго. Но если внимательно вглядимся и во всѣ посредствующія звенья — во все множество промежуточныхъ, постепенно видоизмѣняющихся явленій, то близкое сродство всѣхъ описанныхъ явленій само собою бросится въ глаза. При этомъ прибавлю, что располагая въ нисходящій рядъ убійства и убійцъ, я не подбиралъ и не насиловалъ факты, а только выбиралъ наиболѣе рельефные примѣры, накопившіеся у меня въ теченіи долгихъ лѣтъ занятій, чтобы возможно яснѣе представить читателю взаимную связь и сродство явленій? Въ фактахъ у меня не было недостатка. Напротивъ, они подавляли своею многочисленностью, и я встрѣчалъ затрудненія лишь въ выборѣ, потому что во всемъ множествѣ извѣстныхъ мнѣ случаевъ убійствъ, когда только бывали собраны хотя сколько-нибудь достаточныя свѣдѣнія о личности и прошлой жизни убійцъ, болѣе или менѣе ясныя указанія на тѣ или другія уклоненія и затронутость половой сферы встрѣчались всегда.

Факты заимствовались мною изъ двухъ источниковъ. Первый изъ нихъ—психіатрическая литература и область клиническихъ наблюденій и второй—уголовная литература и область явленій суда. Значительное большинство примѣровъ, приведенныхъ въ настоящей статьѣ, заимствовано мною изъ послѣдняго источника. Ему я отдалъ предпочтеніе, съ цѣлью имѣть возможность оперировать съ фактами, которые прошли передъ судомъ, подверглись его всесторонней оцѣнкѣ и зачислены въ сферу его компетенціи.

Въ заключеніе замѣчу, что знаніе истинной природы изучавшейся особенности, обусловливающей наклонность, при извѣстныхъ условіяхъ окружающей обстановки, дѣйствовать убійствомъ, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе прежде всего для выбора соотвѣтствующихъ мѣръ предупрежденія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Натуры, обладающія занимавшею насъ особенностью, хотя, повидимому, и приносятъ весьма многое готовымъ съ собою на свѣтъ, но это готовое, вліяніями окружающей среды, развивается въ томъ или другомъ направленіи и при этомъ или ослабляется, или усиливается и иногда достигаетъ впослѣдствіи степени неодолимыхъ влеченій.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ то же знаніе и для выбора средствъ исправленія уже впавшихъ въ преступленіе. Развившіяся особенности, путемъ достаточно продолжительныхъ и систематическихъ воздѣйствій на различныя стороны существа человѣка, также доступны измѣненію, какъ насъ убѣждаютъ въ томъ многочисленные факты примѣненія подобныхъ воздѣйствій даже къ душевно-больнымъ въ собственномъ смыслѣ послѣдняго слова.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Нѣкоторые изъ соціальныхъ факторовъ преступности.

На петербургскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ (1890 г.) мнѣ былъ порученъ докладъ объ отвѣтственности малолѣтнихъ. Совмѣстно съ своими содокладчиками, проф. Фойницкимъ и г. Correvon, я пришелъ къ заключенію о необходимости отнесенія начала уголовной отвѣтственности по меньшей мѣрѣ къ 16-лѣтнему возрасту. До этого термина можетъ и должно имѣть мѣсто строгое исправительное воспитаніе, но не уголовная кара, налагающая печать на послѣдующую жизнь человѣка.

Наше предложеніе хотя и встрѣтило сильную оппозицію, но было принято секціей [1]. Указывали на его полную несвоевременность, въ виду учащенія случаевъ ранней тяжкой преступности въ средѣ подростковъ. Въ числѣ оппонентовъ выступилъ извѣстный парижскій профессоръ Henri Joly, еще ранѣе писавшій по этому вопросу. Онъ указывалъ, что въ Европѣ и Америкѣ замѣчается тенденція къ ускоренію, а не замедленію скороспѣлости подростковъ.

«Это фактъ несомнѣнный»—говорилъ онъ—«и зависящій отъ многихъ причинъ, въ числѣ которыхъ надо указать на

[1]) Общее же собраніе отнеслось до крайности странно. Не выслушавши даже доклада секціи и не давши мѣста преніямъ, оно рѣшило отложить вопросъ до слѣдующаго конгресса, въ виду его недостаточной будто бы зрѣлости.

возрастаніе городскаго населенія и распространеніе первоначальнаго образованія.

«Эта скороспѣлость—какъ не грустно констатировать—еще болѣе проявляется во злѣ, нежели въ добрѣ. Когда приходится видѣть постоянное пониженіе до четырнадцати и пятнадцати лѣтъ возраста подростковъ, которые живутъ на счетъ проституціи, тогда нельзя домогаться избавленія подобныхъ индивидуумовъ отъ отвѣтственности, падающей на нихъ».

Я, конечно, признавалъ несомнѣнный фактъ, но расходился въ выборѣ мѣръ для борьбы. На мой взглядъ, причины прискорбнаго явленія кроются глубоко, и на нихъ можно и должно дѣйствовать особыми средствами. Преждевременному уголовному наказанію здѣсь не мѣсто, потому что ранняя развращенность и преступность не тождественны съ зрѣлостью, безусловно необходимой для уголовной отвѣтственности.

Начну съ факта, который между прочимъ приведенъ въ одной изъ статей H. Joly.

Въ 1889 г. былъ казненъ въ Парижѣ 19-лѣтній молодой человѣкъ, нѣкто Kaps. Онъ происходилъ изъ честной, какъ кажется, семьи, которая дѣлала все, чтобы воспитать его и сдѣлать изъ него хорошаго работника. Объ особенностяхъ его наслѣдственности мы не имѣемъ свѣдѣній, да ихъ вообще и не легко всегда имѣть. Дурная наслѣдственность не зависитъ только отъ случаевъ душевныхъ разстройствъ въ семьѣ: на нее вліяетъ множество другихъ условій, не бросающихся въ глаза и легко ускользающихъ отъ вниманія посторонняго наблюдателя. Истощенность организма того или другаго родителя или обоихъ вмѣстѣ, усиленная раздражительность ихъ нѣкоторыхъ системныхъ чувствъ, ихъ возрастъ

и особенно временныя состоянія въ моменты зачатія и проч.— все это, какъ свидѣтельствуютъ факты, несомнѣнно вліяетъ на унаслѣдуемое и прирожденное у ребенка и все это большею частію трудно поддается констатированію.

По выходѣ изъ школы, въ возрастѣ 10 лѣтъ, Kaps уже началъ бродяжить по городу и не хотѣлъ обучаться никакому ремеслу. Онъ бѣгалъ изъ родительскаго дома и въ сообществѣ подобныхъ ему занимался кражами и мародерствомъ. По требованію родителей онъ былъ помѣщенъ въ одиночную тюрьму la Petite-Roquette, изъ которой, по его собственнымъ словамъ, онъ вышелъ худшимъ, нежели былъ прежде. Онъ рано познакомился съ проститутками и живущими на ихъ счетъ ихъ возлюбленными, извѣстными подъ именемъ альфонсовъ. Чуть ли не въ возрастѣ 13 лѣтъ онъ самъ сталъ альфонсомъ и завелъ себѣ любовницу, Leontin'у D., дѣвочку старше его годомъ, которую онъ заставлялъ заниматься проституціей и кормить его. Когда заработки Leontin'ы оказывались недостаточными, а кражи не удавались, тогда онъ самъ принималъ на себя роль такъ называемаго «petit jèsus» и начиналъ продавать свои юношескія ласки старымъ развратникамъ, одинъ изъ которыхъ, нѣкто литографъ Vincard, былъ найденъ задушеннымъ и ограбленнымъ въ своей квартирѣ въ 1884 г., когда Kaps было всего 14 лѣтъ. Послѣдній счастливо отдѣлался и избѣжалъ подозрѣній, хотя и былъ въ квартирѣ Vincard въ вечеръ убійства.

Послѣ этого событія Kaps продолжалъ вести свою прежнюю жизнь въ сообществѣ проститутокъ и ихъ альфонсовъ, въ атмосферѣ постояннаго разгула и разврата въ перемежку съ тюремными сидѣніями. Такъ продолжалось до 1889 г., когда Kaps выстрѣломъ изъ заранѣе приготовленнаго револьвера убилъ Leontin'у D. Онъ самъ отдался въ руки правосу-

дія и во время производства слѣдствія признался и въ убійствѣ Vincard. Убійство своей любовницы, которой онъ еще ранѣе сдѣлалъ то же признаніе, Kaps объяснялъ любовной ревностью къ ея подругѣ, Софьѣ D.: «Госпожа была любовникомъ моей подруги, а моя подруга была любовницей госпожи», разсказывалъ онъ. Такова ли была дѣйствительная причина или ею была боязнь разоблаченій со стороны Леонтины—рѣшить невозможно.

Во все теченіе своего заключенія до самой смерти Kaps постоянно проявлялъ спокойную циническую жестокость. Во время производства слѣдствія онъ пытался убить заранѣе принесеннымъ оружіемъ Софью D. въ самой камерѣ слѣдственнаго судьи. Его злоба и мщеніе возбуждались по самымъ незначительнымъ поводамъ. Однажды надзиратель слишкомъ нажалъ его наручники. Kaps вспыхнулъ и обѣщалъ отмстить за себя. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ пытался убить виновнаго въ той же камерѣ. Позднѣе, въ тюрьмѣ Roquette, гдѣ онъ находился въ качествѣ приговореннаго къ смерти, Kaps нѣсколько разъ пытался задушить своихъ надзирателей по самымъ незначительнымъ поводамъ.

Онъ спокойно встрѣтилъ свое осужденіе и также спокойно встрѣтилъ и смерть. На увѣщанія духовника просить у Бога прощенія въ совершенныхъ преступленіяхъ, Kaps отвѣтилъ: «Зачѣмъ это, зачѣмъ просить прощенія? Я убилъ, меня убиваютъ, и мы квиты».

Таковъ случай. Не стану вдаваться въ разборъ его. Укажу лишь на поразительное сходство его субъективной стороны съ субъективною стороною многихъ явленій, описанныхъ въ предшествующей главѣ. Самъ проф. Joly замѣчаетъ, что живущіе проституціей, какъ Kaps, скоро пріобрѣтаютъ

въ сообществѣ себѣ подобныхъ звѣрей характеръ дающій имъ возможность ни передъ чѣмъ не отступать. Они постоянно бываютъ расположены совершить убійство изъ-за слова, изъ-за пустой фантазіи, на пари, самое большое для кражи и при томъ для кражи всего нѣсколькихъ франковъ. Проф. Joly объясняетъ эти несомнѣнныя явленія презрѣніемъ къ человѣческой личности, развивающимся у подобныхъ субъектовъ. Мы съ своей стороны уже нѣсколько познакомились съ дѣйствительными субъективными факторами кровавыхъ преступленій но этимъ мы выполнили только часть предстоявшей намъ задачи. Всѣ особенности натуры не являются неизвѣстно откуда; онѣ всегда постепенно развиваются и вырабатываются подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ всей совокупности условій окружающей среды. На послѣднихъ мы и остановимся теперь. При этомъ мы столкнемся все съ тѣмъ же старымъ и въ то же время вѣчно новымъ общественнымъ вопросомъ, который грозной тучей нависъ надъ міромъ.

Въ средѣ общества родятся и живутъ малолѣтніе и взрослые преступники; они его отраженіе; они «плоть отъ плоти его и кость отъ кости его». Подъ вліяніемъ особенностей, создаваемыхъ обществомъ жизненныхъ положеній, подготовляются и развиваются присущія имъ особенности натуры, наталкивающія ихъ, при извѣстныхъ условіяхъ, на преступленіе вообще и на различные его виды въ частности. Шли вѣка, миновали эпохи, смѣнялись поколѣнія и каждое изъ нихъ, руководимое своими многоразличными интересами, привносило свой вкладъ въ созиданіе существующаго общественнаго строя съ его достоинствами и недостатками. Въ ходѣ чрезвычайно сложныхъ историческихъ явленій, на ряду съ хорошими и свѣтлыми сторонами, развивалось и множество крайне темныхъ сторонъ. Великими благами первыхъ мы пользуемся и болѣе или ме-

нѣе тяжело страдаемъ отъ вторыхъ. Кто виноватъ? Рѣшать не намъ, да не въ винѣ и дѣло. Наша задача состоитъ въ изученіи и разумной, спокойной борьбѣ со зломъ для его устраненія и исправленія совершенныхъ погрѣшностей.

Бѣдность, нищета и большая или меньшая степень обездоленности на пиру жизни значительнаго числа людей, вслѣдствіе примѣненія слишкомъ различныхъ мѣрокъ—вотъ одна изъ основныхъ и наиболѣе темныхъ сторонъ исторически развившагося современнаго строя, изъ которой уже вторично, третично и т. д. возникаютъ самыя неблагопріятныя слѣдствія для всѣхъ сторонъ общественной жизни. Много произведено прекрасныхъ статистическихъ работъ о колебаніяхъ преступности въ зависимости отъ временъ года, пола, возраста и т. д. Но самой капитальной работой, была бы, по моему мнѣнію, та, которая выразила бы намъ въ числовыхъ отношеніяхъ колебанія въ порчѣ нравовъ, въ развитіи алкоголизма, порочности, разврата и преступности въ зависимости отъ увеличивающагося нарощенія числа людей лишнихъ и обездоленныхъ, для которыхъ не обезпеченъ даже завтрашній день и которые всегда готовы за самый скудный кусокъ хлѣба безъ разбора всякому богу служить и молиться. Для нихъ нѣтъ надежды, нѣтъ и будущности. Они страдаютъ физически и падаютъ нравственно подъ вліяніемъ деградирующей жизни въ нищетѣ; они умрутъ, какъ жили, среди умственной и нравственной ночи. «Около 6,000 чел. бродягъ и лицъ, уже имѣвшихъ столкновенія съ правосудіемъ», говоритъ Desmaz, «каждое утро просыпаются въ Парижѣ, не зная, какъ и чѣмъ они проживутъ до вечера». Изъ французской уголовной статистики видно, что въ средѣ осужденныхъ число лицъ, неимѣющихъ крова, увеличивается. Оно равнялось 41 на 1,000 между 1840 и

1851 г.; съ тѣхъ поръ оно все возрастало и было 52, 70, 80 и, наконецъ, 140. Изъ той же французской статистики видно, что на каждые 100,000 жителей осужденныхъ бродягъ и различныхъ празднощатающихся приходится 405 человѣкъ—число значительно превышающее число осужденныхъ другихъ профессій. По изслѣдованіямъ статистика Yvernes, оказывается, что на каждые 100,000 обитателей сверхъ того приходится значительное число, осужденныхъ, а именно 54 человѣка, имѣющихъ неопредѣленныя и неизвѣстныя профессіи. Эти лица не бродяги; они неудавшіеся, лишніе люди, люди, выбитые изъ колеи. Въ Парижѣ ихъ называютъ «camelots»; они продукты большаго города; они живутъ изо дня въ день, переходятъ отъ занятія къ занятію и хватаются безразлично за все, что можетъ дать лишній день существованія. Они влачатъ свою жизнь среди тяжелыхъ условій. По большей части чахлые и хилые отъ всякихъ лишеній и часто также отъ сопутствующаго пьянства и разврата, они неспособны ни къ какому физическому труду. Послѣ себя они оставляютъ на землѣ слабыя созданія, лишенныя протекціи и обреченныя проходить печальный жизненный путь, пройденный и ихъ отцами. Про этихъ людей съ полнымъ основаніемъ можно сказать вмѣстѣ съ графомъ D'Haussonville, что «бѣдность у нихъ порождаетъ порокъ, а порокъ въ свою очередь поддерживаетъ бѣдность». Къ нимъ вполнѣ примѣняется замѣчаніе того же автора, что они живутъ «при условіяхъ цивилизаціи, совершенно отличной отъ нашей, хотя они граждане той же страны и обитатели того же города». Большинство изъ нихъ «втеченіе всего года, всей жизни испытываютъ тотъ медленный голодъ, который не убиваетъ въ день, но который слагается изъ всевозможныхъ невзгодъ, который безпрерывно подтачиваетъ тѣло, ослабляетъ

умъ, деморализуетъ совѣсть, портитъ расы, порождаетъ всевозможныя болѣзни и пороки, и, между прочимъ, пьянство, зависть, отвращеніе къ работѣ и сбереженіямъ, грубость нравовъ, лѣность, нищету, развратъ и воровство».

Но вернемся снова къ занимающимъ насъ явленіямъ ранней развращенности и преступности и посмотримъ, въ какомъ отношеніи находятся они къ только что затронутымъ.

Увеличеніе ранней развращенности и преступности подростковъ представляетъ явленіе значительно распространенное въ наши дни. «Карьера преступленія начинается въ настоящее время ранѣе, нежели прежде: въ этомъ намъ невозможно сомнѣваться», замѣчаетъ проф. Joly. Во Франціи за 50 лѣтъ число обвиняемыхъ въ возрастѣ моложе 16 лѣтъ возрасло на 140% (3,244), число обвиняемыхъ въ возрастѣ отъ 16 до 21 года увеличилось на 247% (14,547), тогда какъ число обвиняемыхъ въ возрастѣ свыше 21 года увеличилось за то же время только на 127%. Въ 1884 году парижскій префектъ полиціи заявлялъ коммиссіи слѣдующее: «Намъ пришлось констатировать, какъ рано дѣти попадаютъ на улицу. Мальчики работаютъ мало и живутъ на деньги, добываемыя дѣвочками. Я не могу въ достаточной мѣрѣ оттѣнить это новое явленіе пониженія возраста проститутокъ и сутенеровъ: всѣ могутъ убѣдиться въ томъ». Извѣстный д-ръ Wines писалъ о Соединенныхъ Штатахъ, что «въ послѣдніе годы преступленіе, повидимому, перешло къ молодежи, и скороспѣлость сдѣлалась отличительной чертой эпохи». «Развитіе преступности молодежи», говоритъ одинъ изъ членовъ французской коммисіи для разбора рецидивистовъ, «есть одно изъ наиболѣе печальныхъ явленій нашего времени».

Приступая къ выясненію условій, способствующихъ развитію этого явленія, отмѣтимъ прежде всего, что ранная раз-

вращенность и тяжкая преступность подростковъ представляютъ собою преимущественные продукты все того же большаго города и его сложной и своеобразной жизни, которая, близко сводя и тѣсно сплачивая людей, съ одной стороны, способствуетъ быстрому развитію культуры, накопленію знаній и развитію власти человѣка надъ природой, подготовляющей будущее общее благосостояніе, а съ другой, какъ мы уже видѣли, она вырабатываетъ во множествѣ, при существующемъ строѣ отношеній, несчастные отбросы общества и могущественно увеличиваетъ продукты вырожденія породы. А между тѣмъ большіе города въ наше время все болѣе развиваются и все болѣе становятся обширными притягательными центрами, куда, какъ въ обѣтованную землю, люди стремятся со всѣхъ сторонъ.

Сюда прежде всего стекаются всѣ баловни судьбы, жизнь которыхъ, благодаря размѣрамъ ихъ покупательныхъ средствъ, представляетъ одинъ вѣчно длящійся праздникъ: если имъ приходится задумываться надъ чѣмъ, то лишь надъ выборомъ удовольствій. Не мудрено, что многіе изъ нихъ, особенно недостаточныя, плохо отъ природы одаренныя и неуравновѣшенныя натуры—а ихъ въ этой средѣ не мало—при такихъ условіяхъ старательно развиваютъ только грубую чувственность и постепенно переходятъ отъ однихъ менѣе изысканныхъ и утонченныхъ чувственныхъ наслажденій къ другимъ, болѣе утонченнымъ [1]). Но если экономическое положеніе такихъ лицъ не ставитъ никакихъ преградъ ихъ неудер-

---

[1]) У одного изъ подобныхъ субъектовъ, прожившаго свои органическія силы въ различныхъ сладострастныхъ оргіяхъ, только однѣ маленькія невинныя дѣвочки и могли еще возбуждать пресыщенную чувственность. Для достиженія его цѣлей ему привязывали ихъ за руки и ноги къ кровати.

жимой погонѣ за наслажденіями, то органическіе законы очень скоро ставятъ ихъ. За извѣстнымъ предѣломъ, съ каждымъ шагомъ впередъ, жажда наслажденій разгорается, а чувствительность ослабляется, притупляется и требуетъ постояннаго повышенія интенсивности раздражителей. Воскресаетъ Танталъ и его муки, загорается борьба природы и искуства и въ ней вырабатываются личности съ распущеннымъ воображеніемъ, которыхъ обыкновенно называютъ пресытившимися, личности, изжившія свое жизненное содержаніе, испытывающія подавленныя состоянія и въ то же время невѣроятную жажду неслажденій, какою бы цѣной послѣдняя ни утолялась. Трудно представить себѣ до какихъ уродливостей и поразительныхъ извращеній доходятъ такія изжитыя натуры въ неудержимой погонѣ за удовольствіями. Я не стану приводить относящихся сюда фактовъ; замѣчу лишь, что жизнь большихъ городовъ, какъ показываютъ изслѣдованія, ими изобилуетъ.

Въ большіе города стекаются и всѣ искатели приключеній и цвѣтовъ жизни, всѣ, чувствующіе въ себѣ способность плавать на широкомъ просторѣ и искусно проводить свой жизненный челнъ среди опасностей. Въ большихъ городахъ такіе люди находятъ вполнѣ благопріятную среду для себя: легкія и болѣе или менѣе щедро оплачиваемыя занятія и профессіи и частые благопріятные случаи. Припомнимъ хотя бы только биржу съ ея дѣльцами спеціалистами, съ ея массой различныхъ посредниковъ и ищеекъ, занимающихся всевозможными сдѣлками и иногда въ нѣсколько минутъ наживающихъ большія и по кодексу биржевой нравственности вполнѣ безгрѣшныя суммы. Многіе изъ нихъ и, можетъ быть, даже большинство безразличны, или дурно одарены въ нравственномъ отношеніи, лишены всякаго правильнаго и серьезнаго нравственнаго воспитанія, прививающаго къ человѣку стойкія

убѣжденія объ обязанностяхъ къ окружающимъ людямъ, ко всему обществу и самому себѣ. Они гонятся исключительно за успѣхомъ и удачей, ловятъ ихъ всевозможными средствами, а поймавши, считаютъ свою задачу исполненной и все вполнѣ оправданнымъ.

Такія натуры требуютъ и берутъ отъ жизни преимущественно грубыя чувственныя удовольствія. Желудокъ и наслажденія любви—вотъ ихъ почти исключительныя утѣхи и услады [1]). Они разсматриваютъ и оцѣниваютъ жизнь преимущественно съ этихъ вполнѣ доступныхъ имъ сторонъ, предъявляютъ къ ней соотвѣтствующія требованія, и ея безумное прожиганіе становится какъ бы профессіей многихъ изъ нихъ.

Въ отвѣтъ на запросы баловней судьбы и прожигателей жизни, въ большихъ городахъ создаются всевозможныя удобства и пріятности, повсюду раскидываются манящія своими

---

[1]) Въ Парижѣ, напр., въ нѣкоторыхъ публичныхъ домахъ устраивались гостинныя, стѣны и потолокъ которыхъ дѣлались изъ зеркалъ. Въ такихъ гостинныхъ были платныя мѣста, на которыя допускались любители. По срединѣ на большомъ коврѣ цѣлая группа совершенно нагихъ женщинъ предавались самымъ сладострастнымъ упражненіямъ. Другіе дома устраивали у себя раскошно отдѣланныя и освѣщенныя комнаты, въ которыхъ желающіе какъ одного, такъ и разныхъ половъ предавались всевозможнымъ оргіямъ. Рядомъ съ ними устраивались темныя комнаты, а въ раздѣляющія ихъ стѣны вдѣлывались трубки съ увеличительными стеклами. Въ темныя комнаты допускались за плату всѣ желавшіе невидимо наслаждаться чужими вакханаліями (не безъинтересно замѣтить, что та же мысль была осуществлена Колигулою въ его дворцѣ). Однажды въ одной изъ такихъ комнатъ одинъ богатый негоціантъ увидалъ своего зятя, предающимся содоміи. Наконецъ, третьи дома открыли у себя спеціальные пріюты для оргій свѣтскихъ женщинъ, которыя являлись туда инкогнито и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ исполняли роль публичныхъ женщинъ или же совмѣстно съ послѣдними предавались коллективнымъ оргіямъ.

выставками [1]) и показной стороной удовольствія, раздражающія чувства и разжигающія чувственность, учреждаются во множествѣ блестящіе и неблестящіе увеселительные притоны и вертепы, разсчитанные исключительно на обогащеніе ихъ содержателей путемъ эксплоатаціи разгула, порока и разврата [2]) и вообще выставляются всевозможныя приманки для

---

[1]) Эти выставки оказываютъ иногда поистинѣ гипнотизирующее вліяніе, ообенно на дѣтей и подростковъ. Одинъ изъ очень высокопоставленныхъ членовъ французской магистратуры разсказываетъ, что въ возрастѣ 11 лѣтъ онъ самъ однажды совершилъ кражу съ такой выставки. По дорогѣ въ лицей ему ежедневно приходилось проходить мимо выставки одного магазина. Однажды онъ не вытерпѣлъ и стащилъ горсть чернослива, хотя, по его словамъ, дома у него было столько чернослива, сколько только онъ могъ пожелать. Кража осталась не открытой. Но что было бы, говоритъ онъ самъ, если бы онъ былъ захваченъ и заключенъ въ тюрьму, подобно многимъ другимъ дѣтямъ, у которыхъ подобная первая кража является иногда и первымъ сильнымъ толчкомъ ко вступленію на дорогу порчи и преступленія. Если уже воспитанный мальчикъ изъ достаточной семьи иногда соблазняется и не можетъ удержаться, то что сказать о вліяніи такихъ выставокъ на оголодалыхъ подростковъ и взрослыхъ, бродящихъ по улицамъ большаго города, а главное, что сказать о чувствахъ, которыя должны при этомъ на каждомъ шагу возбуждаться въ нихъ.

[2]) Одинъ изъ содержателей такихъ притоновъ просилъ парижскаго префекта полиціи разрѣшить ему передать его своей дочери. „Ей скоро будетъ 15½ лѣтъ“, писалъ онъ: „она хорошо знаетъ ремесло и имѣетъ къ нему большую склонность. Она очень серьезна для своихъ лѣтъ и на нее можно положиться въ управленіи домомъ, такъ что вы не будете сожалѣть, если дадите разрѣшеніе. Сверхъ того я имѣю въ виду выдать ее замужъ за лакея изъ залы, который хорошо знаетъ свое дѣло“. Этотъ выдаетъ дочь, а другой самъ женится на неизвѣстной для него проституткѣ только потому, что ему хвалили ея способность заманивать къ себѣ посѣтителей. „Я хозяинъ публичнаго дома“, говоритъ онъ ей, „я вдовъ и мнѣ нужно снова жениться, чтобы сохранить его за собой; вы можете быть мнѣ полезной“. Та проситъ срока на раздумье, но предварительно хочетъ посовѣтоваться съ своимъ постояннымъ любовникомъ. Послѣдній должно

шумящей толпы. Съ ними ежедневно въ большей или меньшей степени и сталкивается городское населеніе, въ которомъ ихъ постоянныя вліянія, нарощаясь и суммируясь, повышаютъ потребности и пробуждаютъ жажду наслажденій и при томъ по большей части наслажденій нечистыхъ и нежелательныхъ —наслажденій грубой чувственности. За баловнями судьбы, являющимися иниціаторами и примѣромъ, къ раскинутымъ кругомъ удовольствіямъ, какъ бы по отраженію сверху внизъ, начинаютъ жадно стремиться почти всѣ изъ толпы и при томъ тѣмъ съ большею силою, чѣмъ меньше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ихъ развитіе, ибо такимъ особенно и трудно устоять и ихъ головамъ особенно трудно не закружиться, когда ихъ окружаютъ наркотиками. И вотъ, въ большихъ городахъ развивается веселая, постоянно клокочущая и для многихъ очень легкая жизнь, появляются легкіе заработки, слухъ и слава о которыхъ переходятъ изъ устъ въ уста и разносятся широко кругомъ во всѣ стороны.

Немудрено, поэтому, что кромѣ баловней судьбы, явля-

быть посовѣтовалъ, потому что свадьба состоялась. По свидѣтельству Taxil, въ Парижѣ есть семьи, которыя въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній занимаются наслѣдственнымъ промысломъ содержанія публичныхъ домовъ. Тотъ же авторъ приводитъ, между прочимъ, просьбу одной 82 л. старухи, адресованную префекту, о выдачѣ разрѣшенія на публичный домъ ея дочери и ея внучкѣ. Въ ней просительница называетъ префекта „отцемъ бѣдныхъ, опорою вдовъ и сиротъ, поддержкою обездоленныхъ и убѣжищемъ несчастныхъ“ и, чувствуя приближеніе смерти и другой жизни, ходатайствуетъ о разрѣшеніи. Сами же несчастныя жертвы разврата—публичныя женщины—только гибнутъ въ тискахъ эксплоатаціи и своею гибелью кормятъ и обогащаютъ подобныхъ субъектовъ. „Ремесло публичной женщины приводитъ только къ нищетѣ. И это утвержденіе безусловно вѣрно по отношенію къ 95 изъ 100“. „Госпиталь, тюрьма или нищенское депо—вотъ послѣдній результатъ въ концѣ всѣхъ счетовъ“.

ющихся для крупныхъ дѣлъ, а часто и для прожиганія жизни, въ большіе города стекаются со всѣхъ сторонъ и люди другаго сорта—только еще ищущіе счастья и недостающаго имъ сколько нибудь привольнаго житья. Большіе города, какъ извѣстно, повсемѣстно усилено растутъ на счетъ деревни и стягиваютъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ деревенское населеніе, привлекаемое заработками и удобствами городской жизни [1]. Это стремленіе, вытекающее изъ желанія отыскать лучшее, въ будущемъ будетъ имѣть благопріятное значеніе, но теперь, на ряду съ свѣтлыми, сторонами оно представляетъ и многія темныя стороны, благодаря которымъ оно вызываетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, напр., во Франціи, серьезныя безпокойства. Въ 1846 г. городское населеніе составляло во Франціи только 1/4 всего населенія, а въ 1886 г. оно составляло уже болѣе одной трети. Высчитываютъ, что если увеличеніе населенія городовъ пойдетъ въ той же пропорціи, то обѣ части населенія Франціи сравняются въ 1920 г. Тоже явленіе замѣчается повсюду [2], и въ Англіи противъ него думаютъ бороться теперь созданіемъ мелкой поземельной собственности. «Стремленіе крупныхъ городскихъ центровъ притягивать къ себѣ окрестное населеніе—явленіе обычное», за-

---

[1]) Наибольшее пропорціональное возрастаніе населенія приходится на очень большіе города, тогда какъ населеніе небольшихъ городовъ растетъ сравнительно гораздо медленнѣе или даже убываетъ. Населеніе Лондона за 60 лѣтъ почти утроилось; во Франціи населеніе городовъ, имѣющихъ свыше 10 тыс. жителей въ теченіи 20 лѣтъ возрасло на 30%, тогда какъ населеніе Франціи вообще за тотъ же періодъ возрасло только на 5,12%; населеніе же городовъ, имѣющихъ менѣе 10 тыс. жителей, даже убыло.

[2]) Въ Англіи городское населеніе въ 1871 г. составляло 56,3% всего населенія, а въ 1881 г.—59,6%. Въ Германіи соотносительная часть городскаго населенія въ общей массѣ населенія возрасла за десятилѣтіе на 5,3%.

мѣчаетъ нашъ уважаемый статистикъ Вас. Ник. Григорьевъ; «оно наблюдается и въ крупныхъ городахъ западной Европы, гдѣ также пришлый элементъ имѣетъ обыкновенно преобладающее значеніе въ составѣ ихъ населенія». Далѣе онъ приводитъ таблицу, изъ которой видно, что въ Москвѣ пришлаго населенія 73,8%, а родившагося внутри города 26,2%; въ Петербургѣ 70,6 и 29,4%; въ Парижѣ 67,8 и 32,2%; въ Вѣнѣ 61,5 и 38,5%; въ Берлинѣ 56,6 и 43,4%; въ Лондонѣ 37,1 и 62,9%. Усиленное вселеніе въ Москву начинается съ 1861 г.; отъ 1866—1870 оно достигаетъ 11%; отъ 1876 по 1880—28%. Отъ простаго рязанскаго крестьянина-извощика мнѣ однажды пришлось слышать мѣткое замѣчаніе, что Москва постоянно растетъ на счетъ упадка деревни, «что вскорѣ послѣ пожаровъ она еще краше становится, а деревня и безъ пожара раззоряется».

Въ большіе города стекаются изъ деревень по большей части тѣ, которымъ по тѣмъ или другимъ причинамъ стало тѣсно и трудно жить въ деревнѣ, которые обнищали, опустили хозяйство и теперь порываютъ съ прежнимъ мѣстомъ и отправляются искать счастья и болѣе привольнаго житья вдали, иногда въ одиночку, а иногда и цѣлыми семьями. Такъ, напр., Энскій департаментъ во Франціи, вслѣдствіе усиленной конкурренціи фермеровъ и значительнаго возвышенія арендныхъ цѣнъ на землю, потерялъ съ 1801 по 1846 г. 131,400 человѣкъ населенія, значительная часть которыхъ отправилась искать счастья въ увлекательный Парижъ. Позднѣйшій земледѣльческій кризисъ и паденіе заработной платы земледѣльческихъ рабочихъ породили дальнѣйшія выселенія изъ того же департамента, причемъ нѣкоторые изъ разошедшихся пали тягостью на благотворительныя бюро и потомъ постепенно вошли въ ряды бродягъ и людей лишнихъ. То же замѣчается

повсюду. Сходными путями и у насъ во многихъ мѣстахъ упадаетъ деревня, гдѣ постепенно нарождаются «безлошадные или пѣшіе» домохозяева и гдѣ крестьяне иногда вынуждаются арендовать собственныя земли по дорогимъ цѣнамъ, и образуется множество спеціальныхъ фабричныхъ рабочихъ, которые мало по малу порываютъ съ деревней и утрачиваютъ свою прежнюю самостоятельность и осѣдлость.

Деревенскіе незадачники, понюхавшіе заразительный воздухъ большаго города и узнавшіе удобства и оживленіе жизни послѣдняго, по большей части порываютъ съ деревней и окончательно остаются въ городѣ, принося съ собой на продажу только свою способность труда и при томъ способность, часто не сопутствуемую никакимъ спеціальнымъ знаніемъ, и здѣсь смѣшиваются съ постояннымъ захудалымъ городскимъ населеніемъ, уже издавна по тѣмъ или другимъ причинамъ лишившимся самостоятельнаго существованія и живущимъ изо дня въ день.

Наплывъ въ большіе города населенія, ищущаго заработка и счастья, повышаетъ предложеніе труда и производитъ переполненіе рынка. Помимо наплыва, въ томъ же направленіи уже довольно давно могущественно дѣйствуетъ и машина, все больше стремящаяся найти себѣ примѣненіе во всѣхъ отрасляхъ производства. Предназначенная по самому своему существу сокращать тяжелый трудъ человѣка и безгранично увеличивать его власть надъ окружающей природой, она, при существующемъ строѣ, выбрасываетъ множество людей изъ производства и дѣлаетъ ихъ лишними. Эти роковые факторы, *при всевозможныхъ мыслимыхъ усиліяхъ со стороны людей труда*, неумолимо выбьютъ *и не могутъ не выбить* опредѣленное число ихъ изъ жизненной колеи и сдѣ-

лаютъ ихъ жалкими игрушками различныхъ случайностей [1]). Всѣ болѣе слабые, менѣе ловкіе, менѣе вооруженные и хотя немного невинно зазѣвавшіеся, при существующихъ условіяхъ, неизбѣжно обрекаются на гибель, на гибель медленную, тяжелую и унизительную.

Вслѣдствіе наплыва и соединеннаго съ нимъ увеличенія спроса, жизнь въ большихъ городахъ удорожается и цѣны растутъ особенно на помѣщенія. Цѣны земли подъ домами въ сколько нибудь удобныхъ и болѣе близкихъ отъ центра мѣстахъ, гдѣ должно ютиться занятое рабочее населеніе, быстро возрастаютъ, а за ними растутъ и цѣны на дома и квартиры. Въ Парижѣ, напр., по свидѣтельству гр. d'Haussonville, цѣны на помѣщенія, занимаемыя бѣднымъ людомъ, въ теченіе только 10 лѣтъ поднялись отъ 20 до 25% [2]). Въ Москвѣ, сколько

---

[1]) Во время моего пребыванія въ Брюсселѣ въ 1892 г. я довольно подробно осматривалъ жилища въ бѣдныхъ кварталахъ, которыя всѣ отличались самыми антигигіеничными условіями. Въ числѣ многихъ прочихъ, мнѣ пришлось встрѣтить семью одной женщины; послѣдняя въ то время занималась, на перебой съ другими такими же несчастными, неотступнымъ навязываніемъ каждому показывавшемуся на площади передъ судебными мѣстами, такъ называемыхъ, „monuments", т. е. дешевыхъ фотографій Брюсселя. Прежде она съ мужемъ была занята на пуговичной фабрикѣ; фабрика закрылась и они очутились на улицѣ. Ея семья во время нашего знакомства состояла изъ нея самой, ея мужа, который не имѣлъ занятій и дожидался мѣста метельщика городскихъ улицъ съ заработкомъ въ 2 фр. въ день на своихъ харчахъ, ея матери, трехъ маленькихъ дѣтей и младшаго брата, заработывавшаго розноской 1 фр. 50 сант. въ день. Сама она зарабатывала продажей монументовъ отъ 1 ф. 25 с. до 1 ф. 50 с., а ее старуха мать занималась только домашними работами и уходомъ съ дѣтьми. Семья должна была платить за комнату 3 ф. въ недѣлю; на пищу надо было въ день по 40 сант. на каждаго взрослаго человѣка, да на всю семью 4 кило картофеля по 8 сант. за каждый.

[2]) Въ Лондонѣ, напр., 88% рабочаго населенія вынуждены тратить на квартирную плату значительно болѣе 1/5 своего заработка.

мнѣ извѣстно, онѣ возрасли едва ли менѣе. На другіе предметы потребленія цѣны также возрастаютъ, хотя и не въ такой пропорціи.

Немудрено, поэтому, что многіе изъ приселяющихся, особенно болѣе слабые, менѣе одаренные, вооруженные и ловкіе, на ряду съ постоянными, почему-либо захудалыми горожанами, скоро иногда выбиваются изъ колеи, переходятъ въ разрядъ лицъ, не имѣющихъ постоянныхъ опредѣленныхъ занятій, лицъ, ищущихъ и перебивающихся изо дня въ день, и обрекаются, за немногими развѣ исключеніями, на окончательное, хотя и сравнительно медленное вытѣсненіе съ жизненнаго пира. «Ахъ господинъ», говорилъ гр. d'Haussonville одинъ молодой человѣкъ, сдѣлавшій невѣрные шаги въ жизни и попавшій вслѣдствіе того въ тяжелое жизненное положеніе, «нельзя себѣ представить, какъ трудно подняться въ Парижѣ тому, кто хоть разъ попадетъ въ помаду». То же самое съ полнымъ основаніемъ могутъ сказать и во всѣхъ большихъ городахъ всѣ зазѣвавшіеся, менѣе одаренные, менѣе вооруженные и ловкіе, когда они не имѣютъ поддержки извнѣ. Разъ же попавъ въ свое прекарное положеніе, они хватаются за все, день или два работаютъ, потомъ столько же или больше не работаютъ, стучатся повсюду, бродятъ по коечнымъ и ночлежнымъ домамъ и квартирамъ, подъ часъ питаются на рынкахъ «собачьей радостью», т. е. мѣсивомъ, приготовляемымъ изъ лежалыхъ трактирныхъ отбросовъ и объѣдковъ, терпятъ всякія лишенія и выдерживаютъ не жизненную борьбу, а настоящую жизненную ломку. Нищета и постоянная необезпеченность чуть не ближайшаго часа существованія, безпрерывно вліяя на нихъ, производятъ ужасныя порчи ихъ характеровъ. Они уносятъ энергію, разслабляютъ волю, уничтожаютъ предусмотрительность благородную гордость, убиваютъ всякіе принципы и убѣж-

денія, расшатываютъ правила, изсушаютъ мысль и всѣ хорошія чувства, оставляя нетронутымъ лишь грубый эгоизмъ. Алкоголизмъ, при существующихъ условіяхъ, есть почти неизбѣжный удѣлъ такихъ незадачниковъ. Пьянству обыкновенно предаются по разнымъ причинамъ. Одни пьютъ за компанію, т. е. изъ подражанія, другіе, обыкновенно болѣе или менѣе ослабленные, пьютъ для веселости, которой имъ не достаетъ во время различныхъ собраній, большая же часть—истощенные жизненными невзгодами и потому органически оскудѣлые пьютъ для того, чтобы ощутить недостающую имъ бодрость, развить энергію и послѣ тягостныхъ субъективныхъ состояній подавленности и вялости испытать хотя на время состояніе сколько-нибудь сноснаго самочувствія, когда и они по бодрости и энергіи становятся какъ бы похожи на другихъ. Къ этой послѣдней категоріи обыкновенно и относятся занимающіе насъ незадачники. Переходя со ступеньки на ступеньку лѣстницы общественныхъ невзгодъ и лишеній, они неизбѣжно становятся, наконецъ, озвѣрѣлыми пьяницами, деградированными бродягами, профессіональными нищими и различными мелкими паразитами.

Стремленіе къ наслажденіямъ въ этой физически и нравственно истощенной средѣ, особенно вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ разсѣянными повсюду, манящими и разжигающими аппетиты удовольствіями городской жизни, усиленно развивается и, при ея внутреннихъ особенностяхъ, приводитъ ее къ самымъ грубымъ, порочнымъ и развращеннымъ наслажденіямъ въ различныхъ грязныхъ притонахъ и вертепахъ, которые представляютъ собою поистинѣ адъ большаго города, какъ ихъ справедливо назвалъ изслѣдователь Pall Mall Gazette. Припомнимъ, напр., извѣстный вырождавшійся родъ Jukes, изученный въ 7 генераціяхъ и въ лицѣ его 109 пред-

ставителей. Въ немъ мы находимъ родовыя линіи, дававшія преступниковъ, и линіи, дававшія пауперовъ. Его жившіе въ нищетѣ представители отличались рано проявлявшейся наклонностью къ разврату и послѣдующей распущенностью. Одна изъ женщинъ этого рода стала матерью, не достигнувъ 15 лѣтъ, а другая всего 12 лѣтъ. Развратность его представительницъ брачнаго возраста, считая для нихъ наступленіе этого возраста въ 14 лѣтъ, была напряженнѣе, нежели въ окружающемъ его обществѣ въ 29 разъ; въ нѣкоторыхъ же линіяхъ развратной Ады Jukes она выражалась цифрою 70.

Благотворное, морализующее вліяніе правильной семьи и правильнаго брака, за отсутствіемъ для нихъ сколько нибудь благопріятныхъ условій, въ такой средѣ уничтожается, да и самая семья часто разрушается, и ея члены бредутъ розно. Число кратковременныхъ незаконныхъ связей и незаконныхъ рожденій увеличивается, и дѣти часто съ самаго дня рожденія попадаютъ въ число брошенныхъ, а въ лучшихъ случаяхъ нравственно заброшенныхъ или даже становятся предметомъ постыднаго торга и рано выкидываются на тротуары большаго города. Въ практикѣ еще молодаго московскаго общества пособія несовершеннолѣтнимъ былъ случай, въ числѣ прочихъ, что отецъ и его два маленькихъ сына нищенствовали и бродяжили самостоятельно и раздѣльно и только случайно сходились иногда въ однихъ ночлежныхъ пріютахъ и берлогахъ. Изъ такихъ то дѣтей, какъ показываетъ французская статистика, и рекрутируется одна пятая всего населенія публичныхъ домовъ.

Другая часть приселяющагося къ большимъ городамъ населенія пристраивается къ какимъ либо болѣе регулярнымъ занятіямъ и уходитъ въ то или другое ремесло. Но и здѣсь,

въ сферѣ производства, усиленный наплывъ и все болѣе распространяющееся примѣненіе машины дѣлаютъ свое разрушительное дѣло. Они выбрасываютъ руки на рынокъ труда, заставляютъ ихъ искать для себя новыхъ примѣненій, заставляютъ отливать къ незахваченнымъ еще отраслямъ производства, порождаютъ ожесточенное соперничество, сбиваютъ цѣны и постепенно обезцѣниваютъ трудъ, особенно въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, не требующихъ особаго искусства и большой подготовки.

Въ Парижѣ, напр., около одной четверти всѣхъ рабочихъ получаютъ заработокъ, едва достаточный для удовлетворенія ихъ самыхъ насущныхъ потребностей; изъ нихъ нѣкоторые получаютъ даже менѣе того. Есть рабочіе, получающіе менѣе и даже иногда значительно менѣе 3 фр. въ день, тогда какъ и зарабатывающіе отъ 3—4 фр. въ день живутъ на самой границѣ нищеты. Въ Брюсселѣ мнѣ встрѣчались такіе примѣры. Рабочій по металу; семья состоитъ изъ мужа, жены и 4 дѣтей. Отецъ зарабатываетъ 3 фр. 50 сан. въ день, но по большей части имѣетъ 2 дня въ недѣлю обязательнаго прогула, по недостатку работы. Изъ дѣтей только одинъ еще зарабатываетъ 3 фр. въ недѣлю; жена занята почти исключительно хозяйствомъ и дѣтьми. Семья питается хлѣбомъ, картофелемъ и цикорнымъ кофе, и тратитъ на это 2 фр. въ день, а на квартиру 3 фр. въ недѣлю. У насъ, въ Москвѣ, пару мужскаго платья изъ своего матеріала, стоющаго почти 1 руб. за аршинъ, работаютъ за 6 р. 50 к. и даже нѣсколько менѣе. Можно представить себѣ, какъ великъ заработокъ при такой расцѣнкѣ!

Особенно плачевно въ отношеніи заработка положеніе женщины работницы. Въ томъ же Парижѣ существуетъ не менѣе 15 тысячъ работницъ, зарабатывающихъ отъ 1 фр.

до 1 фр. 50 с. въ день, тогда какъ самое недостаточное существованіе обходится не менѣе 700 или 650 фр. въ годъ. По вычисленію гр. d'Haussonville, нѣкоторыя изъ женщинъ работницъ, если исключить мертвые сезоны, получаютъ всего отъ 80 до 90 сан. въ день. Немудрено, что въ рабочемъ классѣ блестящаго Парижа, по свидѣтельству того же автора, распространено мнѣніе, что сама женщина трудомъ не можетъ зарабатывать средства своего существованія; немудрено также, что тамъ, какъ и во многихъ другихъ большихъ городахъ, имѣютъ мѣсто случаи, когда женщина требуетъ своей записи въ регистръ публичныхъ женщинъ, поясняя: «Я зарабатываю столько, сколько можетъ заработать женщина въ Парижѣ—30 су въ день (1 фр. 50 сан.), а на это невозможно жить»[1]). И за такую нищенскую плату требуется тяжелый, безразгибный трудъ, количество котораго, по общему господствующему въ настоящее время правилу, увеличивается по мѣрѣ того, какъ трудъ обезцѣнивается, особенно въ тѣхъ производствахъ, гдѣ плата поштучная. У насъ, напр., нѣкоторые сапожники, спеціально занимающіеся поправкой

---

[1]) „Мы очень бѣдны", говорила одна 16-лѣтняя симпатичная и еще непорочная дѣвушка, настаивая, съ плачемъ, на своемъ желаніи быть лишенной невинности. Она имѣла больнаго и неспособнаго къ работѣ отца и мать, занимавшуюся услуживаніемъ, а сама была вербовщицей поставлена изслѣдователю Pall Mall Gazette за 4 ф. ст., спеціально для лишенія невинности. Послѣдній предложилъ тогда лично ей 1 фун., вмѣсто приходившихся на ея долю 2 фун. изъ общей суммы 4-хъ, но безъ дефлорированія «Я хочу быть соблазненной», былъ отвѣтъ.—Но подумайте о боли о дурномъ поступкѣ, о стыдѣ и о нищетѣ, которая, быть можетъ заставитъ васъ кончить вашу жизнь на тротуарѣ; и это все только за одинъ лишній фунтъ.—Да, милостивый государь. При этомъ она разразилась рыданіями, восклицая: „Но мы такъ бѣдны!" Именно въ этихъ ужасныхъ послѣднихъ словахъ и звучитъ глубокая и роковая причина весьма многихъ жизненныхъ драмъ и трагедій.

старья, работаютъ отъ 6 час. утра до 10 вечера, безъ послѣобѣденнаго отдыха. Въ учрежденіяхъ того же московскаго общества пособія несовершеннолѣтнимъ находилось нѣсколько мальчиковъ, которые въ 12 лѣтъ были уже вынуждены работать въ пуговочномъ заведеніи отъ 5 час. утра до 9 час. вечера, съ 45 минутнымъ перерывомъ на обѣдъ. При столкновеніи съ такими явленіями, невольно вспоминается пѣсня рубашки, вызывавшая одно время большую сенсацію въ Англіи.

«Сидитъ оборванная женщина; ея вѣки красны и опухли; пальцы ея худы. Съ лихорадочной поспѣшностью она безъ отдыха двигаетъ своей иголкой и надтреснутымъ, рѣзкимъ голосомъ поетъ пѣсню рубашки. «Коли, коли, коли, моя иголочка, когда пѣніе пѣтуха слышится вдали; коли, коли, коли еще, когда сіяютъ звѣзды чрезъ мою дырявую крышу. Коли, коли, коли до тѣхъ поръ, пока голова закружится, до тѣхъ поръ, пока мои глаза станутъ красны и помутятся, до тѣхъ поръ, пока я упаду задремавши на пуговицы и кончу пришивать ихъ уже во снѣ. О мужчины, имѣющіе сестеръ, которыхъ вы любите! О мужчины, имѣющіе супругъ и матерей! Вы не бѣлье носите каждый день, а жизни людей. Коли, коли, коли, моя иголочка, среди нищеты, голода и грязи и шей единовременно двойною ниткою саванъ и рубашку».

При такомъ скудномъ и часто невѣрномъ заработкѣ мелкому люду между тѣмъ приходится оплачивать средства своего существованія, особенно свои помѣщенія, крайне дорогой цѣной. Сдачею квартиръ этому люду большею частью занимаются домовладѣльцы и съемщики, хлопочущіе о высшемъ доходѣ, при возможно меньшемъ количествѣ расхода, благодаря чему бѣдное и скудно оплачиваемое населеніе вынуждается ограничивать себя и свои семьи въ ѣдѣ, въ необходимой одеждѣ, въ квартирномъ пространствѣ, въ чистотѣ воздуха,

въ его сухости и свѣтѣ. Дома и квартиры, отдаваемые въ наемъ мелкому рабочему люду, отличаются по большей части полнымъ отрицаніемъ всѣхъ правилъ гигіены. Страшная скученность, спанье въ повалку, грязь, вонь, нерѣдко темнота и иногда холодъ и ужасная сырость внутри помѣщеній, являющіеся слѣдствіемъ дурной постройки и отсутствія ремонта и уносящіе много денегъ на топливо — таковы особенности большинства мелкихъ рабочихъ квартиръ, какъ бы нарочно приноровленныхъ къ тому, чтобы способствовать вырожденію и деградаціи подростающихъ и уже взрослыхъ поколѣній. У насъ въ Москвѣ насчитывается 10,4% подвальныхъ квартиръ, при чемъ наиболѣе глубокіе подвалы, на 1 и болѣе сажень подъ улицей, встрѣчаются преимущественно въ центральныхъ мѣстахъ, и въ подвальныхъ жилищахъ ютится 9,4% всего населенія, 25,2% населенія размѣщается такъ тѣсно, что въ среднемъ приходится болѣе 4 человѣкъ на комнату, и въ 14% помѣщеній квартирнаго пространства на каждаго жителя приходится всего отъ 1—5 кв. саж., чего нѣтъ даже въ самыхъ населенныхъ и дорогихъ городахъ Западной Европы.

Приведу здѣсь нѣкоторыя цифры изъ доклада комитету патронатства города Брюсселя о состояніи рабочихъ жилищъ въ 1890 г. На выдержку возьму 3-й полицейскій отдѣлъ города. Рабочихъ семей, занимающихъ каждая отдѣльный домикъ, въ отдѣлѣ 232; занимающихъ 3 комнаты 482; занимающихъ 2 ком. 2964; занимающихъ одну комнату 2153; занимающихъ одну монсарду 724; занимающихъ одну подвальную комнату 81. Самый большій объемъ комнаты, занимаемой цѣлой семьей, равняется 210 куб. метр., самый меньшій 8 куб. метр. Наибольшее число комнатъ, занятыхъ цѣлой семьей, по своему объему приближается въ среднемъ къ комнатѣ меньшаго объема, 6 комнатъ, занятыхъ каждая цѣ-

лой семьей, не могутъ винтилироваться, а въ 14 изъ нихъ дневной свѣтъ почти не проникаетъ. Изъ 2958 семей, занимающихъ по одной комнатѣ, 266 состоятъ болѣе, нежели изъ 5 человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ мальчики и дѣвочки, подростки и взрослые вынуждены спать въ одной постелѣ. А между тѣмъ, по словамъ доклада, «рабочіе платятъ за квартиры относительно въ $1^1/_2$ раза больше, нежели буржуа».

Мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ приходится по $2,_{41}$ на 100 жит. и по $15,_4$ на 100 хозяйствъ. Средній дневной заработокъ рабочаго равняется $3,_{17}$ фр., при чемъ большинство семей не имѣетъ рѣшительно никакихъ другихъ источниковъ дохода. Изъ 6636 рабочихъ семей, живущихъ въ отдѣлѣ, 2747 пользуются помощью отъ учрежденій общественнаго призрѣнія. Приблизительно то же и въ другихъ отдѣлахъ.

«Лачуги эти», говоритъ про рабочьи квартиры гр. D'Haussonville, «нанимаются по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ. Нельзя имѣть квартирки, состоящей изъ двухъ комнатъ, менѣе 250 фр. въ годъ. Одна комната оплачивается отъ 150—200 фр., смотря по этажу». Немудрено, поэтому, что занимающіеся сдачею квартиръ бѣднякамъ, получаютъ иногда, по свидѣтельству того же автора, до 25% дохода. Приведу для примѣра на выдержку описаніе одного рабочаго жилища— квартиры одного каменьщика. Она состояла изъ одной комнаты и маленькой коморочки. Въ послѣдней спали на одной постели дочь и старшій сынъ, на столько уже большой мальчикъ, что онъ помогалъ отцу въ его работахъ. На столѣ въ комнатѣ помѣщался матрацъ, на которомъ спало двое дѣтей; двое другихъ размѣщались подъ столомъ, седьмой спалъ въ люлечкѣ, а восьмой на кровати съ отцемъ и матерью. Повсюду была грязь и было разбросано грязное бѣлье и платье.

Въ одномъ изъ сдававшихся домовъ одного благотворительнаго московскаго общества мнѣ пришлось подробно осматривать рабочія квартиры. Одна изъ квартиръ представляла очень большую комнату. По срединѣ тонкими тесовыми и недостигавшими потолка перегородками былъ образованъ корридоръ. По обѣ его стороны такими же перегородками образованы 21 комнатка или каморки. Вся эта квартира сдавалась съемщицѣ за 100 р. въ мѣсяцъ. Въ теченіе 25-лѣтъ она была выбѣлена всего 2 раза.

Съемщица сдавала каморки по 7 и 8 р. въ мѣсяцъ. Величина каморокъ—6 ар. и 10 вер. длины, 3 ар. и 10 вер. или 4 ар. и 3 вер. ширины, при 8½ арш. вышины. Всѣ каморки были заняты семьями различнаго мелкаго люда и рабочихъ, производившихъ въ нихъ свое ремесло и по большей части съ грѣхомъ пополамъ зарабатывавшихъ на свое скудное содержаніе. Готовила на всѣхъ хозяйка въ одной общей печкѣ, размѣщая горшки жильцовъ въ три яруса. Вся квартира кишила дѣтьми различныхъ возрастовъ и обоего пола, приходившими въ самое тѣсное соприкосновеніе другъ съ другомъ.

Въ другомъ домѣ, въ квартирѣ подвальнаго этажа, состоявшей изъ одной комнаты, сдававшейся за двадцать рублей въ мѣсяцъ и имѣвшей 12 арш. длины и столько же ширины, при 3 ар. 2 верш. вышины, жило 17 человѣкъ, изъ которыхъ 8 чел. было дѣтей. Въ общей комнатѣ были выдѣлена каморка, сдававшаяся за 5 р. въ мѣсяцъ и имѣвшая 3 ар. 14 верш. длины и 2 ар. 15 верш. ширины. Въ ней помѣщался самъ хозяинъ каморки съ мальчикомъ ученикомъ и одинъ жилецъ, платившій за помѣщеніе 1 р. 75 к. въ мѣсяцъ. Въ общихъ мастерскихъ положеніе никакъ не лучше. Вотъ, напр. мастерская въ 9 ар. длины, 6 ар. и 7 вер. ширины, при 3 ар. 10 вер. вышины и въ ней размѣщается 15 чел.

Но и это еще не крайній предѣлъ скученности. Кромѣ каморочныхъ квартиръ существуютъ квартиры коечныя. Въ такихъ квартирахъ въ одной общей комнатѣ по стѣнамъ располагаются съ небольшими промежутками одиночныя и двойныя койки и кровати, сдающіяся отъ 1 р. 50 к. до 3 р. въ мѣсяцъ. Каждая изъ нихъ, собственно говоря, и представляетъ собою квартиру одного человѣка или и цѣлой семьи, состоящей изъ мужа и жены и одного или и болѣе ребенка. Мужчины по большей части ходятъ на работу, а женщины тутъ же на кроватяхъ вертятъ конфекты, или исполняютъ какую либо другую работу.

Далѣе слѣдуютъ квартиры ночлежныя или квартиры съ спаньемъ въ повалку на нарахъ и подъ нарами. Хозяйствъ съ ночлежниками въ Москвѣ насчитывается 15.3%.

Надо видѣть всѣ эти трущобы—жилища бѣднаго люда, чтобы вполнѣ оцѣнить всю нравственную неблагопріятность его существованія. «Полное смѣшеніе, которое равнымъ образомъ существуетъ въ жилищахъ большинства бѣдныхъ семей», замѣчаетъ Toxil, «есть еще одна изъ посредствующихъ причинъ прституціи. Стыдливость исчезаетъ, непристойность становится привычкой» [1]). Усиленное развитіе пьянства при

---

[1]) Въ томъ же отчетѣ комитету патронатства г. Брюсселя приведенъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ. Рабочая семья занимала одну комнату; она состояла изъ старика отца 70 лѣтъ, горькаго пьяницы, его жены, трехъ молодыхъ людей—дѣтей отъ перваго брака, двухъ дѣвушекъ и одного молодого человѣка—дѣтей отъ второго брака, и двухъ незаконнорожденныхъ дочерей третьей жены, а всего 10 чел. Въ комнатѣ была только одна кровать для родителей, а остальные 8 человѣкъ, изъ которыхъ младшей было 17 л., а старшему 29, спали на одномъ громадномъ мѣшкѣ изъ соломы. Результатомъ такого сожительства была беременность 3 молодыхъ дѣвушекъ отъ двухъ изъ мужскихъ членовъ семьи, которые говорили объ этомъ довольно свободно.

наличности такихъ условій, по моему мнѣнію, есть явленіе неизбѣжное, явленіе необходимое и необходимое по указаннымъ уже мною причинамъ. Въ опьяненіи люди обездоленные ищутъ временнаго забвенія и восполненія имъ недостающаго. «День труда прошелъ. Думаете ли вы, что рабочій проведетъ нѣсколько остающихся ему свободныхъ часовъ одинъ въ холодной комнатѣ?»—справедливо замѣчаетъ гр. d'Haussonville. «Нѣтъ! Онъ естественно пойдетъ въ кабакъ, который представляетъ собою клубъ для лицъ изъ народа». Въ Москвѣ у насъ между ремесленными рабочими все чаще начинаетъ попадаться особый типъ озвѣрѣлаго безсемейнаго пропойцы, который бродяжитъ по мастерскимъ, проводитъ не мало времени въ пивныхъ, въ трактирахъ-кабачкахъ, въ ихъ билліардныхъ, въ «кутузкахъ» частей и который знаетъ одного лишь всесильнаго бога—вино.

Для правильно организованной семьи и въ такой средѣ не рѣдко мало мѣста и потому она въ ней ослабляется, а иногда и вовсе разрушается; вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, падаетъ и ея морализующее вліяніе какъ на супруговъ, такъ, главное, и на подростающія поколѣнія. При такихъ условіяхъ существованія, семья часто становится тяжелой обузой [1]) и потому или не образуется вовсе или, образовавшись, скоро распадается, и супруги расходятся въ разныя стороны. Число незаконныхъ дѣтей и здѣсь также увеличивается, а забота и попеченія о дѣтяхъ соотвѣтственно уменьшаются и съ родителей не рѣдко перебрасываются на общество и на устраи-

---

[1]) Статистическія данныя, собранныя въ Германіи, показываютъ, что весьма значительное число преступленій выпадаетъ на долю именно тѣхъ, которые слишкомъ рано взяли на себя обязанность кормить семью.

ваемые имъ воспитательные дома и пріюты для нищихъ, безнризорныхъ, испорченныхъ и преступныхъ дѣтей.

Не трудно понять, какія неблагопріятныя органическія особенности должны и дѣйствительно развиваются и наслѣдственно передаются при такихъ длительно дѣйствующихъ условіяхъ окружающей обстановки. Въ Парижѣ, напр., смертность въ бѣдныхъ кварталахъ отъ 2 до 3 разъ болѣе, нежели въ кварталахъ достаточныхъ. Обычная же повышенная смертность всегда идетъ на ряду съ развитіемъ хроническихъ болѣзней и конституціональныкъ тяжелыхъ пороковъ организаціи, вслѣдствіе которыхъ дѣти уже являются на свѣтъ малокровными, слабыми, вялыми и съ истощенной нервной системой, а потому и часто болѣе или менѣе предрасположенными къ послѣдующему пьянству, порокамъ, разврату, извращеніямъ, лѣни, бездѣльничанью и бродяжеству. Вотъ одинъ изъ примѣровъ подобной семьи, приводимый гр. d'Haussonville. Отецъ семьи, по ремеслу портной, маленькій, худой и блѣдный человѣкъ; мать вялая и безкровная женщина. Эта захудалая пара, какъ не рѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, произвела 18 человѣкъ дѣтей. Сколько изъ нихъ осталось въ живыхъ, авторъ не помнитъ. Изъ двухъ, представленныхъ ему, дочь была нервная дѣвочка и страдала эпилепсіей, а мальчикъ—худосоченъ и золотушенъ.

Къ столь неблагопріятнымъ наслѣдственно-передаваемымъ органическимъ условіямъ присоединяется еще вліяніе низкой нравственности, по большей части господствующей въ подобной средѣ, и вліяніе дурныхъ примѣровъ, которые часто имѣютъ дѣти съ первыхъ же дней жизни, если и не со стороны родителей, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, то со стороны окружающихъ, съ которыми они такъ близко соприкасаются, при описанной скученности вообще и скученности половъ въ частности. «Чаще всего, прежде, не-

жели дѣти достигнутъ возраста пониманія, они уже успѣютъ все узнать, все увидать и у нихъ не остается ничего отъ той святой невинности, которую мы съ такой заботой охраняемъ въ нашихъ дѣтяхъ». Побуждаемыя влеченіемъ къ движенію и стремленіемъ убѣжать изъ подъ переполненнаго и непривѣтливаго родительскаго или другаго пріютившаго ихъ крова, лишеннаго воздуха и свѣта, они съ каждымъ днемъ все далѣе удаляются изъ дома на грязные обширные дворы и на просторъ улицы большого города и здѣсь попадаютъ въ общество другихъ такихъ же безпризорныхъ дѣтей, а также смѣшиваются съ обществомъ большихъ [1]), разговоры, шутки и забавы которыхъ часто только дополняютъ начавшееся развращеніе, и дѣти, не рѣдко явившіяся на свѣтъ уже предрасположенными, слишкомъ рано впитываютъ въ себя ядъ порока, легко передаютъ заразу другъ другу и взаимно способствуютъ общей порчѣ. Какъ сильно пагубное вліяніе такихъ уличныхъ безпризорныхъ сообществъ даже при существованіи порядочныхъ, но занятыхъ или слабыхъ родителей — это мы уже видѣли на весьма многихъ примѣрахъ.

Тому же въ значительной мѣрѣ способствуетъ и общее вліяніе большихъ городовъ, въ которыхъ органическое развитіе подростковъ наступаетъ вообще значительно ранѣе, нежели въ деревнѣ. Здѣсь вниманіе ребенка, вполнѣ удаленнаго отъ природы и ея впечатлѣній, поневолѣ прежде-

---

[1]) Въ учрежденіяхъ общества пособія несовершеннолѣтнимъ, въ числѣ прочихъ находился одинъ мальчикъ, который рано остался сиротой на попеченіи тетки, жившей на койкѣ. Тетка, за неимѣніемъ мѣста, отпустила его въ ночлежную квартиру. Живя здѣсь, онъ нищенствовалъ и бродяжилъ по улицамъ и находился вмѣстѣ съ другими такими же безпризорными мальчиками въ обществѣ взрослыхъ профессіональныхъ нищихъ и разнаго сброда, который, особенно въ праздники, предавался пьянству и грубому разгулу.

временно сосредоточивается на окружающихъ людяхъ и ихъ многообразныхъ отношеніяхъ. Сверхъ того чрезвычайное обиліе здѣсь всевозможныхъ раздраженій, единовременно дѣйствующихъ на всѣ органы, ускоряютъ пульсъ жизни и дѣлаютъ развитіе скороспѣлымъ, особенно у наслѣдственно нервныхъ натуръ, къ которымъ принадлежитъ значительное число городскихъ дѣтей. Поэтому въ большомъ городѣ дѣвочки вообще, какъ извѣстно, гораздо ранѣе становятся дѣвушками, а мальчики, если только органическое развитіе ихъ не останавливается, молодыми людьми и въ нихъ вслѣдствіе того гораздо ранѣе загораются чувственныя влеченія. «Трудно представить себѣ, если не пришлось этого видѣть много разъ собственными глазами», замѣчаетъ, между прочимъ, гр. d'Haussonville, «какъ преждевременно проявляется инстинктъ, побуждающій молодыхъ дѣвушекъ выходить на улицу». Онъ приводитъ при этомъ случай, когда мать, вызванная въ префектуру для объясненій по поводу своей 15-лѣтней дочери, заявила: «Уже давно, какъ она бросила меня, чтобы предаться бродяжеству и разврату».

Нѣкоторыя изъ такихъ безпризорныхъ дѣтей бѣдноты рано забрасываются на тротуарахъ большаго города, приспособляются къ бродячимъ и легкимъ городскимъ занятіямъ, или же сами рано совсѣмъ отбиваются отъ дому и отъ рукъ и становятся безремесленными дѣтьми широкой улицы. Они рано съ головой окунаются въ жизнь городскихъ притоновъ и вертеповъ и идутъ по пути бродяжества, нищенства, порока и преступленія. «Что вы хотите, чтобы я сказалъ вамъ, господинъ Президентъ» говорилъ на судѣ молокососъ-убійца, Maillot, по прозванію Желтый. «Съ семи лѣтъ я очутился одинъ на тротуарахъ Парижа. Я никогда не встрѣчалъ никого, кто бы поинтересовался мною. Ребенкомъ я былъ предоставленъ всѣмъ

случайностямъ. Въ перспективѣ я не имѣлъ ничего, кромѣ кражи. Я воровалъ и кончилъ убійствомъ».

Другія попадаютъ въ лавки и мастерскія, но также скоро отбиваются отъ рукъ и зачисляются въ разрядъ малолѣтнихъ преступниковъ. Третьи, съ грѣхомъ пополамъ, пріобрѣтаютъ какое-либо ремесло, но не идутъ по дорогѣ труда, а сбиваются съ пути и отдаются пьянству, разврату, нищенству и бродяжеству, а иногда и преступленію по разнымъ причинамъ и чаще всего потому, что они обреченные, т. е. люди лѣнивые и бездѣятельные по темпераменту, люди, не проявляющіе рѣшительно никакихъ интересовъ, никакого влеченія къ обученію, а только влеченіе къ сильнымъ возбужденіямъ и потому, при существующихъ условіяхъ труда, люди мало пригодные [1]).

Въ описанной средѣ, вполнѣ подготовленной къ тому всѣми условіями общественной жизни, преимущественно и развивается вполнѣ естественнымъ ходомъ чудовищное явленіе нашего времени. Я говорю о проституціи несовершеннолѣтнихъ, малолѣтнихъ и даже дѣтей. Въ Парижѣ, напр., на 3645 *задержанныхъ* — а такія обыкновенно представляютъ незначительное меньшинство—взрослыхъ приходилось 2571, а несовершеннолѣтнихъ, по большей части въ возрастѣ отъ 15—18 лѣтъ, 1074. Но 15 лѣтъ далеко не низшій предѣлъ. «Я видѣлъ въ префектурѣ полиціи досье одной маленькой дѣвочки, первое арестованіе которой восходитъ къ 13 годамъ; и это вовсе не единичный и исключительный случай»,—говоритъ гр. d'Haussonville. Въ Лондонѣ, на подобіе древняго Рима,

---

[1]) Упоминая только объ этихъ трехъ категоріяхъ, я, само собою разумѣется, не утверждаю тѣмъ самимъ, чтобы всѣ дѣти и подростки въ описываемой средѣ шли по одной изъ трехъ дорогъ. Есть несомнѣнно и множество типовъ иныхъ.

гдѣ развратъ захватилъ въ свое широкое теченіе самыхъ юныхъ дѣтей, дѣвочки съ 12 лѣтъ уже считаются пригодными къ ремеслу и тщательно разыскиваются для развращенныхъ и пресытившихся баловней судьбы, какъ показали обличенія Pall Mall Gazette [1]). «Я буду говорить о проституткахъ отъ 10 до 16 лѣтъ», заявлялъ сравнительно еще недавно изучившій вопросъ г. Berry предъ муниципалитетомъ Парижа. И при этомъ надо прибавить, о проституткахъ иногда продающихся для этой профессіи семьями [2]), а также подготовляющихся мастерскими [3]).

---

[1]) Здѣсь организованъ особый промыселъ покупки и продажи самыхъ юныхъ дѣвушекъ спеціально только для лишенія ихъ невинности, съ выдачею имъ предварительно медицинскихъ свидѣтельствъ въ ихъ непорочности. Несчастныя дѣти, разъ испытавъ раннее паденіе, по свидѣтельству самой вербовщицы—спеціалистки, почти всегда заканчиваютъ потомъ тротуаромъ.

[2]) „Родители пьяницы", говоритъ изслѣдователь Pall Mall Gazette, „часто продаютъ своихъ дѣтей содержателямъ публичныхъ домовъ". Далѣе онъ замѣчаетъ, что иногда матери 11—12 лѣтнихъ дѣвочекъ соглашаются на ихъ растлѣніе ради цѣны, платимой соблазнителемъ. „Ребенокъ вступаетъ въ публичный домъ, какъ баранъ на бойню". Онъ приводитъ разсказъ одного вербовщика, который подготовилъ ему, съ согласія родителей, двухъ маленькихъ дѣвочекъ. „Послѣ шампанскаго и ликеровъ моя старая подруга согласилась предоставить мнѣ свою дочь, очень хорошенькую маленькую дѣвочку 11 лѣтъ, за 5 ф. ст., если нельзя получить болѣе". Другая мать была менѣе сговорчива и не соглашалась продать свою 13-лѣтнюю дочь менѣе 10 или 8 ф., потому что она надѣялась получить за нее хорошую цѣну.

[3]) Въ сферѣ московской проституціи встрѣчаются сходныя явленія. Нѣкто Е. была дефлорирована однимъ купцомъ въ возрастѣ 12 лѣтъ и имѣла съ нимъ только одно сношеніе. Будучи 13 лѣтъ, она поступила, по совѣтамъ подругъ, къ своднѣ и сдѣлалась проституткой. Другая, нѣкто П., была насильственно дефлорирована въ возрастѣ 12 л. и 4 мѣсяцевъ и имѣла съ изнасилователемъ также только одно сношеніе. Въ возрастѣ 12 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ она попала въ негласный публичный домъ. Третья, нѣкто Г., была дефлорирована съ ея согласія какимъ-то неизвѣстнымъ ей въ возрастѣ 13 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ. Ее уговорила сводня на это за какой то костюмъ и пальто и т. д.

Изъ этой среды главнымъ образомъ выходятъ и взрослыя проститутки, число которыхъ въ такихъ городахъ, какъ Парижъ и Лондонъ, по оцѣнкѣ вполнѣ компетентныхъ лицъ, никакъ не менѣе 50 тысячъ въ каждомъ. Изъ нея преимущественно выходятъ и развращенные посредники и посредницы этой профессіи [1], а также живущіе на счетъ публичныхъ женщинъ, воровства и грабежа, сутенеры или альфонсы [2] и лица, продающія себя для удовлетворенія самыхъ гнусныхъ пороковъ [3] и такъ называемые (maîtres chanteurs),

---

[1]) Одна изъ такихъ посредницъ, занимавшаяся поставкой невинныхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, вполнѣ оправдывала себя, во-первыхъ, тѣмъ, что она вдова, имѣетъ большую семью и должна сдѣлать что нибудь для своихъ дѣтей, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что дѣвочки рано или поздно непремѣнно будутъ развращены. А если такъ, то лучше, чтобы ихъ растлилъ какой-нибудь богатый господинъ, который имъ дастъ денегъ, нежели ихъ растлитъ какой-либо мальчишка или молодой товарищъ: отъ этихъ онѣ не получатъ ничего.

[2]) „Пока женщина работаетъ для нихъ“, говоритъ слѣдственный судья Guillot, „они складываютъ руки и проводятъ цѣлые дни въ бездѣльничаньи; они спокойно ожидаютъ, чтобы несчастная принесла имъ свою дань, которую они немедля же скорѣе проматываютъ, нежели тратятъ; они такимъ образомъ пріобрѣтаютъ привычку расточительности, удовлетворить которую невозможно при посредствѣ даже наилучше вознаграждаемой работы. Вслѣдствіе этого они вполнѣ естественнымъ ходомъ приводятся къ совершенію преступленій“. При этомъ онъ приводитъ въ примѣръ одного убійцу, задушившаго своего пріятеля, чтобы завладѣть его кошелькомъ. Желая хоть отчасти оправдаться, онъ говорилъ: «Я совершилъ это потому, что моя любовница не давала мнѣ болѣе денегъ».

[3]) Отсюда преимущественно выходятъ пассивные педерасты, продающіе себя богатымъ кліентамъ для оргій и сдѣлавшіе изъ педерастіи постоянную профессію. Они живутъ на правильномъ содержаніи и нерѣдко у нѣсколькихъ лицъ одновременно, носятъ между своими женскія имена, на свои балы являются въ женскихъ костюмахъ и не рѣдко въ своихъ кружкахъ празднуютъ свои свадьбы съ своими богатыми поклонниками. Между профессіо-

эксплоатирующіе эти пороки угрозой доноса и доводящіе свои жертвы до отчаянія и разоренія. Отсюда же выходитъ и множество другаго зла, разъѣдающаго общество.

Таковы факторы возрастанія ранней тяжкой преступности молодежи и таковы общественныя условія, способствующія развитію. Трудно преувеличить значеніе гибельныхъ послѣдствій развращенія и извращенія родоваго чувства, которое входитъ столь важною составною частью въ наше самочувствіе и придаетъ ему, какъ мы уже знаемъ его лучшіе и безусловно необходимые для правильной совмѣстной жизни цвѣта и оттѣнки. Это пагубное вліяніе мы, повидимому, можемъ наблюдать уже въ животномъ царствѣ. Д-ръ Tillier сообщаетъ, что нѣкоторыя формы обезьянъ въ настоящее время вырождаются и готовы исчезнуть, благодаря усиленно развившемуся между ними половому инстинкту и его чрезмѣрному преобладанію надъ другими. Въ царствѣ человѣка отъ развращенія и извращенія родоваго чувства гибли древнія цивилизаціи и изсякали жизненныя силы древнихъ образованныхъ народовъ. Вспомнимъ хотя бы древнихъ египтянъ, грековъ и римлянъ съ ихъ ужасающими оргіями, захватившими не только отдѣльныя лица, но и массы [1]). Особенно поучительна въ этомъ отношеніи

нальными педерастами, особенно опасными, являются такъ-называемые «тетки», которые одновременно и альфонсы и пассивные педерасты. Эти обыкновенно не останавливаются ни передъ чѣмъ и легко прибѣгаютъ къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ образуютъ такъ-называемыя «сожительства втроемъ», единовременно служа мужу и женѣ завѣдомо для этихъ послѣднихъ.

[1]) Однѣ изъ этихъ оргій, извѣстныя подъ именемъ floralеs торжествовались слѣдующимъ образомъ. Предшествуемыя трубами совершенно голыя куртизанки, закутанныя только сверху, направлялись цѣлымъ многочисленымъ кортежемъ въ циркъ, куда

исторія царя вселенной—Рима. Когда развратъ широко распространился въ римскомъ обществѣ и въ корнѣ потрясъ его прежніе строгіе нравы [2]), осуждавшіе даже поцѣлуй жены въ присут-

со всѣхъ сторонъ стекался народъ. Здѣсь онѣ сбрасывали съ себя верхнія одежды и оставались въ полной наготѣ. Въ такомъ видѣ онѣ бѣгали, боролись, плясали, производя при этомъ самыя непристойныя и сладострастныя движенія. Потомъ на арену врывались нагіе мужчины, смѣшивались съ женщинами, и производились невообразимыя публичныя оргіи, вызывавшія восторги толпы, Не менѣе постыднымъ образомъ отправлялись въ храмахъ таинства Изиды и Вакханаліи. Послѣднія праздновались въ уединенныхъ мѣстахъ и начинались питьемъ вина въ изобиліи, послѣ чего происходило полное смѣшеніе половъ и возрастовъ. Голыя женщины бѣгали, плясали, пѣли постыдныя пѣсни и вызывали мужчинъ жестами и предложеніями. Вся толпа празнующихъ охватывалась какимъ-то безуміемъ разврата и каждый дѣйствовалъ такъ, какъ бы онъ былъ одинъ, не обращая вниманія на множество присутствующихъ. Только съ наступленіемъ утра прекращалась оргія и участники расходились по домамъ, утомленные и истощенные.

[1]) Публичные дома появились повсюду во множествѣ. Число проститутокъ тайныхъ и явныхъ для всѣхъ классовъ общества возрасло до крайнихъ предѣловъ; нѣкоторыя изъ нихъ были проститутки бродячія, erratica scorta, отправлявшія свое ремесло прямо на улицахъ и рынкахъ. Проститутки, вопреки дисциплинѣ, во множествѣ слѣдовали за арміями. На пирахъ у богатыхъ и знатныхъ появились сладострастныя танцовщицы и игрицы на флейтахъ, Куртизанки выставляли себя съ необычайнымъ великолѣпіемъ повсюду въ публичныхъ мѣстахъ, задавали тонъ, декретировали моды, разоряли стариковъ и развращали подростковъ. Невольники носили ихъ по улицамъ въ великолѣпныхъ альковахъ и онѣ тутъ же продавали себя желающимъ. Въ многочисленныхъ публичныхъ домахъ различныхъ разрядовъ для всѣхъ классовъ общества устраивалось одинаковое количество спаленъ какъ для женщинъ, такъ и для мальчиковъ, въ которыхъ послѣдніе предавались пассивной педерастіи. Промыселъ поставки невинныхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ любителямъ также развился до обширныхъ размѣровъ. Въ аристократическихъ фамиліяхъ мальчикамъ стали давать маленькихъ невольниковъ (concubinus) для удовлетворенія ихъ зараждающихся страстей. Такіе же невольники были и у взрослыхъ и составляли ихъ сераль. Послѣ

ствіи дочери, когда расшатались самые устои семьи и порча безпощадно охватила дѣтей и подростковъ, когда жизнь стала имѣть исключительной цѣлью удовольствія, пиршества, игры цирка наслажденія желудка и любви, — тогда смертный приговоръ Рима былъ подписанъ, потому что его извращенные развратомъ, разслабленные и изжитые граждане не годились уже болѣе для своей прежней роли и должны были пасть предъ варварами, съ необходимостью уступая свое мѣсто органически и психически болѣе достойнымъ. Только когда христіанство съ его строгою нравственностью, распространившись въ средѣ свѣжихъ народностей, осудило и уничтожило вакханаліи, таинства доброй богини Изиды и другія опьяняющія и изсушающія оргіи, когда она освятило и сдѣлало обязательнымъ для своихъ послѣдователей чистый и прочный моногамическій бракъ и провозгласило жизненнымъ правиломъ, что каждый, воззрѣвшій на постороннюю женщину съ вожделѣніемъ, уже прегрѣшилъ съ нею въ сердцѣ своемъ— только тогда создались благопріятныя условія для здоровой общественной жизни и для правильнаго развитія народовъ.

Нарощеніемъ числа скороспѣлыхъ тяжкихъ преступниковъ не исчерпывается и тысячная доля всего зла, происходящаго отъ извращеній родоваго чувства. Преступленіе есть лишь одно изъ приявленій, хотя и проявленій ужасныхъ, дурныхъ особенностей натуры, которыя могутъ и дѣйствительно всегда проявляются и въ другихъ формахъ. Люди, съ одинаковыми даже особенностями натуры, при однихъ условіяхъ становятся преступниками, а при другихъ остаются только дурными, развращенными и безнравственными людьми. Эти послѣдніе сво-

---

пировъ они обыкновенно появлялись на ложахъ у пирующихъ и принимали участіе въ заключительныхъ оргіяхъ.

бодно дѣйствуютъ въ обществѣ въ качествѣ его полноправныхъ членовъ и безнаказанно развиваютъ въ немъ ужасную заразу, подготовляя болѣе или менѣе отдаленно и самое преступленіе [1]). Распространенность скороспѣлой тяжкой преступности есть только одинъ изъ симптомовъ дурнаго общаго состоянія. Она указываетъ, что на ряду съ нею существуютъ и другія однородныя вредоносныя общественныя явленія. Жестокость и кровожадность, какъ особенности натуры, существуютъ и проявляются у людей и ранѣе совершенія ими преступленія и выработываются въ семейной и общественной жизни поколѣній и закрѣпляются наслѣдственностью. Если во главѣ Рима стали возможны поражающіе насъ своею чудовищностью изверги — яркіе представители распространившихся извращеній половаго или родоваго чувства въ народѣ — то еще ранѣе, а также совмѣстно и впослѣдствіи, въ самомъ римскомъ обществѣ, подъ вліяніемъ всемірныхъ завоеваній и дурныхъ экономическихъ и общественныхъ порядковъ, народились многочисленные типы вырожденія, поражающіе своей безнравственностью и порочностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали возможны

---

[1]) Объ одномъ интересномъ представителѣ этого сорта людей упоминаетъ между прочимъ, слѣдственный судья Guillot. Описываемый имъ былъ отцомъ семнадцати человѣкъ дѣтей; онъ отличался выдающимися умственными способностями и замѣчательной энергіей. До поздняго возраста онъ былъ свободенъ отъ всякихъ осужденій и тѣмъ не менѣе вся его предшествующая жизнь представляла собою только рядъ дурныхъ и безнравственныхъ поступковъ и дѣйствій. Онъ началъ съ того, что сдѣлался игрокомъ и предался всевозможнымъ удовольствіямъ. Дѣла его пошли дурно и онъ тогда сталъ искать развлеченій въ самыхъ постыдныхъ "ороках". Во время коммуны онъ отличался своими жестокостями и хотѣлъ взорвать Парижъ. Онъ хвалился тѣмъ, что онъ первый всегда открывалъ огонь и послѣднимъ оставлялъ бой. Онъ соблазнилъ собственную дочь и былъ осужденъ за дѣтоубійство и произведеніе выкидыша, при чемъ и оказалось, что до этого времени его уголовный формуляръ не зналъ приговоровъ.

всѣ ужасы гражданскихъ войнъ, сопровождавшихся потоками крови и проявленіями ужасной кровожадности, и варварскія забавы въ колизеѣ, вызывавшія восторги хотя органически и разслабленной, но жестокой толпы. Представители этихъ типовъ своею дѣятельностью постепенно и подготовили разложеніе общества, въ которомъ «роскошь, изнѣженность, жажда денегъ и сластолюбіе охватили и развратили всѣ классы», въ которомъ, по словамъ Сальвіана, «невоздержность, лѣнь, небрежность и разгулъ, пьянство и сонъ овладѣли всѣми» и въ которомъ, по выраженію Гиббона, «мысли каждаго сосредоточились на пріобрѣтеніи выгодъ и удовлетвореніи своихъ наклонностей», и люди стали неспособны «имѣть благородныя мысли».

Общество обыкновенно поражается, возмущается и волнуется дѣйствительно ужасными злодѣяніями скороспѣлыхъ преступниковъ и требуетъ репрессіи. Но очевидно, что не суровыми уголовными наказаніями во всей ихъ строгости можно вполнѣ успѣшно бороться съ ранней развращенностью и *послѣдующей* тяжкой преступностью у дѣтей и подростковъ, какъ на этомъ настаивали нѣкоторые члены конгресса. «За виновнымъ, котораго запрутъ въ одиночную келью, котораго сошлютъ въ отдаленныя страны или уничтожатъ при посредствѣ смертной казни, явятся другіе въ сомкнутыхъ баталіонахъ», — совершенно справедливо замѣчаетъ Guillot, — «и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока преступленіе будетъ находить въ нашихъ общественныхъ нравахъ благопріятныя условія для своего развитія».

Ранняя тяжкая преступность, развивается, какъ мы видимъ теперь, на почвѣ истощенія, зачерствѣнія и извращенія чувствъ и слагающагося изъ нихъ самочувствія, а, слѣдовательно, и на почвѣ извращенія самыхъ основъ психической

личности, необходимо отражающагося какъ на ея нравственной, такъ и на ея интеллектуальной сторонѣ. А все это такія условія, которыя едва ли могутъ восполнить и безъ того недостающую малолѣтнимъ полноту душевнаго развитія, безусловно необходимаго для уголовной отвѣтственности; напротивъ, они уменьшаютъ ее и дѣлаютъ малолѣтнихъ еще болѣе недостаточными.

Съ другой стороны, страхъ уголовныхъ наказаній, страхъ тюрьмы и каторги безсиленъ бороться съ глубокими причинами только что разсмотрѣнной нами психической недостаточности и извращенности и развивающейся уже изъ нихъ наклонности къ преступленію. Эти причины, какъ мы уже видѣли, не присущи исключительно сферѣ преступленія, напротивъ, онѣ дѣйствуютъ въ болѣе обширной сферѣ,—въ сферѣ семьи, въ сферѣ общественнаго строя и нравовъ вообще, а потому и бороться съ ними нужно на другой почвѣ и другими средствами.

Заключеніе.

Уголовно-антропологическую школу, къ представителямъ которой я имѣю честь принадлежать уже очень давно [1]), за ея стремленіе выяснить и органическія условія преступности, нѣкоторые упрекаютъ въ матеріализаціи духовныхъ явленій. Странный и неосновательный упрекъ.

Изученіе органическихъ условій психическихъ явленій никоимъ образомъ не равнозначно матеріализму, какъ философской системѣ, и при немъ духовная сущность остается незатронутой. Это изученіе имѣетъ въ виду органическія сопутствующія доступныхъ только нашему самосознанію душевныхъ явленій, не допускающихъ изученія въ своей сущности, и вовсе не имѣетъ въ виду разложенія и упраздненія души, какъ ненужнаго баласта. Антропологическая школа хорошо понимаетъ, что на почвѣ изученія органическихъ условій не можетъ быть рѣшенъ вопросъ о сущности духа, которая

---

[1]) Моя первая печатная работа въ этомъ направленіи относится къ 1879 г. Въ предисловіи ко второму выпуску „Малолѣтнихъ преступниковъ“ (Общая психологія преступности) я подробно изложилъ тѣ причины, которыя вынудили меня—воспитанника классической школы уголовнаго права, рѣшительно стать на сторону школы уголовно-антропологической.

при всѣхъ воззрѣніяхъ и всегда останется для человѣка загадкой бытія. Поэтому и дѣлаемые ей упреки въ какомъ-то грубомъ матеріализмѣ вызваны странными недоразумѣніями и неправильнымъ пониманіемъ. Антропологическая школа вовсе не рѣшаетъ и не пытается рѣшить вопросъ о сущности связи физическаго и психическаго. Она только принимаетъ эту постоянно всѣми наблюдаемую связь, какъ данное, какъ непоколебимый фактъ научнаго изученія и при этомъ регистрируетъ нѣкоторыя изъ проявленій этой связи. Подобно психіатрической наукѣ, которую, однако, никому не приходитъ въ голову обвинять въ грубомъ матеріализмѣ, она вовсе не задается вопросомъ объ основномъ единствѣ или двойственности существа человѣка, всецѣло предоставляя его разрѣшеніе общимъ міровоззрѣніямъ. Она, какъ и наука вообще, не можетъ и не должна служить ареною для стычекъ и споровъ идеализма съ матеріализмомъ, которые могутъ найти себѣ болѣе подходящую почву—область гаданій и спекуляцій. Она имѣетъ свою особую задачу—всестороннее изученіе преступника во всѣхъ его особенностяхъ какъ психическихъ, такъ и физическихъ. Поэтому, изучая явленія порочности и преступности, она всегда стремится изучать и ихъ необходимыя органическія сопутствующія, и всегда стремиться найти и указать сосуществованіе опредѣленныхъ различій въ характерахъ съ опредѣленными статическими и динамическими особенностями организацій, не касаясь самой сущности связи между ними. Поэтому, ученія уголовно-антропологической школы одинаково согласимы съ различными общими міровоззрѣніями.

Уголовно-антропологическую школу упрекаютъ далѣе въ колебаніи и расшатываніи нравственныхъ ученій. Но такъ ли это? Истинно дурное и безнравственное и по ея мнѣнію дурно и безнравственно; ихъ она считаетъ необходимымъ устранять

всѣми разумными, дѣйствительными и потому цѣлесообразными средствами. Стремленіе къ высокимъ нравственнымъ идеаламъ въ ея глазахъ свято и безусловно необходимо для успѣшнаго роста общества и для правильнаго и здороваго развитія общественной жизни. Она хорошо понимаетъ, что законы нравственности суть въ тоже время и законы правильной и здоровой жизни и представляютъ собою необходимый выводъ изъ общественныхъ явленій.

Уголовно-антропологическую школу обвиняютъ и въ томъ, что устраняя нравственное вмѣненіе, какъ основаніе уголовной репрессіи, она будто бы тѣмъ самимъ «уничтожаетъ понятіе долга и правосудія и оставляетъ обезчещенное общество безъоружнымъ среди развалинъ всѣхъ его основъ». Странное смѣшеніе понятій. Съ своей стороны я рѣшительно постичь не могу, почему съ устраненіемъ понятія нравственнаго вмѣненія, но, конечно, только въ томъ смыслѣ, какъ его принимаютъ послѣдователи классической школы уголовнаго права, — должны пасть понятія долга и правосудія? Отрицая возможность основать уголовную репрессію на понятіи нравственнаго вмѣненія въ смыслѣ классической школы, школа антропологическая утверждаетъ только, что поступающіе безнравственно и преступно поступаютъ такъ, а не иначе, именно потому, что они безнравственны и развращены, иначе говоря, потому, что они лишены нравственности и потому, что особенности ихъ дѣйствій, какъ и особенности дѣйствій всѣхъ остальныхъ людей, вполнѣ соотвѣтствуютъ особенностямъ ихъ характеровъ. Исходя изъ этого, она и не считаетъ возможнымъ карать *за то*, что преступникъ поступилъ безнравственно и преступно, имѣя полную внутреннюю возможность поступить совершенно иначе при всей совокупности данныхъ условій. Нѣтъ, она утверждаетъ, что данный преступникъ поступилъ именно такъ, какъ онъ долженъ былъ поступить,

при наличности вполнѣ опредѣленныхъ особенностей своего характера и при данныхъ условіяхъ окружающей обстановки. Поэтому антропологическая школа считаетъ нужнымъ примѣнять мѣры репрессіи не *за то*, а только *потому*, что человѣкъ оказался безнравственнымъ и преступнымъ и при томъ *для того*, чтобы по возможности измѣнить его и приспособить къ обществу, а въ случаѣ невозможности — обезопасить отъ него общество. Относясь такъ, антропологическая школа, очевидно, исходитъ только отъ несомнѣнно совершившагося факта, но не впадаетъ въ область гаданій и предположеній. Она знаетъ, что преступленіе совершено и совершено не случайно и что въ немъ проявились вредоносныя особенности личности, но она не гадаетъ о томъ, могъ или не могъ данный преступникъ воздержаться и поступить иначе, при данныхъ условіяхъ окружающей обстановки.

При такихъ гаданіяхъ и предположеніяхъ обыкновенно говорятъ о силѣ и власти воли надъ различными движеніями души, приводятъ характерные и казалось бы вполнѣ доказательные примѣры такой власти и выводятъ заключенія о ея наличности и въ данномъ случаѣ. Упускаютъ лишь немногое изъ вида. Волевая власть несомнѣнно существуетъ и потому несомнѣнно должны существовать и яркіе примѣры ея проявленій. Но у кого? Вотъ именно этотъ вопросъ обыкновенно и упускаютъ изъ вида при спорахъ о способности сдерживаться. Забываютъ, что люди, какъ ихъ знаетъ опытъ и наблюденіе, вовсе не одинаковыя и всегда другъ другу равныя величины. Что легко и вполнѣ возможно для однихъ, то крайне трудно и даже не всегда возможно для другихъ. Конечно, существуютъ люди, у которыхъ самочувствіе доста-

точно и выгодно уравновѣшено и ни одно изъ входящихъ въ составъ его системныхъ чувствъ чрезмѣрно не окрашено и не извращено, у которыхъ, наконецъ, достаточно развитъ при этомъ и интеллектъ съ задерживающею и направляющею силою и властью представленій. Такіе люди, конечно, могутъ и дѣйствительно владѣютъ и управляютъ собой. Но не всѣ таковы. На ряду съ ними существуютъ другіе, у которыхъ тѣми же особенностями личнаго и наслѣдственнаго прошлаго задерживающая сила и направляющая власть интеллекта и его представленій болѣе или менѣе ослаблены, а системныя чувствованія, входящія въ составъ самочувствія, крайне неравномѣрно напряжены и окрашены, вслѣдствіе чего изъ нихъ зарождаются властныя и нерѣдко господствующія специфическія чувственныя влеченія. Въ противоположность первымъ, мы называемъ такихъ людей недостаточными, порочными и дурно уравновѣшенными натурами. Они часто бываютъ рабами своихъ властныхъ влеченій, и во время кульминаціоннаго развитія послѣднихъ часто не могутъ сдерживаться (припомнимъ здѣсь наблюденіе Magnan'a). Поэтому, трудно говорить о ихъ способности управлять собою до тѣхъ поръ, пока принудительному перевоспитанію и дисциплинированію не удастся ослабить и нѣсколько видоизмѣнить ихъ несчастныя особенности. Они, конечно, болѣе или менѣе жалкіе люди, но они существуютъ, и съ фактомъ ихъ существованія нельзя не считаться.

Если просмотрѣть всю жизнь такихъ людей, то не трудно будетъ видѣть, что во всѣ ея періоды, когда они еще и не сталкивались съ уголовнымъ закономъ, они дѣйствовали не только во вредъ другимъ, но также и во вредъ, а иногда и на пагубу себѣ. Лично вредоносныя дѣйствія, которыя совер-

шались внѣ всякихъ соображеній объ уголовной отвѣтственности и безотвѣтственности, всего лучше могутъ служить не заподозриваемыми показателями ихъ малой способности сдерживаться и управлять собою. Если даже любовь и забота о самихъ себѣ—эти сильнѣйшіе стимулы дѣятельности, оказывались недостаточны для обузданія ихъ вредоносныхъ влеченій, то что же сдѣлаютъ другіе стимулы?

Держась такихъ взглядовъ, антропологическая школа, очевидно, вовсе не проповѣдуетъ безотвѣтственности и невмѣняемости. Она утверждаетъ, напротивъ, что всѣ безъ исключенія отвѣтственны за свои дѣянія передъ требованіями огражденія общества отъ зла преступленія и что всѣмъ должно ставить на счетъ ими содѣянное. Здѣсь не должно быть различій. Различія только въ цѣлесообразныхъ мѣрахъ огражденія и репрессіи. Въ одномъ случаѣ, въ случаѣ душевной болѣзни въ собственномъ смыслѣ—лишеніе свободы и принудительное леченіе вплоть до выздоровленія и обезвреженія, а въ другомъ—то же лишеніе свободы, принудительное дисциплинированіе, дрессура и уголовное исправленіе, т.-е. подъемъ на незначительную сравнительно величину до minimuim'а требованій, предъявляемыхъ къ человѣку для свободной жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ.

Мѣры послѣдней категоріи, вслѣдствіе крайняго различія лицъ, на которыхъ онѣ предназначены воздѣйствовать, должны возможно индивидуализироваться для своей цѣлесообразности, а потому онѣ и не могутъ допускать опредѣленія напередъ. Дѣло суда—признать данное лицо отвѣтственнымъ за совершенное имъ дѣяніе. Ближайшее же опредѣленіе характера мѣръ репрессіи и продолжительности времени ихъ примѣненія—дѣло послѣдующаго опыта и наблюденія въ учрежденіяхъ,

которыя предназначены имѣть дѣло съ осужденными преступниками. Какъ должны быть организованы такія учрежденія, чтобы представлять вполнѣ достаточныя гарантіи справедливости и отсутствія произвола—вопросъ, котораго я теперь, конечно, касаться не могу и не стану. Я подчеркиваю лишь, что мѣры репрессіи, направленныя на исправленіе, должны опредѣляться не на угадъ, а по точнымъ даннымъ наблюденія и опыта. Гарантіи же и при томъ гарантіи вполнѣ достаточныя, несомнѣнно должны быть.

На это возразятъ пожалуй, что, при отсутствіи опредѣленій напередъ, преступленія, болѣе тяжкія, могутъ иногда повлечь наказанія относительно легкія, по ихъ сравнительно незначительной продолжительности, тогда какъ преступленія, относительно маловажныя, могутъ вызывать чрезмѣрно длящіяся лишенія свободы и тѣмъ нарушать правильное соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ. Неосновательное возраженіе. Если оно и можетъ имѣть значеніе, то только въ глазахъ тѣхъ, которые исходятъ отъ преступленія, какъ строго обограниченнаго дѣянія, а не отъ преступности, какъ выработывавшихся и сложившихся особенностей лица, дѣлающихъ его преступнымъ и опаснымъ, и которые видятъ въ наказаніи актъ отмщенія, а не разумныя мѣры для разумнаго огражденія общества и для исправленія виновнаго. Иначе, какой можно желать большей гарантіи для огражденія общества, какъ освобожденія только подъ условіемъ достигнутаго уголовнаго исправленія и устраненія опасности. Преступленіе есть фактъ прошлаго, а въ области уголовнаго права по поводу прошлаго нужно глядѣть въ будущее и, руководствуясь указаніями прошлаго, нужно стремиться обезопасить и упорядочить это будущее. Мѣры репрессіи—мѣры для будущаго,

которыя поэтому и не могутъ нормироваться только по прошлому.

Сверхъ того, между мѣрою дѣйствительной преступности и мѣрою цѣлесообразности средствъ репрессіи само собою всегда будетъ существовать прямое соотвѣтствіе. Конечно, бываютъ случаи, когда преступленіе представляется исключительнымъ явленіемъ въ жизни человѣка—продуктомъ вполнѣ экстраординарныхъ условій. Въ такихъ случаяхъ, по общему справедливому признанію, передъ нами не столько преступленіе, сколько несчастное стеченіе особыхъ обстоятельствъ, не указывающее на сколько нибудь важную преступность виновника почти случайнаго зла. Но это случаи вполнѣ исключительные.

Во всѣхъ же остальныхъ,—въ случаяхъ дѣйствительно болѣе или менѣе развитой преступности, чѣмъ болѣе будетъ эта послѣдняя, тѣмъ труднѣе будетъ достигаться дисциплинированіе и уголовное исправленіе и тѣмъ, слѣдовательно, тяжелѣе будутъ сами сабой примѣняемыя мѣры репрессіи.

Изъ всего сказаннаго ясно, насколько неосновательны обвиненія антропологической школы въ томъ, что она будто бы смѣшиваетъ нравственное и безнравственное и проповѣдуетъ безотвѣтственность порока и преступленія. Ничего подобнаго. Она только не считаетъ возможнымъ карать и причинять страданія преступнику *за то*, что въ немъ нѣтъ нужныхъ силъ, достоинствъ и способностей, но въ тоже время она находитъ нужнымъ цѣлесообразными воздѣйствіями развить въ немъ это необходимое и недостающее, исправить его, т. е. поднять на сравнительно незначительную величину уголовнаго исправленія и тѣмъ разумно разрѣшить задачу.

Между классическою и антропологическою школами споръ въ сущности идетъ вовсе не объ отвѣтственности, которую и

послѣдняя всецѣло признаетъ, но объ основаніяхъ, цѣляхъ и цѣлесообразности мѣръ репрессіи. Антропологическая школа, помимо доказательства своихъ положеній, настаиваетъ еще на необходимости пересмотра правильности основныхъ понятій классической школы. Не потрясая рѣшительно никакихъ общественныхъ устоевъ, она утверждаетъ, между прочимъ, что понятіе классической школы о наказаніи вовсе не есть что-либо доказанное въ своей правильности, а, напротивъ, представляетъ собою лишь переживаніе отъ глубокой старины, въ которомъ перемѣшались до нераспознаваемости обломки разновѣковыхъ и разнородныхъ воззрѣній и въ которомъ до сихъ поръ господствующею составною частью является наиболѣе первобытное понятіе выкупа вреда, съ присоединеніемъ понятія устрашенія какъ виновнаго, такъ и всѣхъ другихъ подобныхъ ему. Отсюда и стремленія къ уравненію и двойному взвѣшиванію — съ одной стороны количества преступленія, а съ другой — количества страданія за него, а иногда и назначеніе лишняго. Разъ надо выкупить зло преступленія — необходимо оцѣнить его и дать за него въ обмѣнъ признаваемое равноцѣннымъ ему количество зла наказанія, иначе говоря, равноцѣнное количество страданія, а иногда и назначить лишнее для устрашенія. Отсюда же и опредѣленная напередъ мѣра и тарифъ наказанія. Въ этой системѣ первобытные вѣка, при посредствѣ переживанія понятій, продолжаютъ еще властвовать надъ настоящимъ, порождаютъ горячіе споры и нерѣдко навлекаютъ на поборниковъ новаго болѣе разумнаго отношенія тяжелыя и незаслуженныя обвиненія.

Противъ приведенной мѣновой, если можно такъ выразиться, точки зрѣнія на наказаніе, вовсе не гарантирующей общество, и возстаетъ антропологическая школа, нисколько не отрицая

отвѣтственности и цѣлесообразныхъ мѣръ репрессіи зла преступленія, которое подтачиваетъ самыя основы общественной жизни.

Коснувшись упрековъ, дѣлаемыхъ антропологической школѣ, не могу не остановиться и еще на одномъ. Говорятъ, что разрушая все старое, она не даетъ взамѣнъ ничего новаго. На сколько справедлива первая половина этого обвиненія о разрушительности — мы уже видѣли. Вторая не болѣе основательна.

Изучая не преступленіе, въ которомъ только проявляются особенности преступника, а этого послѣдняго, какъ онъ проявляется въ преступленіи и въ жизни вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ изучая и глубокія причины человѣческой преступности, кроющіяся какъ въ самихъ дѣятеляхъ, такъ и внѣ ихъ — въ окружающей физической и соціальной средѣ, антропологическая школа тѣмъ самимъ раскрываетъ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ широкіе горизонты и вполнѣ ясно и опредѣленно указываетъ новые вѣрные пути для направленія государственно-общественной политики въ борьбѣ съ преступленіемъ, которая, чтобы быть плодотворной, всегда должна направляться особенностями дѣйствующихъ причинъ. Раскрывая сцѣпленіе причинъ и слѣдствій въ явленіяхъ души человѣка и въ зависящихъ отъ нихъ особенностяхъ дѣятельности, а чрезъ то и въ фактахъ общественной жизни, она тѣмъ самимъ говоритъ обществу наиболѣе яснымъ и понятнымъ для него языкомъ и наглядно предостерегаетъ его отъ того или иного отношенія къ явленіямъ живой дѣйствительности. Можно смѣло утверждать, что когда станутъ внимательнѣе и глубже вдумываться въ факты уголовной антропологіи, имѣющей дѣло съ самыми темными явленіями общественной жизни, тогда много зла и бѣдствій исчезнетъ съ лица земли. Сурово и вполнѣ отрицательно отно-

ситься къ пороку и преступленію, какъ къ величайшимъ общественнымъ язвамъ, и въ то же время, понимая сцѣпленіе причинъ и слѣдствій въ явленіяхъ, отрѣшаться отъ плохого совѣтчика— злого чувства мести по отношенію къ преступнику, и тѣмъ самимъ до извѣстной степени примиряться съ нимъ и примирять съ нимъ общество, изыскивая при этомъ дѣйствительныя средства къ его обезвреживанію въ его субъективной сторонѣ—вотъ задача, достойная науки, которая въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, идетъ рука объ руку съ чистѣйшей нравственностью, а не противъ нея.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе.

Глава первая. Историческій ходъ развитія новыхъ ученій въ уголовной антропологіи 1

Глава вторая. Уголовно-антропологическіе вопросы на международныхъ конгрессахъ 39

Глава третья. Явленія вырожденія, преступность и типы психической неуравновѣшенности . . 122

Глава четвертая. Неуравновѣшенные наслѣдственники и ихъ вліяніе на строй общественной жизни 153

Глава пятая. Убійства и убійцы 185

Глава шестая. Нѣкоторые изъ соціальныхъ факторовъ преступности 243

Заключеніе 283

λ

Uridicheskaia Biblioteka #5

SEARCHING CHECK LIST

Prestuplenost' i prestupniki

Book

Old Russian

S. Peterb 1895

RUS 98 6 DR1 ___

Old title ___

Old author ___

Dmitrev Dri(?)

Olivart ___

INT ___

RLIN ___

NUC ___

Authority

HOLLIS ___

RLIN ✓